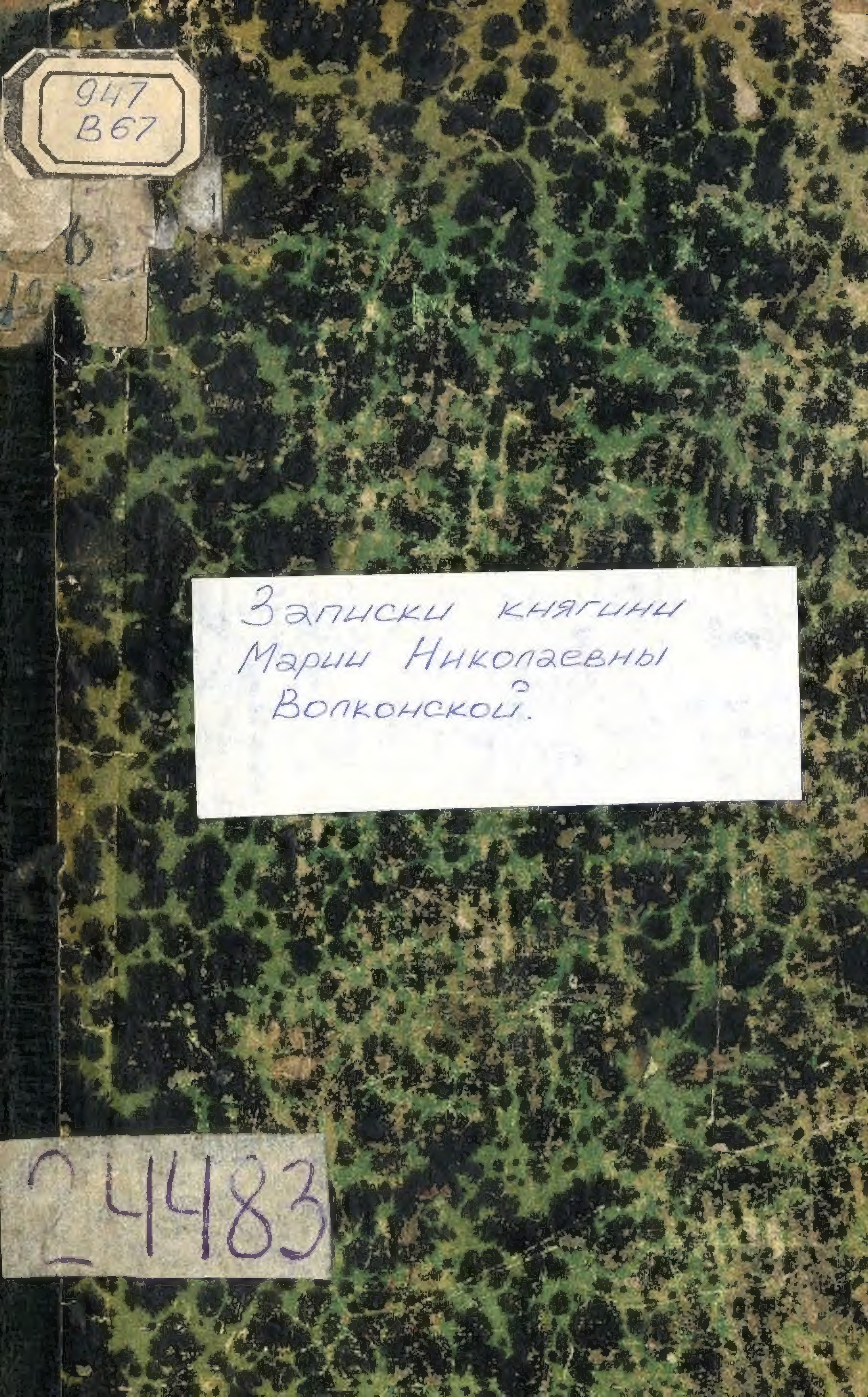

Записки княгини
Марии Николаевны
Волконской.

Кн. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ.

ЗАПИСКИ

КНЯГИНИ МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ

ВОЛКОНСКОЙ.

Переводъ съ французскаго оригинала

А. Н. КУДРЯВЦЕВОЙ.

Біографическій очеркъ и примѣчанія

П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ
съ иллюстраціями и указателемъ собственныхъ именъ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Типографія Спб. Т-ва. Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская, 40.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

10 августа 1913 года минуло полвѣка со дня кончины одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, княгини Маріи Николаевны Волконской.

Н. А. Некрасовъ закрѣпилъ навѣки ея образъ въ поэтическомъ возсозданіи, но образъ этотъ кажется еще трогательнѣе со страницъ «Записокъ», писанныхъ самой Маріей Николаевной и опубликованныхъ впервые ея сыномъ въ 1904 году. Это изданіе, украшенное прекрасно выполненными портретами, по цѣнѣ своей не было доступно всѣмъ читающимъ русскимъ людямъ, а между тѣмъ, «Записки» княгини М. Н. Волконской заслуживаютъ самаго широкаго распространенія. Настоящее изданіе имѣетъ въ виду сдѣлать ихъ общедоступными.

«Записки» писаны въ подлинникѣ по-французски. Воспроизводя подлинникъ по изданію кн. М. С. Волконскаго, мы предлагаемъ новый ихъ переводъ, сдѣланный А. Н. Кудрявцевой.

Вступительная статья написана П. Е. Щеголевымъ; ему же принадлежатъ примѣчанія, основывающіяся на неизданныхъ архивныхъ матеріалахъ.

Къ изданію приложены портреты княгини М. Н. Волконской—въ молодости и въ старости. Портретъ кн. С. Г. Волконскаго воспроизводится впервые съ оригинала, рисованнаго художникомъ Мазеромъ въ альбомѣ И. Д. Якушкина. Приложены также портреты и женъ декабристовъ. Портретъ М. К. Юшневской воспроизводится впервые по рисунку карандашемъ изъ собранія В. Е. Якушкина.

Во второмъ нашемъ изданіи, въ дополненіе къ примѣчаніямъ, помѣщены два неизданныхъ письма кн. М. Н. Волконской и данъ указатель собственныхъ именъ, отсутствіе котораго въ первомъ изданіи было поставлено въ укоръ въ нѣкоторыхъ отзывахъ о книгѣ.

ПОДВИГЪ

КНЯГИНИ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ.

Біографическій очеркъ

П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

Настоящая статья, напечатанная впервые въ 1905 г. въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ», для настоящаго изданія переработана и расширена на основаніи матеріаловъ, опубликованныхъ въ позднѣйшее время.

I.

Марья Николаевна Волконская вышла изъ замѣчательной семьи Раевскихъ Отецъ ея—извѣстный генералъ двѣнадцатаго года, Николай Николаевичъ Раевскій; это онъ въ битвѣ подъ Дашковой въ 1812 году, желая остановить отступленіе русскаго отряда, вывелъ впередъ своихъ двухъ малолѣтнихъ сыновей. Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ Раевскій пользовался необыкновенной популярностью. У всѣхъ на устахъ были стихи Жуковскаго въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала передъ рядами,
Онъ первый—грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

Его характеристику тотъ же Жуковскій даетъ въ слѣдующихъ стихахъ «Бородинской годовщины»:

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ...

Раевскій перешелъ въ потомство съ обычными эпитетами военнаго героя: храбрый, энергичный, твердой воли, стойкій, благородный, великодушный. Пушкинъ оставилъ его характеристику, не какъ героя, а какъ человѣка: «Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой,

прекрасный душею, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго и ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его достойныя качества». Въ своей семьѣ Раевскій пользовался беззавѣтной любовью и преклоненіемъ жены и дѣтей и безконечнымъ авторитетомъ. За эпитетами героя—сильная воля и рѣшимость—скрывался крутой нравъ, упорство, граничившее съ упрямствомъ, и нѣкоторый семейный деспотизмъ. Съ этой стороны Раевскаго ярко характеризуетъ эпизодъ, разсказанный Волконской въ «Запискахъ». Перваго ребенка ей пришлось родить въ семьѣ отца, въ деревнѣ, безъ повивальной бабки. «Отецъ настаивалъ, чтобы я сидѣла въ креслѣ; мать, какъ болѣе опытная въ этихъ дѣлахъ, приказывала, чтобы я легла въ постель во избѣжаніе простуды, и вотъ они спорятъ, а я мучусь, наконецъ, воля мужчины, какъ всегда, взяла верхъ; меня посадили въ большое кресло, гдѣ я перенесла жестокія муки безъ всякой медицинской помощи». Намъ необходимо было сказать эти нѣсколько словъ о Раевскомъ, чтобы понять, что значило спорить съ нимъ, и оцѣнить значеніе борьбы, которую вынесла Марья Николаевна передъ отправленіемъ въ Сибирь. Раевскіе—отецъ и дочь—оправдываютъ Шопенгауэровскую теорію наслѣдственности: отецъ передалъ дочери сильную волю. Мать Марьи Николаевны — Софья Алексѣевна, урожденная Константинова, приходилась внучкой Ломоносову. О ней мы ничего не знаемъ, очевидно, по той причинѣ, что она не играла въ семьѣ первой роли, совсѣмъ скрытая личностью мужа.

Марья Николаевна родилась въ 1805 году[1]). У насъ

---

[1]) Годъ рожденія М. Н. не поддается точному опредѣленію. Б. Л. Модзалевскій, разслѣдовавшій генеалогію Раевскихъ, въ своей книгѣ «Родъ Раевскихъ герба Лебедь» (СПБ. 1908, стр. 73) даетъ указаніе: «род. 25 декабря 1805 (?)», а въ «Архивѣ Раевскихъ» (СПБ. 1908, т. I, стр. 43) сооб-

нѣтъ свѣдѣній объ ея дѣтствѣ. Впослѣдствіи, во мракѣ ссылки, дѣтство рисовалось ей полнымъ безмятежнаго счастья. Семья Раевскаго была одною изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ семей своего времени. Всѣ дѣти — два брата и четыре сестры—получили тщательное воспитаніе и образованіе. Старшій братъ Александръ Николаевичъ—прототипъ пушкинскаго «Демона».

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ...

Младшій сынъ Раевскаго, Николай Николаевичъ, любилъ изящную литературу, и былъ ея большимъ цѣнителемъ. Пушкинъ съ интересомъ прислушивался къ его мнѣніямъ. Ему онъ посвятилъ «Кавказскаго Плѣнника» и хотѣлъ посвятить «Бахчисарайскій Фонтанъ». «Едва ли не черезъ Н. Н. Раевскаго и сестеръ, Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидѣтельства, что подъ ихъ руководствомъ Пушкинъ началъ учиться англійскому языку, а въ августѣ 1820 года, когда онъ плылъ съ Равскимъ на кораблѣ «изъ Азіи въ Европу», уже была написана, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго «Чайльдъ-Гарольда», элегія:

Погасло дневное свѣтило...—

щаетъ иныя свѣдѣнія: «род. 1-го апрѣля 1807». Сынъ М. Н., кн. М. С. Волконскій, категорически утверждаетъ, въ предисловіи къ запискамъ матери, что она скончалась 10 августа 1863 года, 56 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно, по этому указанію, М. Н. родилась въ 1807 году. Сама М. Н. В. въ своихъ запискахъ пишетъ, что, прибывъ въ Казань наканунѣ Новаго—1827—года, она предалась мечтамъ. «Это ребячество было простительно въ моемъ возрастѣ: мнѣ только что минулъ 21 годъ». По ея словамъ выходитъ, она родилась въ 1805 году, и сообщенная Б. Л. Модзалевскимъ подъ вопросомъ первая дата «25 *декабря* 1805 года» кажется болѣе достовѣрной. Но М. Ѳ. Орловъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ говоритъ о 1 апрѣля, какъ днѣ рожденія М. Н.

первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества, когда онъ платилъ дань байронизму»[1]). Еще изъ поры дѣтства Марья Николаевна вынесла любовь и интересъ къ литературѣ, которые остались въ ней на всю жизнь. Сынъ ея вспоминаетъ, что въ Сибири она интересовалась больше всего историческими науками и литературой, и въ ея рукахъ никогда не бывало пустой книги. Принадлежа къ семьѣ, стоявшей на уровнѣ современной интеллигенціи, находившейся въ отношеніяхъ—родственныхъ, близкихъ и дружескихъ—съ представителями прогрессивнаго теченія русской жизни, Марья Николаевна имѣла возможность видѣть и слышать самыхъ интересныхъ и самыхъ умныхъ людей, какихъ только могла выставить тогдашняя Россія. А она сама отличалась необычайной привлекательностью. Декабристъ А. Е. Розенъ набросалъ ея портретъ въ слѣдующихъ строкахъ. «М. Н. Волконская, молодая, стройная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, брюнетка съ горящими глазами, съ гордою, но плавною походкой, получила у насъ прозванье: «la fille du Gange», дѣвы Ганга; она никогда не выказывала грусти, была любезна съ товарищами мужа, но горда и взыскательна съ комендантомъ и начальникомъ острога». Въ этомъ портретѣ тонко подмѣчена связь физическаго лица съ духовнымъ. «Горящіе глаза» — неукротимая энергія и жажда жизни; гордость и взыскательность съ каторжнымъ начальствомъ можно оцѣнить, лишь вспомнивъ, что фактически Марья Николаевна была въ прямой и полной отъ него зависимости. Характерно названіе «Дочь Ганга»; извѣстная Зинаида Александровна Волконская, въ домѣ которой провожали въ Сибирь Марью Николаевну, въ лирическомъ отрывкѣ тоже называютъ ее дочерью Ганга: «O, toi qui te vins te reposer dans ma demeure! Toi que je n'ai connue que pendant trois jours et que j'ai nommée mon amie! La reflet de ton image est resté dans mon âme. Mes yeux te voient encore: ta haute taille se déploie devant moi

---

[1]) Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Спб. 1899, стр. 140, 141.

comme une grande pensée et tes mouvements gracieux me semblent former la mélodie que les anciens prêtaient aux étoiles du ciel. Tu as les yeux, la chevelure et le teinte d'une fille du Gange, et ta vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice»... «У тебя глаза, волосы и цвѣтъ лица — дѣвушки Ганга, и твоя жизнь, подобно жизни этой дѣвушки, носитъ печать долга и жертвы» [1]. Зинаида Волконская углубила внѣшнее сходство наружности во внутреннее соотвѣтствіе.

Къ сожалѣнію, мы можетъ возстановить исторію юности Марьи Николаевны въ самыхъ общихъ очертаніяхъ. Подробностей мы не знаемъ.

II.

На зарѣ юности Марья Николаевна Раевская встрѣтила Пушкина. Это было въ 1820 году. «Пріѣхавъ въ Екатеринославъ,—писалъ 24 сентября 1820 года Пушкинъ брату,—я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской корчмѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе по кавказскимъ водамъ». Такъ вошелъ Пушкинъ въ семью Раевскихъ; ко всѣмъ членамъ этой семьи онъ, по выраженію Волконской, питалъ чувство глубокой преданности. Съ Кавказа Раевскіе и Пушкинъ отправились въ Крымъ. Въ Юрзуфѣ ихъ ждали остальные члены семьи. Въ Юрзуфѣ,—пишетъ Пушкинъ,—прожилъ я три недѣли.. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго... Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его

---

[1] Oeuvres choisies de la princesse Zeneide Volkonsky, p. 253.

дочери—прелесть; старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющія воображеніе горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго».

Творчество этого періода жизни Пушкина свидѣтельствуетъ о его увлеченіи, нѣжномъ и страстномъ, но безотвѣтномъ, безнадежномъ. Біографы и издатели сочиненій Пушкина давно уже склонны относить это увлеченіе къ одной изъ дочерей Раевскаго. Но теперь съ полной достовѣрностью мы можемъ говорить, что предметомъ любви Пушкина, любви «отверженной и вѣчной», была, именно, Марія Николаевна [1]).

Въ 1828 году, когда Марія Николаевна проживала въ Читѣ у острога, гдѣ сидѣлъ ея мужъ, бывшій князь Волконскій, Пушкинъ написалъ «Полтаву» и посвятилъ поэму Маріи Николаевнѣ. «Посвященіе» трогательно:

Тебѣ... Но голосъ Музы темной
Коснется ль слуха твоего?
Поймешь-ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего,
Иль посвященіе поэта,
Какъ утаенная любовь,
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ непризнанное вновь?..
Но если ты узнала звуки
Души приверженной тебѣ,
О, думай, что во дни разлуки
Въ моей измѣнчивой судьбѣ
Твоя печальная пустыня,
Твой образъ, звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня
Для сумрачной души моей...

---

[1]) Это положеніе развито и обосновано въ моемъ изслѣдованіи «Утаенная любовь Пушкина» въ книгѣ «Пушкинъ. Очерки. Спб. 1912». Отсылая за подробностями къ этой статьѣ, здѣсь я ограничиваюсь лишь немногими цитатами.

До самаго послѣдняго времени было неизвѣстно, къ кому относится это «Посвященіе», и только обращеніе къ черновой рукописи и открытіе здѣсь варіанта «Сибири хладная пустыня» (вмѣсто имѣющагося въ печати «Твоя печальная пустыня») дало опредѣленный отвѣтъ на вопросъ.

«Чувство Пушкина имѣло значительное вліяніе. Объ этомъ можно судить уже по внѣшнимъ признакамъ: по хронологическимъ рамкамъ для этого чувства (1820 — 1823—1828) и по обилію художественныхъ произведеній, имъ вызванныхъ или хранящихъ его отраженіе. Вѣдь помимо небольшихъ лирическихъ произведеній и незаконченныхъ набросковъ двѣ поэмы: «Кавказскій Плѣнникъ», писавшійся въ то время, когда Пушкинъ былъ поглощенъ этимъ чувствомъ, и «Бахчисарайскій Фонтанъ» въ ихъ психологической части основаны исключительно именно на этомъ любовномъ опытѣ; «Цыганы» и «Онѣгинъ» заключаютъ не мало отголосковъ и отраженій этой сердечной исторіи.

«Духъ и творчество Пушкина питались этимъ чувствомъ нѣсколько лѣтъ. Остается открытымъ вопросъ, былъ ли вхожъ Пушкинъ въ семью Раевскихъ еще въ Петербургѣ и не познакомился ли онъ съ Маріей Раевской еще до своей высылки. Когда генералъ Н. Н. Раевскій подобралъ Пушкина больного, въ Екатеринославѣ, съ нимъ изъ 4 его дочерей въ это время ѣхали Марія и Софія, а Екатерина и Елена оставались еще въ Петербургѣ съ матерью и выѣхали позже прямо въ Крымъ. Чувство Пушкина могло зародиться еще на Кавказѣ во время совмѣстнаго путешествія, облегчающаго возможность сближенія. Вся семья Раевскихъ соединилась въ Гурзуфѣ въ двадцатыхъ числахъ августа 1820 года. Здѣсь Пушкинъ провелъ «щастливѣйшія минуты своей жизни». Его пребываніе въ Гурзуфѣ продолжалось «три недѣли» и здѣсь расцвѣло и захватило его душу чувство къ М. Н. Раевской, тщательно укрываемое. Мы знаемъ, что съ отъѣздомъ Пушкина изъ Крыма не прекратились

его встрѣчи съ семьей Раевскаго, и, слѣдовательно, Марію Николаевну Пушкинъ могъ встрѣчать и во время своихъ частыхъ посѣщеній Каменки, Кіева, Одессы, и во время наѣздовъ Раевскихъ въ Кишиневъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, жившей тутъ со своимъ мужемъ Орловымъ. Но чувство Пушкина не встрѣтило отвѣта въ душѣ Маріи Николаевны, и любовь поэта осталась нераздѣленной. Разсказъ кн. Волконской въ «Запискахъ» о встрѣчахъ съ Пушкинымъ хранитъ отголосокъ дѣйствительно бывшихъ отношеній, и надо думать, что для Маріи Раевской, не выдѣлявшей привязанности къ ней Пушкина изъ среды его рядовыхъ, извѣстныхъ, конечно, ей увлеченій, остались скрытыми и глубина чувства поэта, и его возвышенность. А поэтъ, который даже въ своихъ черновыхъ тетрадяхъ былъ крайне робокъ и застѣнчивъ и не осмѣливался написать ея имя, и въ жизни непривычно стѣснялся и, по всей вѣроятности, таился и не высказывалъ своихъ чувствъ. Въ 1828 году, вспоминая въ Посвященіи къ «Полтавѣ» прошлое, поэтъ признавался, что его «утаенная любовь не была признана и прошла безъ привѣта». Этихъ словъ слишкомъ недостаточно, чтобы опредѣлить конкретную дѣйствительность, о которой они говорятъ. Въ августѣ 1823 года (въ началѣ одесскаго періода своей жизни) въ письмѣ къ брату Пушкинъ поминалъ объ этой любви, какъ о прошломъ, но это было прошлое свѣжее и недавнее, а воспоминанія были остры и болѣзненны. Въ это время онъ только что закончилъ или заканчивалъ свою поэму о Фонтанѣ, и ея окончаніе въ душевной жизни поэта вело за собой и нѣкоторое освобожденіе изъ-подъ тягостной власти нераздѣленнаго чувства. Надо думать, что къ этому времени онъ окончательно убѣдился, что взаимность чувства въ этой его любовной исторіи не станетъ его удѣломъ. Зная страстность природы Пушкина, можно догадываться, что ему не легко далось такое убѣжденіе. Тайная грусть слышна въ часто звучащихъ теперь и иногда насмѣшливыхъ припѣвахъ его поэзіи—обращеніяхъ къ самому себѣ: полно

воспѣвать надменныхъ, не стоящихъ этого; довольно платить дань безумствамъ и т. д. А уже въ октябрѣ, заканчивая (22 октября) 1-ую главу «Онѣгина», поэтъ писалъ:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя во-слѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.
Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ
Близь неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ.
Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ...

«Но своей высоты примирительное настроеніе поэта достигаетъ въ «Цыганахъ». Любовь поэта была не признана, отвергнута. Почему случилось такъ, гдѣ законы этого своеволія чувства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ «Цыганахъ». Освобожденная отъ узъ закона стихійность чувства признана въ рѣчахъ стараго цыгана.

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!..
. . . .
Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?

«Предъ стихійностью чувства, которое не могло отвѣчать ему, долженъ былъ преклониться и поэтъ. Но сознаніе необходимости погасить свое чувство, сознаніе,

вызванное горькой увѣренностью въ безнадежности его, не связывалось у Пушкина съ потемнѣніемъ любимаго образа. И въ іюнѣ 1824 года, когда Пушкину пришлось коснуться своего чувства въ письмѣ къ Бестужеву, «мнѣніемъ этой женщины онъ дорожилъ болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики».

«Но нераздѣленная любовь бываетъ подобна степнымъ цвѣтамъ и долго хранитъ ароматъ чувства. Сладкая мучительность замираетъ и смѣняется тихими и свѣтлыми воспоминаніями: идеализація образа становится устойчивой, а невозмущенная реализмомъ чистота общенія содѣйствуетъ возникновенію мистическаго отношенія къ прошлому. Исключительныя обстоятельства—великія духовныя страданія и героическое рѣшеніе идти въ Сибирь за любимымъ человѣкомъ — съ новой силой привлекли вниманіе поэта къ этой женщинѣ, едва ли не самой замѣчательной изъ всѣхъ, что появились въ Россіи въ ту пору, и образъ ея не только не потускнѣлъ, но и заблисталъ съ новой силой и въ новомъ блескѣ...

Встрѣча въ 1820 году съ Пушкинымъ красивое введеніе въ сложную и глубокую жизнь, какая выпала на долю М. Н. Раевской.

Намъ извѣстно еще одно увлеченіе, которое не нашло отклика въ сердцѣ Маріи Николаевны.

Когда Раевскіе въ концѣ 2-го и началѣ 3-го десятилѣтія XIX вѣка жили въ Кіевѣ, предводителемъ дворянства въ Кіевской губерніи былъ графъ Густавъ Олизаръ, и въ это время онъ завязалъ съ Раевскими знакомство, продолжавшееся очень долго [1]). О близости знакомства свидѣтельствуетъ, напримѣръ, и тотъ фактъ, что когда Раевскіе въ 1821 году отправились въ гости въ Кишиневъ къ Орловымъ, съ ними былъ и Олизаръ. Въ началѣ

---

[1]) См. Pamiętniki (1798—1865) Gustawa Olizara z predm. I. Leszczyca, Lwow. 1892, стр. 174. Эти воспоминанія изложены и отчасти переведены А. Ф. Копыловымъ въ «Русск. Вѣстн.» въ статьѣ «Мемуары графа Олизара», 1893, авг. и сентябрь.

знакомства Олизара съ Раевскими Марія Николаевна представлялась ему «мало интереснымъ смуглымъ подросткомъ». На его глазахъ Марія Раевская изъ ребенка съ неразвитыми формами превратилась въ «стройную красавицу, смуглый цвѣтъ лица которой находилъ оправданіе въ черныхъ кудряхъ густыхъ волосъ и пронизывающихъ, полныхъ огня очахъ». Олизаръ увлекся Маріей Раевской и былъ сильно и долго въ нее влюбленъ. Но любовь осталась «отверженной». Въ 1823 году онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ. Въ письмѣ отца М. Н., приведенномъ въ «Воспоминаніяхъ» Олизара, мотивомъ отказа было выставлено различіе религіи и народности. Олизаръ былъ убитъ отказомъ; онъ уединился съ своей сердечной грустью въ купленное имъ въ Крыму помѣстье, которое онъ окрестилъ греческимъ именемъ «Карди Ятриконъ» (лѣкарство сердца). Здѣсь онъ тосковалъ и писалъ сонеты о своей безнадежной любви. О его безнадежной и отвергнутой любви упоминаетъ Мицкевичъ въ одномъ изъ своихъ крымскихъ стихотвореній. Онъ сохранилъ свѣтлую память о Маріи Раевской. «Нельзя не сознаться, пишетъ онъ въ запискахъ, что если во мнѣ пробудились высшія, благородныя, оживленныя сердечнымъ чувствомъ стремленія, то ими во многомъ я былъ обязанъ любви, внушенной мнѣ Маріей Раевской. Она была для меня той Беатриче, которой было посвящено поэтическое настроеніе и, благодаря Маріи и моему къ ней влеченію, я пріобрѣлъ участіе къ себѣ перваго русскаго поэта и пріязнь нашего знаменитаго Адама». По всей вѣроятности, черезъ Раевскихъ Олизаръ вошелъ въ знакомство съ Пушкинымъ; объ его участливомъ отношеніи къ своей сердечной исторіи онъ вспоминалъ, когда писалъ свои «Воспоминанія». Въ одной изъ черновыхъ тетрадей сохранился исчеркапный набросокъ посланія Пушкина къ нему. Пушкинъ касается въ немъ и горькаго сердцу Олизара отказа, полученнаго имъ отъ Раевскихъ, и даетъ нѣчто въ родѣ его истолкованія. «Русская дѣва», по словамъ Пушкина.

Привлекши сердце поляка,
Не приметъ гордою душою
Любовь народнаго врага [1]).

Въ концѣ 1824 года въ кругъ жизни Маріи Николаевны вошелъ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, генералъ-маіоръ и бригадный командиръ, по лѣтамъ годившійся въ отцы Раевской. 18 октября 1824 года С. Г. Волконскій писалъ Пушкину: «Имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Марьей Николаевной Раевской. Не буду вамъ говорить о моемъ счастіи». Волконскій былъ давно влюбленъ въ нее, но только въ концѣ 1824 года онъ рѣшился черезъ Михаила Ѳеодоровича Орлова просить ея руки. Въ это время Волконскій былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ и искреннѣйшихъ членовъ тайнаго общества; политическія убѣжденія и долгъ передъ обществомъ были для него на первомъ планѣ. Поручая Орлову ходатайствовать за себя, онъ положительно высказалъ, что если извѣстное Орлову участіе въ тайномъ обществѣ будетъ помѣхой въ полученіи руки М. Н. Раевской, то онъ предпочтетъ отказаться отъ личнаго счастья, нежели измѣнить политическимъ убѣжденіямъ и долгу. Волконскій уѣхалъ на Кавказъ и здѣсь ждалъ отвѣта отъ Орлова, разсчитывая въ случаѣ неудачи поступить въ кавказскую армію и искать отвлеченія въ боевой жизни. Орловъ извѣстилъ его, что онъ можетъ сдѣлать формальное предложеніе. Предложеніе было принято по настоянію отца Маріи Николаевны Раевской; она выходила замужъ не по своей волѣ, не по личной страсти. Въ «Запискахъ» Волконская по понятнымъ причинамъ не говоритъ объ этомъ; въ «Запискахъ», написанныхъ въ пятидесятыхъ годахъ, остались лишь слабые отзвуки: «я вышла замужъ

---

[1]) Отказъ Олизару былъ сдѣланъ не столько «русской дѣвой» М. Н. Раевской, сколько ея отцомъ. А въ какой мѣрѣ самое М. Н. характеризовали националистическія—вплоть до враждебной къ иноземцамъ окраски—чувства, положительно неизвѣстно.

въ 1825 году за князя С. Г. Волконскаго, достойнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей; мои родители думали, что обезпечили мнѣ блестящую, по мнѣнію свѣта, будущность. Мнѣ было грустно съ ними разставаться: словно, сквозь подвѣнечный вуаль, мнѣ смутно виднѣлась ожидавшая насъ судьба».

Можно думать, что между Маріей Николаевной и Волконскимъ не было духовной близости: она не имѣла понятія о существованіи тайнаго общества, а онъ былъ весь поглощенъ заговорщической дѣятельностью, до того, что во время свадьбы принималъ участіе въ совѣщаніи русскихъ и польскихъ депутатовъ отъ тайныхъ организацій. Не могли сблизиться они и въ первый годъ брачной жизни. Въ этотъ годъ М. Н. провела со своимъ мужемъ всего три мѣсяца. Послѣ свадьбы она заболѣла и переѣхала въ Одессу. Къ концу осени С. Г. Волконскій пріѣхалъ за женой въ Одессу и отвезъ въ Умань, гдѣ стояла его дивизія. Но и въ Умани жена рѣдко видѣла мужа: подходили послѣдніе дни общества, уже окруженнаго атмосферой подозрѣнія, и Волконскій проводилъ время въ разъѣздахъ изъ Умани въ Тульчинъ и обратно.

Краткими и сжатыми штрихами описываетъ Волконская послѣдній мѣсяцъ перваго года своей брачной жизни. «Въ концѣ декабря Волконскій вернулся среди ночи и тотчасъ же разбудилъ меня: «вставай скорѣй»; я вскочила, дрожа отъ страха. Я была въ послѣднемъ періодѣ беременности, и это внезапное возвращеніе среди ночи напугало меня. Онъ растопилъ каминъ и сталъ жечь какія-то бумаги. Я ему помогала, какъ умѣла, спрашивая, что все это значитъ.—«Пестель арестованъ».—«Почему?»—Нѣтъ отвѣта. Вся эта таинственность меня безпокоила. Я видѣла, что онъ былъ печаленъ, чѣмъ-то сильно озабоченъ. Наконецъ, онъ мнѣ объявилъ, что обѣщалъ моему отцу отвезти меня къ нему въ деревню на время родовъ,—и вотъ мы отправились въ имѣніе отца, гдѣ онъ меня сдалъ на попеченіе моей матери и немедленно уѣхалъ; тотчасъ по возвращеніи, онъ былъ аре-

стованъ и отправленъ въ Петербургъ. Такъ прошелъ первый годъ нашего супружества; онъ еще не кончился, а Сергѣй уже сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости» [1]).

III.

Грозно отразился на семьѣ Раевскихъ конецъ 1825 года. Были взяты подъ арестъ и привлечены къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ, кромѣ князя Волконскаго, еще братья Раевскіе, Александръ и Николай, М. Ѳ. Орловъ, мужъ Екатерины Николаевны Раевской, В. Л. Давыдовъ, братъ по матери Н. Н. Раевскаго старшаго. Только братья Раевскіе ушли отъ суда и наказанія, ихъ рѣшительная непричастность была скоро выяснена, и въ срединѣ января они были уже свободны; имъ былъ врученъ «очистительный» аттестатъ объ ихъ невинности, дана Высочайшая аудіенція, а въ газетахъ былъ распубликованъ всемилостивѣйшій рескриптъ на имя ихъ отца. Но дѣла М. Ѳ. Орлова въ слѣдственной коммисіи складывались неважно и ужъ совсѣмъ отчаянны были дѣла князя Волконскаго.

Александръ Раевскій, который послѣ освобожденія остался въ Петербургѣ, письмомъ отъ 21 января 1826 года просилъ отца пріѣхать въ Петербургъ и лично хлопотать за своихъ зятьевъ. «Что до Волконскаго—писалъ А. Н., то его дѣло гораздо хуже. Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ даже не достоинъ того участія, которое ты, вѣроятно, оказываешь ему, и велѣлъ мнѣ предупредить тебя объ этомъ... Ты можешь своими просьбами много облег-

---

[1]) Въ «Запискахъ С. Г. Волконскаго» (1-е изд., стр. 446) этотъ эпизодъ передается нѣсколько иначе. 2 или 3 января родился у Волконской сынъ Николай. Отецъ въ это время былъ въ Умани; 5 января онъ безъ оффиціальнаго разрѣшенія прибылъ въ деревню Раевскаго, «обрадовалъ жену и ея семейство, взглянулъ на новорожденнаго младенца, а 7 января уѣхалъ и былъ арестованъ въ Умани».

чить участь Волконскаго, а, слѣдовательно, и Маши». Старикъ Раевскій явился въ Петербургъ, но для Волконскаго ничего сдѣлать не могъ. «Волконскому» писалъ онъ дочери Екатеринѣ въ Москву сейчасъ по пріѣздѣ, въ концѣ января—будетъ весьма худо, онъ дѣлаетъ глупости, запирается, когда все извѣстно. Что будетъ съ Машенькой, неизвѣстно. Онъ срамится». Въ февралѣ Раевскій былъ уже на обратномъ пути въ свою Болтышку, но онъ остановился еще у Екатерины Орловой. Въ Петербургѣ остался слѣдить за дѣломъ Александръ Раевскій. 18-го февраля онъ писалъ сестрѣ Екатеринѣ: «Что касается Волконскаго, то нѣтъ такого ужаса, въ которомъ онъ не былъ бы замѣшанъ; къ тому же онъ держитъ себя дурно—то высокомѣрно, то униженнѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Его всѣ презираютъ, каждую минуту въ немъ открываютъ ложь и глупости, въ которыхъ онъ принужденъ сознаваться. Бѣдная Маша!» М. Ѳ. Орловъ 1-го апрѣля писалъ женѣ: «Нынче день рожденія бѣдной Маши. Что я могу прибавить къ этому, кромѣ того, что въ страхѣ за нее я повторю эту короткую молитву: Умилосердись, Господи, надъ участью Машеньки! Одинъ Богъ можетъ дать ей довольно душевной силы, чтобы стать выше своей участи».

Но что дѣлалось съ бѣдной Машей въ это время -въ началѣ тяжелаго 1826-го года? Въ этотъ годъ разыгралась трагедія жизни М. Н. Волконской. На основаніи всего того, что мы знаемъ о ея жизни до 1826 года, мы рисуемъ ее увлекательной женщиной, богато одаренной, съ огромной жаждой жизни, но все же пассивной. Она не самостоятельна ни въ семьѣ отца, ни въ своей. Внутреннія сокровенныя силы ея души не раскрывались; активность ея «я», сущность ея души еще не проявлялась. Теперь пришло время.

Роды были тяжелые; за ними началось воспаленіе мозга, которое приковало ее къ постели на два мѣсяца. Въ моменты сознанія она спрашивала о мужѣ; ей отвѣчали, что онъ въ Молдавіи, по секретному служебному

порученію. Она вѣрила словамъ, но не долго; ночная сцена передъ арестомъ не могла не прійти въ голову. Наконецъ, она потребовала, чтобы ей сказали всю правду. Получила въ отвѣтъ, что Сергѣй арестованъ и находится въ Петербургѣ. Какъ разъ въ это время въ С.-Петербургѣ былъ и отецъ ея, а дома въ деревнѣ оставалась одна мать. Лишь только услышала Волконская «правду», сейчасъ же заявила матери, что она ѣдетъ въ Петербургъ. Проснулась энергія, рѣшительность стала непреклонной. Что же ей было дѣлать? Кто могъ помочь ей, подсказать ей, какъ поступить? Членъ дружной и тѣсной семьи, она оказалась совершенно одинокой. Родные—и братья, и отецъ—предугадывали, что предстоитъ С. Г. Волконскому, и повинуясь чувству семейнаго эгоизма, хотѣли бы заставить М. Н. Волконскую совсѣмъ забыть о мужѣ.

Весной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ распутицу Волконская отправилась въ Петербургъ; по дорогѣ завезла ребенка къ теткѣ отца, графинѣ Браницкой; ѣхала день и ночь, очень больная и слабая пріѣхала въ столицу, прямо къ матери Волконскаго, княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ, оберъ-гофмейстеринѣ высочайшаго двора. Вслѣдъ за Маріей Николаевной пріѣхала и ея мать. 6-го апрѣля А. Н. Раевскій сообщалъ Е. Н. Орловой: «Мама пріѣхала сегодня утромъ, Маша здѣсь со вчерашняго вечера. Ея здоровье лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться, но она страшно исхудала, и ея нервы сильно разстроены. Бѣдная, она все еще надѣется. Я буду отнимать у нея надежды только съ величайшей постепенностью: въ ея положеніи необходима крайняя осторожность». Старикъ Раевскій, возвратившійся въ Болтышку и не нашедшій здѣсь дочери, писалъ ей 14 апрѣля: «Неизвѣстность, въ которой о тебѣ, милый другъ мой Машенька, я нахожусь, мнѣ весьма тягостна. Я зналъ все, что ожидаетъ тебя въ Петербургѣ. Трудно, и при крѣпкомъ здоровьѣ, переносить таковыя огорченія. Отдай себя на волю Божію! Онъ одинъ можетъ устроить судьбу твою. Не забывай, мой другъ, въ твоемъ огорченіи милаго сына твоего, не забывай отца и мать,

братьевъ, сестеръ, кои всѣ тебя такъ любятъ. Повинуйся судьбѣ; совѣтовъ и утѣшеній я никакихъ болѣе тебѣ сообщить не могу»...

IV.

Князь Сергѣй Волконскій въ это время сидѣлъ въ тѣсномъ, полутемномъ и сыромъ казематѣ крѣпости, проходилъ черезъ нравственныя пытки допросовъ и былъ въ полной неизвѣстности о женѣ и ребенкѣ, о матери, братьяхъ и сестрѣ. Наконецъ, онъ получилъ способъ вступить въ сношенія съ волей. За деньги ему удалось прислать своей горячо любимой сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ маленькую записочку, въ полтора квадратныхъ вершка, на которой уписалось—не болѣе, не менѣе—около 1½ печатныхъ страницы. Съ чувствомъ робости и неувѣренности сообщаетъ онъ сестрѣ: «Уже нѣкоторыя изъ женъ просили и получили разрѣшеніе слѣдовать за своими мужьями къ мѣсту ихъ назначенія, о которомъ они будутъ предувѣдомлены. Выпадетъ ли мнѣ это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажетъ мнѣ въ этомъ утѣшеніи? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что она съ своимъ добрымъ сердцемъ всѣмъ мнѣ пожертвуетъ, но я опасаюсь постороннихъ вліяній, и ее отдалили отъ всѣхъ васъ, чтобы сильнѣе на нее дѣйствовать. Если жена пріѣдетъ ко мнѣ на свиданіе, то я бы желалъ, чтобы она пріѣхала безъ своего брата, иначе ее тотчасъ же уведутъ отъ меня. Врачъ былъ бы при этомъ нужнѣе. Получу ли я отъ своей жены утѣшеніе, въ которомъ другіе уже увѣрены? Я понимаю, какой долгъ лежитъ на ней по отношенію къ сыну, и, конечно, я не рѣшился бы разлучить ее навсегда съ этимъ несчастнымъ ребенкомъ» [1]). Какое нравственное утомленіе чуется за этими строчками, нанизанными, какъ бисеръ, на маленькомъ листочкѣ! Мы знаемъ, что духовной, интимной близости не было ни между жени-

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, 1-е изд., стр. 453.

хомъ и невѣстой, ни между мужемъ и женой. Вспомнимъ ту тревожную ночь, когда Волконскій жегъ свои бумаги. «Пестель арестованъ», — вырвалось у него. «За что?»— спросила жена. Отвѣта нѣтъ. Она была ему такъ далека, такъ чужда ему, что онъ не подѣлился съ ней своими опасеніями, переживаніями. Грустно звучитъ объясненіе, которое даетъ М. Н. Волконская его скрытности. «Онъ былъ старше меня лѣтъ на двадцать и потому не могъ мнѣ довѣриться въ такомъ важномъ дѣлѣ». Но справедливо ли это?

Уединеніе, вольное или невольное, заставляетъ человѣка заглянуть въ себя, въ свою душу. И Волконскій много пережилъ и много передумалъ въ крѣпости. Не читаете ли въ мелкихъ строкахъ его письма, что онъ понялъ все горе духовнаго отчужденія? Онъ какъ будто сознаетъ, что у него нѣтъ права желать подвига отъ жены, а онъ такъ хочетъ этого подвига, онъ уже не можетъ обойтись безъ нравственной поддержки близкаго человѣка, и боится громко, открыто заявить о своемъ желаніи. Мы читаемъ только вопросы: выпадетъ ли мнѣ это счастье? Получу ли я отъ своей жены утѣшеніе?

А она? Что она переживала въ это время? Въ Петербургѣ она, конечно, узнала подробности событія, цѣли и задачи тайнаго общества. Она узнала, наконецъ, что поглощало весь досугъ и все виманіе мужа. Мы не знаемъ ея взглядовъ на тайныя общества, но нѣтъ сомнѣнія, что и среда, ее окружавшая, и даже семья привили ей въ общемъ оппозиціонное настроеніе. Катастрофа могла только повысить его и сдѣлать органическимъ. Но ее поразилъ идеализмъ движенія; въ своихъ «Запискахъ» она не разъ подчеркиваетъ, что участники его не преслѣдовали личныхъ выгодъ; наоборотъ, они шли къ вѣрной гибели. «Дѣйствительно,—пишетъ Волконская,—если даже смотрѣть на убѣжденія декабристовъ, какъ на безуміе и политическій бредъ, все же справедливость требуетъ признать, что тотъ, кто жертвуетъ жизнью за свои убѣжденія, не можетъ не заслуживать уваженія соотечествен-

никовъ. Кто кладетъ голову свою на плаху за свои «убѣжденія», тотъ истинно любитъ отечество». Быть можетъ, эта особенность движенія—полнѣйшее безкорыстіе—повліяла и на ея окончательное рѣшеніе. Какъ она теперь стала смотрѣть на мужа? Видѣла ли она въ немъ лишь несчастнаго, страдающаго человѣка или героя, окруженнаго ореоломъ, сознающаго свое право требовать жертвъ отъ другихъ? Но М. Н. Волконская принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыя признаютъ, что право на ихъ душу принадлежитъ только имъ и никому больше. Поэтому и за мужемъ своимъ она не могла признать этого права. Эту особенность ея рѣшенія необходимо отмѣтить.

М. Н. Волконская просила свиданія съ мужемъ. «Государь, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы проявить свое великодушіе (въ дѣлахъ незначительныхъ), и которому было извѣстно слабое состояніе моего здоровья, приказалъ, чтобы меня сопровождалъ врачъ, *боясь для меня всякаго сильнаго волненія*» (многозначительный курсивъ самой Волконской!). Марья Николаевна Раевская пріѣхала въ крѣпость съ графомъ Алексѣемъ Орловымъ. Пошли къ коменданту; привели подъ стражей Волконскаго. Свиданіе при постороннихъ. «Мы ободряли другъ друга, но дѣлали это безъ всякаго убѣжденія. Я не рѣшилась его разспрашивать: всѣ взоры были обращены на насъ; мы обмѣнялись платками. Вернувшись домой, я поспѣшила посмотрѣть, что тамъ было, но нашла лишь нѣсколько словъ утѣшенія, которыя были написаны на одномъ углу платка и которыя я съ трудомъ могла разобрать».

Въ томъ психологическомъ процессѣ, который закончился отъѣздомъ въ Сибирь, свиданіе, кажется, единственное, сыграло большую роль. Въ этихъ тюремныхъ свиданіяхъ, мимолетныхъ и поневолѣ (при постороннихъ) холодныхъ, особая острота переживаній. Исчезаютъ перегородки, и близкій, остающійся на волѣ, какъ-то особенно чутко и остро-любовно старается пережить то, что происходитъ въ душѣ находящагося за рѣшетками. Мысли

приковываются къ тѣсной тюремной камерѣ, къ одному лицу. Когда видятся между собой люди, доселѣ не близкіе, то нерѣдко между мужчиной и женщиной возникаетъ процессъ интимнаго сближенія, даже влюбленности, надломленной и больной... И Волконская переживала аналогичный процессъ. Въ это время она понимала участіе къ себѣ, лишь поскольку оно касалось ея мужа. Императрица пожелала видѣть Волконскую. Въ «Запискахъ» сохранились слѣдующія краснорѣчивыя по своей лаконичности строки: «я думала, что императрица хочетъ со мной говорить о моемъ мужѣ, такъ какъ въ подобныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ я понимала участіе къ себѣ, лишь въ томъ случаѣ, если оно имѣло отношеніе къ моему мужу. Ничего подобнаго: со мной разговаривали о моемъ здоровьѣ, о здоровьѣ отца, о погодѣ»...

V.

Кажется, уже въ этотъ моментъ сердце продиктовало Марьѣ Николаевнѣ рѣшеніе, но воплотить его можно было только послѣ тягостнѣйшей борьбы, послѣ «той изумительной борьбы, гдѣ слабой женщинѣ—полуребенку былъ противопоставленъ цѣлый заговоръ мужской хитрости и настойчивости, и гдѣ, въ концѣ концовъ, воля сердца все-же одержала верхъ». Руководителемъ заговора былъ Александръ Раевскій, остальные члены семьи Раевскихъ исполняли только его указанія. Главная цѣль заговора—не допустить Марью Николаевну слѣдовать за мужемъ на каторгу. Для достиженія этой цѣли, во-первыхъ, надо было изолировать Марью Николаевну отъ общенія со всѣми, кто могъ бы влiять на нее въ нежелательномъ для Раевскихъ смыслѣ, — съ семьей Волконскихъ, съ женами декабристовъ, и во-вторыхъ, надо было держать ее въ совершенномъ невѣдѣніи о ходѣ дѣла за тѣмъ, чтобы она узнала приговоръ мужа какъ можно позже. Княгиня Волконская въ своихъ запискахъ дѣлаетъ только дели-

катный намекъ: «братъ Александръ и отецъ буквально провели меня». О томъ, какъ тягостно усложнило ея жизнь семейное вмѣшательство, мы узнали только въ самое послѣднее время, когда намъ стала извѣстной семейная переписка Раевскихъ [1]).

Послѣ свиданія съ мужемъ Волконская нетерпѣливо желала познакомиться съ сестрой мужа, Софьей Григорьевной, которую Сергѣй Григорьевичъ безконечно любилъ. Она въ это время сопровождала тѣло императрицы Елизаветы Алексѣевны. Братъ Марьи Николаевны постарался устранить встрѣчу сестры съ Софьей Григорьевной. Онъ убѣдилъ ее ѣхать посмотрѣть на ребенка и сказалъ, что съ сестрой мужа она встрѣтится въ дорогѣ. Понятно, эта встрѣча не состоялась. Лѣто 1826 года Волконская провела въ Александріи, имѣніи Браницкихъ. Братъ Александръ былъ на стражѣ. Онъ скрывалъ отъ сестры всякія извѣстія о ходѣ дѣла; онъ вскрывалъ письма на ея имя. Въ письмахъ къ сестрѣ Екатеринѣ Орловой онъ подробно разсказывалъ объ отправленіи обязанностей тюремщика при сестрѣ. 1-го іюня онъ пишетъ: «Пиши для меня одного... Впрочемъ я вскрываю всѣ письма, адресованныя Машѣ, потому что письма тетушки иной разъ такъ зажигательны, что я не могу отдавать ихъ ей». 9 іюня онъ сообщаетъ сестрѣ Еленѣ, жившей у Орловыхъ: «Скажи Катѣ, чтобы она не писала Машѣ ничего, относящагося до приговора и суда; она забываетъ, что если бы только Маша подозрѣвала близость суда, то не было бы возможности удержать ее здѣсь. Необходимо, чтобы она узнала все какъ можно позже. Послѣдніе дни она очень грустна»!.. Недѣлю спустя онъ снова пишетъ: «Маша съ каждымъ днемъ грустнѣе. Она сердится на меня за то, что я не говорю съ нею о дѣлѣ ея мужа, и жалуется на это Сонѣ...

---

[1]) Эпизодъ семейнаго воздѣйствія на княгиню М. Н. Волконскую разсказанъ въ книгѣ М. О. Гершензона «Исторія молодой Россіи» М. 1908 (статья «М. Ѳ. Орловъ») на основаніи семейныхъ писемъ, сохранившихся у потомковъ М. Ѳ. Орлова. Всѣ цитируемыя нами письма Раевскихъ взяты изъ этой статьи.

22 іюня А. Н. Раевскій пишетъ отцу: «въ своихъ письмахъ ко мнѣ ты пишешь о приговорѣ, о категоріяхъ и пр., и Катя тоже, поэтому я не могу показывать вашихъ писемъ Машѣ. Пожалуйста, пишите ей отдѣльно, не говоря ничего, а мнѣ—со всѣми возможными подробностями»... Наконецъ, 12 іюля былъ объявленъ приговоръ; А. Н. Раевскій не сообщилъ о немъ сестрѣ, онъ ждалъ приведенія его въ исполненіе, т. е. отправленія Волконскаго въ Сибирь. А пока въ письмахъ къ сестрѣ онъ занялся разработкой плана жизни Маріи Николаевны въ ближайшую зиму. «Что касается ея самой—писалъ онъ 31 іюля Екатеринѣ Орловой—то когда она узнаетъ о своемъ несчастіи, у нея, конечно, не будетъ никакихъ желаній. Онъ сдѣлаетъ и должна сдѣлать лишь то, что посовѣтуетъ ей отецъ и я».

Но Александръ Раевскій глубоко ошибся. Когда онъ, наконецъ, сообщилъ сестрѣ приговоръ, она сейчасъ же заявила ему, что послѣдуетъ за мужемъ въ Сибирь. Онъ, кажется, не повѣрилъ и приказалъ ей не двигаться съ мѣста, пока онъ не вернется изъ Одессы. Но на другой же день послѣ его отъѣзда княгиня съ ребенкомъ выѣхала въ Петербургъ. Она заѣхала въ Яготинъ Полтавской губерніи къ брату мужа князю Репнину. Она застала его больнымъ, и только спустя нѣкоторое время онъ съ своей женой и Марьей Николаевной отправился въ Петербургъ. Итакъ, она ушла отъ опеки брата, но въ Петербургѣ ждалъ ее отецъ. 23 октября онъ писалъ дочери Орловой: «Я жду Машеньку съ сыномъ вмѣстѣ съ княгиней Репниной всякую минуту. Буду ее удерживать отъ вліянія эгоизма Волконскихъ». А 5 ноября онъ писалъ: «Вчерась пріѣхала дочь моя Машенька. Ее Репнина обманомъ склонила отправиться сюда, будто старая Волконская ѣдетъ къ сыну; но я все это привелъ въ порядокъ». Но напрасно Н. Н. Раевскій думалъ, что въ рѣшеніи М. Н. играли роль какія-либо увѣщанія со стороны Волконскихъ: изъ ея записокъ мы знаемъ, что родные мужа совсѣмъ не оказали ей теплаго пріема.

Предстояло самое главное и самое трудное. Самое

Кн. С. Г. Волконскій.

(Съ портрета, писаннаго карандаш. Мазеромъ).

Изъ собранія В. Е. Якушкина.

главное—получить разрѣшеніе государя слѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Въ это время уже ходили слухи, что отъѣзжающія лишены права взять съ собой своихъ дѣтей и возвратиться въ Россію до смерти своихъ мужей. Волконская обратилась къ государю съ письмомъ и получила слѣдующій отвѣтъ: «Я получилъ, княгиня, ваше письмо отъ 15 числа сего мѣсяца; я прочелъ въ немъ съ удовольствіемъ выраженіе вашихъ чувствъ ко мнѣ за то участіе, которое я въ васъ принималъ; но во имя этого участія къ вамъ я и считаю себя обязаннымъ еще разъ повторить здѣсь предостереженія, которыя я вамъ уже высказывалъ, относительно того, что васъ ожидаетъ, лишь только вы проѣдете за Иркутскъ. Впрочемъ, предоставляю вполнѣ вашему усмотрѣнію, сударыня, избрать тотъ образъ дѣйствій, который вы найдете наиболѣе подходящимъ въ вашемъ настоящемъ положеніи. Преданный вамъ Николай, 1826 г., 21 декабря».

Дальше мы остановимся на томъ, что ожидало Волконскую за Иркутскомъ. Императоръ Николай Павловичъ рѣшительно не желалъ, чтобы жены декабристовъ слѣдовали за мужьями. Основнымъ мотивомъ было присущее императору представленіе, что само сочувствіе къ лицамъ, исходившее хотя бы отъ ихъ женъ, является выраженіемъ преступнаго сочувствія къ совершенному ими. Два раза Николай Павловичъ хотѣлъ отклонить Волконскую отъ принятаго ею намѣренія: одинъ разъ догналъ ее фельдъегерь на склонахъ Урала, и другой разъ убѣждалъ иркутскій губернаторъ.

Но самое трудное—разстаться съ семьей. Семейному эгоизму суждено было понести тяжелое пораженіе. Предоставимъ слово самой Волконской: «Теперь я должна разсказать вамъ сцену, которую я буду помнить до послѣдняго вздоха. Мой отецъ былъ все это время мраченъ и неприступенъ. Однако мнѣ нужно же было ему сказать, что мы должны разстаться и что я назначаю его опекуномъ моего бѣднаго малютки, котораго мнѣ не позволили взять съ собою. Я показала ему письмо его вели-

чества; тогда мой бѣдный отецъ, не владѣя болѣе собой, поднялъ кулаки надъ моей головой и вскричалъ: «Я тебя прокляну, если ты черезъ годъ не вернешься». Я ничего не отвѣтила, бросилась на кушетку и спрятала лицо въ подушку. Мой отецъ, этотъ герой 1812 года, обладавшій твердымъ и возвышеннымъ характеромъ,—этотъ патріотъ, который при Дашковѣ, видя, что войска его дрогнули, схватилъ двоихъ своихъ подростковъ-сыновей и бросился съ ними въ огонь непріятеля, былъ нѣжно-любящимъ семьяниномъ; онъ не могъ вынести мысли о моемъ изгнаніи, мой отъѣздъ представлялся ему чѣмъ-то чудовищнымъ».

Н. Н. Раевскій-старшій 3 декабря 1826 года писалъ сыну изъ Москвы: «Машенька по первому пути ѣдетъ въ Иркутскъ,—я не смѣлъ отказать ей въ этомъ, она здорова, надѣюсь, что черезъ годъ мы ее увидимъ». Князь Петръ Михайловичъ Волконскій спросилъ княгиню Волконскую, передъ ея отъѣздомъ въ Сибирь: «Увѣрены ли вы въ томъ, что вернетесь?—«Я совсѣмъ этого и не желаю,—отвѣтила она,—а если и вернусь, то не иначе, какъ съ Сергѣемъ, но, ради Бога, не говорите этого моему отцу». Когда Волконская говорила это, она, очевидно, думала, что возвратъ въ Россію будетъ все же въ ея власти, и не хотѣла вѣрить угрозѣ—«поѣдешь въ Сибирь, не возвратишься». Этой угрозѣ не вѣрилъ первое время и отецъ ея Н. Н. Раевскій, но онъ уже въ началѣ 1827 года зналъ, что, если бы и была возможность возврата въ Россію, его дочь все-равно не вернулась бы. Но въ то же время онъ и не улавливалъ истинныхъ мотивовъ поступка дочери: то онъ продолжалъ думать, что она настроена «волконскими бабами», то начиналъ вѣрить, что она поѣхала «отъ любви къ мужу».

Сохрнились два трогательнѣйшихъ письма Н. Н. Раевскаго къ дочери Е. Н. Орловой; въ этихъ человѣческихъ документахъ нашло себѣ выраженіе неразрываемое соединеніе отцовской любви и отцовской муки за дочь. «Ты

[1]) Архивъ Раевскихъ. Томъ I, стр. 304.

не совсѣмъ справедливо судишь, мой другъ Катенька— пишетъ онъ 20 марта 1827 года.—И ты также подвержена экзальтаціи, но энтузіазмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до нѣкоторой степени, есть даръ Божій, переступая же черту, обращается въ сумашествіе.

«Если-бъ я зналъ въ Петербургѣ, что Машенька ѣдетъ къ мужу безвозвратно и ѣдетъ отъ любви къ мужу, я-бъ и самъ согласился отпустить ее навсегда, погрести ее живую; я-бъ ее оплакалъ кровавыми слезами, и не менѣе отпустилъ бы ее. Если-бъ ты была въ ея несчастномъ положеніи, я-бъ сдѣлалъ то же.

«Возвратясь изъ Петербурга, я узналъ отъ брата твоего и сестеръ, что М. имъ говорила, что мужъ бываетъ ей несносенъ. Мужъ и отецъ, погубивъ жену, какъ погубилъ Волконскій, теряетъ всѣ свои права на сердце жены своей; священные и свѣтскіе законы уничтожаютъ справедливо бракъ. Но если изъ-за этого сердце жены влечетъ ее къ мужу, какъ я полагалъ М., тогда никто не долженъ препятствовать ей въ исполненіи ея желаній. Я то и сдѣлалъ, но полагалъ не безъ причины послѣ, что она знала, что она ѣдетъ навсегда, и что она меня обманывала.—Письмо ея, вчера полученное, доказываетъ мнѣ противное,—но не менѣе она не чувству своему послѣдовала, поѣхавъ къ мужу, а вліянію волконскихъ бабъ, которыя похвалами ея геройству, увѣрили ее, что она героиня,—и она поѣхала, какъ дурочка. Нельзя мнѣ не негодовать на нее: она должна имѣть болѣе довѣренности ко мнѣ и къ моему разсудку, чѣмъ къ скверным В—мъ; мнѣ и спокойствіе, и слава ея должны быть драгоцѣнны. Если-бъ я могъ надѣяться, что ея заблужденіе не исчезнетъ, тогда-бъ я не жалѣлъ о ея поступкѣ; но это не въ существѣ вещей, а между тѣмъ она единороднаго своего сына оставила безъ слезинки!

«Мой другъ! Сердце отца не можетъ сохранить долго огорченія своего на дѣтей своихъ, и источникъ онаго доказываетъ привязанность мою къ ней. Я не показалъ ей ни капли онаго и никому не далъ подозрѣвать его, кромѣ

тебя. Адресуясь съ онымъ къ тебѣ, я выбралъ того, кто не будетъ возбуждать его. Мой другъ, если-бы ты знала. что мнѣ стоитъ Машенька здоровья, ты-бъ извинила мою чувствительность.

«Письмо ея отъ 29-го января, писанное изъ Иркутска, принесло не малое утѣшеніе. Или она не знаетъ, что ей не позволено будетъ возвратиться, или сіе запрещеніе существуетъ только для удержанія женъ несчастныхъ отъ поѣздки въ Сибирь. Милосердный Государь нашъ не будетъ наказывать несчастныхъ и невинныхъ жертвъ своей любви къ мужьямъ за оную, и, конечно, чрезъ нѣкоторое время имъ позволено будетъ возвратиться. Дай Богъ мнѣ дожить до этого! Я тебѣ говорю, мой другъ, что письмо ея усладило мою горесть, и въ самую нужную для сего минуту, ибо за часъ до полученія онаго я писалъ къ Машенькѣ, и писалъ въ первый еще разъ по ея отъѣздѣ».

Во второмъ письмѣ отъ 17 апрѣля того же года Раевскій писалъ:

«Неужто ты думаешь, мой другъ Катенька, что въ нашей семьѣ нужно защищать Машеньку, Машеньку, которая, по моему мнѣнію, поступила хотя неосновательно, потому что не по одному своему движенію, а по постороннему вліянію дѣйствуетъ, но не менѣе она въ несчастіи, какого въ мірѣ жесточе найти мудрено, мудрено и выдумать даже. Неужто ты думаешь, что могутъ сердца наши закрыться для нея? Но полно и говорить объ этомъ. Въ письмахъ своихъ она все оправдываетъ свой поступокъ, что доказываетъ, что она не совсѣмъ увѣрена въ добротѣ онаго. Я сказалъ тебѣ, мой другъ, одинъ разъ: ѣхать по любви къ мужу въ несчастіи—почтенно. Не будемъ возвращаться къ этому предмету. Дай Богъ, чтобы наша несчастная Машенька осталась въ этомъ заблужденіи, ибо опомниться было бы для нея еще большимъ несчастьемъ».

Марья Николаевна не вернулась ни черезъ годъ. ни позже. Борьба за пребываніе въ Сибири не прекратилась и продолжалась въ письмахъ, за которыя послѣ смерти

отца Волконская упрекала себя... Но когда Николай Николаевичъ Раевскій умиралъ въ 1829 году въ своемъ кіевскомъ имѣніи, окруженный семьей, онъ вспомнилъ о Марьѣ Николаевнѣ и, указывая на ея портретъ, сказалъ своему сыну: «Voilà la plus admirable femme que j'aie connue». Несправедливость семейнаго эгоизма была признана.

VI.

Оставалось пройти черезъ «надрывы» прощаній. Съ отцомъ—молча; благословилъ и отвернулся. Съ ребенкомъ—у люльки на колѣняхъ. Онъ долго игралъ краснымъ сургучемъ печати того письма, которымъ разрѣшалась поѣздка въ Сибирь... Въ Москвѣ—долгій, мучительный вечеръ прощанія у Зинаиды Волконской... Зинаида Волконская собрала почти всю московскую интеллигенцію, пригласила итальянскихъ пѣвцовъ и нѣсколько талантливыхъ дѣвицъ московскаго общества. Былъ и Пушкинъ... Въ бумагахъ Веневитинова сохранилось прекрасное описаніе этого вечера 26 декабря 1826 года, которое мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ: оно прекрасно рисуетъ «надрывъ» Волконской.

«Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню М а р і ю В о л к о н с к у ю, коей мужъ сосланъ въ Сибирь, и которая 6-го января сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ Муравьевой. Она нехороша собой, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина—больше всего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже изсохъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она

хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго. Помнитъ, что она мать, и рѣшилась спасти дочь свою, жертвуя сама собою. Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангелъ-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву —славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить въ мірѣ, созданномъ ею собою. Въ вдохновеніи своемъ она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее.

«Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Когда въ часъ роковой всѣ надежды наши утрачены; когда коварная судьба поймала насъ въ ужасные свои ковы, и прошедшее и настоящее блаженство однимъ ударомъ пресѣчены; когда воспоминаніе о немъ становится источникомъ слезъ объ его утратѣ, ибо легче сносить несчастія отъ рожденія, нежели въ лѣта зрѣлыя; когда мы уже постигаемъ свою участь, вполнѣ сознаемъ ее и самихъ себя, быть лишеннымъ земного рая и съ верху блаженства быть ввергнуту въ бездну гибели, когда всѣ свѣтлыя, радужныя картины стерты для насъ въ будущемъ, и взоръ нашъ угадываетъ въ немъ одну только мрачную, безпредѣльную, однообразную пустыню, тогда можетъ ли нашъ умъ заниматься изъясненіемъ себѣ понятія, можетъ ли фантазія представлять опредѣленные образы? Одно глубокое чувство меланхоліи овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ. Оно неизъяснимо, оно таится отъ всѣхъ и таіно для насъ самихъ, но мы не хотимъ, чтобы оно въ насъ спало. Мы стараемся удерживать его, находимъ нѣкоторыя утѣшенія въ томъ, чтобы его возбуждать. Это въ природѣ нашей. И что же согласнѣе музыки можетъ раздаваться въ душѣ нашей, тогда какъ всѣ струны нашего сердца растроганы симъ чувствомъ и сливаются въ одинъ вѣчный звукъ печали?

«Она, въ продолженіе цѣлаго вечера, все слушала,

какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской) много было гостей, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ «Agnes del Maestro Paer» былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое, мрачное молчаніе нѣкоторыми шутливыми дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливцами, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались, и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголъ, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ, очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмевало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь, просто-

душно увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ея трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ «Донъ-Жуана». Одному пѣть у меня тогда бы голоса недостало. Она меня благодарила, какъ и всѣхъ: видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Для нея велѣла К. З. изготовить ужинъ: ибо становилось уже поздно, и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась насъ всѣхъ развлечь отъ себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметахъ постороннихъ. Когда встали изъ-за стола, она тотчасъ пошла въ свою комнату. И мы уѣхали уже послѣ 2-хъ чсовъ. Я возвратился домой съ душою полною, и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера.

«Въ этой женщинѣ изрѣдка и невольно вырываются слова, означающія досаду. Говорили о концертѣ, данномъ въ пользу Семенова (крѣпостного скрипача) для освобожденія его, и сказали, что зачинщики сего благодѣянія претерпѣли нѣкотораго рода непріятности за то. Она тотчасъ съ жаромъ примѣтила: «On a trouvé que c'était trop libéral».

А князь Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу 6 января 1827 г.: «На-дняхъ видѣли мы здѣсь проѣзжающихъ далѣе Муравьеву-Чернышеву и Волконскую-Раевскую. Что за трогательное и возвышенное обреченіе. Спасибо женщинамъ: онѣ дадутъ нѣсколько прекрасныхъ строкъ нашей исторіи. Въ нихъ, точно, была видна не экзальтація фанатизма, а какая-то чистая, безмятежная покорность мученичества, которое не думаетъ о Славѣ, а увлекается, поглощается однимъ чувствомъ тихимъ, но всеобъемлющимъ, всеодолѣвающимъ. Тутъ ничего нѣтъ для Галлереи: да и гдѣ у насъ Галлерея? Гдѣ публичная оцѣнка дѣяній?»

VII.

27 декабря 1826 года М. Н. Волконская выѣхала изъ Москвы. Черезъ двадцать дней она была въ Иркутскѣ. Здѣсь ожидало ее послѣднее испытаніе. Иркутскому гражданскому губернатору было предписано употребить всевозможныя мѣры, чтобы отклонить женъ декабристовъ отъ ихъ намѣренія. «Такъ какъ ссыльнымъ декабристамъ было запрещено писать родственникамъ, то надѣялись, что этихъ несчастныхъ скоро забудутъ въ Россіи, между тѣмъ, какъ женамъ невозможно было запретить писать и тѣмъ поддерживать родственныя отношенія». Всѣ помнятъ въ поэмѣ Некрасова надрывающую душу сцену объясненія губернатора съ княгиней Трубецкой:

Простите! да, я мучилъ васъ,
Но мучился и самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ,—

говоритъ въ концѣ объясненія губернаторъ. Этотъ строгій приказъ былъ опубликованъ лишь въ самое послѣднее время [1]). Его стоитъ привести цѣликомъ, чтобы читатель могъ сопоставить строфы поэмы съ сухими и безстрастными строками оффиціальной бумаги и представить въ своемъ воображеніи картину послѣдняго испытанія. Предписаніе было высочайше одобрено и подписано генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскимъ. Вотъ его текстъ:

«Изъ числа преступниковъ, верховнымъ уголовнымъ судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу осужденныхъ, отправлены нѣкоторые въ Нерчинскіе горные заводы.

«За сими преступниками могли послѣдовать ихъ жены, не знающія ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ни существующихъ о ссыльно-каторжныхъ постановленій и не предви-

[1]) Въ нашей статьѣ «О русскихъ женщинахъ» Некрасова, въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ, въ сборникѣ «Къ свѣту» (1904) и въ книгѣ «Историческіе этюды», Спб., 1913.

дящія, какой, по принятымъ въ Сибири правиламъ, подвергнуть онѣ себя участи, соединясь съ мужьями въ теперешнемъ ихъ состояніи.

«Мѣстное начальство неукоснительно обязано вразумить ихъ со всею тщательностію, съ какимъ пожертвованіемъ сопрягается таковое ихъ преднамѣреніе, и стараться сколько возможно отъ онаго предотвратить.

«При томъ легко статься можетъ, что многія изъ нихъ, имѣя достаточное состояніе, возьмутъ съ собою значительныя суммы и драгоцѣнныя вещи, ввозъ коихъ въ край бѣдный, населенный людьми буйными и развратными, не обѣщаетъ добрыхъ послѣдствій и потому не долженъ быть дозволенъ.

«Самые крѣпостные люди, которые могли бы за ними прибыть, не обязаны раздѣлять участи, добровольно госпожами ихъ принимаемой.

«Сообразивъ сіе и зная, что жены осужденныхъ не иначе могутъ слѣдовать въ Нерчинскъ, какъ черезъ Иркутскъ, я возлагаю на особенное попеченіе вашего превосходительства употребить всѣ возможныя внушенія и убѣжденія къ остановленію ихъ въ семъ городѣ и къ обратному отъѣзду въ Россію.

«Внушенія могутъ состоять въ томъ:

«1) Что, слѣдуя за своими мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, онѣ естественно сдѣлаются причастными къ ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, то-есть будутъ уже признаваемы не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступятъ въ казенные крестьяне.

«2) Что ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ, взять имъ съ собою, коль скоро отправятся въ Нерчинскій край, дозволено быть не можетъ: ибо сіе не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности ихъ какъ отправляющихся въ мѣста, населенныя людьми, на всякія преступленія готовыми, и слѣдственно, могущихъ подвергнуться

при провозѣ съ собою денегъ и вещей опаснымъ происшествіямъ.

«3) Что съ отбытіемъ ихъ въ Нерчинскъ уничтожаются также и права ихъ на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ должно обратиться къ убѣжденіямъ, что переѣздъ въ осеннее время чрезъ Байкалъ чрезвычайно опасенъ и невозможенъ, и представить, хотя мнимо, недостатокъ транспортныхъ казенныхъ судовъ, безнадежность таковыхъ у торгующихъ людей, состоящихъ, и прочія тому подобныя учтивыя отклоненія; а чтобы успѣхъ оныхъ вѣрнѣе былъ достигнуть, то ваше превосходительство не оставите принять и въ самомъ домѣ вашемъ, коотрый, безъ сомнѣнія, будутъ онѣ посѣщать, такія мѣры, чтобы въ частныхъ съ ними разговорахъ находили онѣ утвержденіе таковыхъ убѣжденій.

«По исполненіи сего съ надлежащею точностью, если и затѣмъ окажутся въ числѣ сихъ женъ нѣкоторыя непреклонныя въ своихъ намѣреніяхъ: въ такомъ разѣ, не препятствуя имъ въ выѣздѣ изъ Иркутска въ Нерчинскій край, перемѣнить совершенно ваше съ ними обращеніе, принять въ отношеніи къ нимъ, какъ къ женамъ ссыльнокаторжныхъ, тонъ начальника губерніи, соблюдающаго строго свои обязанности, и исполнить на самомъ дѣлѣ то, что сперва сказано будетъ въ предостереженіе и вразумленіе, а именно:

«а) Всѣ имѣющіяся у нихъ деньги, драгоцѣнныя вещи, серебро и прочее, по надлежащемъ описаніи лично при нихъ и по утвержденіи описи собственноручнымъ подписаніемъ тѣхъ, кому сіе имущество принадлежать будетъ, отобрать отъ тѣхъ и, опечатавъ, отдать къ храненію въ Иркутское губернское казначейство. Но мѣру сію для отклоненія всякаго сомнѣнія привести въ дѣйствіе чрезъ нарочитую комиссію, составя оную подъ предсѣдательствомъ вашимъ изъ одного или двухъ членовъ главнаго управленія и губернскаго прокурора. Впрочемъ, прогоны

на проѣздъ до Нерчинска выдать имъ изъ числа собственныхъ ихъ денегъ.

«b) Изъ крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ, дозволить слѣдовать за каждою токмо по одному человѣку, но и то изъ числа тѣхъ, которые добровольно на сіе согласятся и дадутъ или подписки собственноручныя, или за неумѣніемъ грамотѣ личныя показанія въ полномъ присутствіи губернскаго правленія. Остальнымъ же предоставить возвратиться въ Россію и снабдить ихъ пропускными.

«Указавъ съ моей стороны средства, на законныхъ постановленіяхъ основанныя, которыя служатъ руководствомъ въ дѣйствіяхъ по сему предмету, и ожидая отъ вашего превосходительства исполненія оныхъ въ совершенной точности, и надѣясь, что вы и по собственной предусмотрительности своей не оставите употребить всѣхъ возвозможныхъ способовъ къ достиженію собственно той цѣли, чтобы послѣдовавшихъ за осужденными преступниками женъ рѣшительно отвратить отъ исполненія ихъ намѣренія, происшедшаго отъ незнанія мѣстныхъ обстоятельствъ Сибири и постановленій, о семъ краѣ существующихъ. Но если бы всѣ усилія ваши оказались тщетными, то ваше превосходительство, дѣйствуя въ отношеніи къ нимъ назначенію сему, не оставьте немедленно увѣдомить меня о всѣхъ обстоятельствахъ, къ симъ женамъ относящихся, и вообще о мѣрахъ, какія вами будутъ принимаемы.

«Наконецъ, если бы которая либо изъ нихъ проѣхала Иркутскъ прежде, нежели вы сіе получите, въ такомъ разѣ прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ отправиться лично для возвращенія ея въ губернскій городъ или приказать остановить въ Верхнеудинскѣ, ибо примѣръ оной можетъ побудить и другихъ къ домогательствамъ о равномѣрномъ пропускѣ ихъ въ Нерчинскъ».

Это-то предписаніе и предстояло привести въ исполненіе иркутскому губернатору, старику-нѣмцу Цейдлеру. За нѣсколько дней до пріѣзда Волконской въ Иркутскъ

ему пришлось примѣнить инструкцію въ первый разъ къ Трубецкой, и онъ могъ убѣдиться, что при всемъ желаніи выполнить волю высшаго начальства, это было трудно и даже невозможно. Съ Волконской дѣло обошлось легче. «Подумайте же, какія условія вы должны будете подписать»,—сказалъ онъ и получилъ въ отвѣтъ: «я ихъ подпишу не читая».

Въ объявленіи, подписанномъ Волконской, текстуально приведены три пункта «внушеній», а къ первому было добавлено разъясеніе: «жена, слѣдуя за мужемъ..., будетъ признаваема не иначе, какъ женою ссыльно-каторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже и начальство не въ состояніи будетъ защищать ее отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развращеннаго, презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ-будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ ними участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія». Какая предупредительность и заботливость, подумаешь!

Подписка была дана, и Волконская стремительно направляется дальше, черезъ Байкалъ, Верхнеудинскъ, на перекладныхъ, въ Большой Нерчинскій заводъ. Здѣсь она встрѣтилась съ Трубецкой. Мужъ въ это время былъ въ 12 верстахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ. Начальникъ рудниковъ Бурнашевъ предложилъ подписать еще одно обязательство. Центральный пунктъ его — воспрещеніе брачныхъ сношеній. Жена могла видѣть мужа не больше двухъ разъ въ недѣлю, не иначе какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ, въ назначенное для того время и въ присутствіи дежурнаго офицера. Кромѣ этого пункта, къ Волконской предъявили цѣлый рядъ другихъ требованій. Волконская была поражена. Съ горечью пишетъ она: «Итакъ, государственные преступники должны выносить всю суровость законовъ, какъ простые каторж-

ники, но имъ не разрѣшается семейная жизнь, даруемая величайшимъ преступникамъ и злодѣямъ. Я видала, какъ послѣдніе возвращались къ себѣ по окончаніи работы, занимались собственными дѣлами, выходили изъ тюрьмы; лишь послѣ повторенія преступленія на нихъ надѣвали кандалы и заключали въ тюрьму, тогда какъ наши мужья были заперты въ тюрьмѣ и въ кандалахъ съ перваго дня своего пріѣзда сюда». Бурнашевъ предложилъ Волконской ѣхать въ Благодатскій рудникъ на другой же день.

Свершилось долго жданное: «Бурнашевъ предложилъ мнѣ войти. Въ первую минуту я ничего не видѣла, такъ тамъ было темно; открыли маленькую дверь налѣво, и я поднялась въ отдѣленіе мужа. Сергѣй бросился ко мнѣ; лязгъ его цѣпей меня поразилъ: я не знала, что онъ былъ закованъ въ кандалы. Суровость этого наказанія дала мнѣ понятіе о силѣ его страданій. Видъ его кандаловъ такъ взволновалъ и растрогалъ меня, что я бросилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала сначала его кандалы, а потомъ и его самого. Бурнашевъ, который за недостаткомъ мѣста не могъ войти, а стоялъ на порогѣ, остолбенѣлъ отъ изумленія при видѣ моего уваженія и восторга къ мужу, которому онъ говорилъ «ты» и съ которымъ обходился, какъ съ каторжникомъ».

VIII.

«Первое время нашего изгнанія, — пишетъ Волконская,—я думала, что оно, навѣрное, кончится черезъ 5 лѣтъ, затѣмъ я увѣряла себя, что это произойдетъ черезъ 10 лѣтъ, потомъ черезъ 15 лѣтъ, но послѣ 25 лѣтъ я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобы Онъ вывелъ изъ Сибири моихъ дѣтей».

Вопросъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ былъ окончательно разрѣшенъ лишь въ 1833 году. Лишеніе гражданскихъ правъ въ упомянутомъ выше предпи-

саніи разсматривается, какъ мѣра внушенія; въ 1833 году оно было принято, какъ законъ. Ни одна инстанція не рѣшалась карать женъ за сочувствіе къ мужьямъ, не придавала распространительнаго толкованія предписанію и считала вполнѣ возможнымъ возвращеніе женъ по смерти мужей въ Россію. Императоръ Николай Павловичъ былъ послѣдователенъ.

«Въ засѣданіи 18-го апрѣля,—читаемъ мы въ журналѣ комитета министровъ,—предсѣдатель комитета объявилъ, что государь императоръ, по разсмотрѣніи заключеній комитета министровъ о правахъ женъ государственныхъ преступниковъ, добровольно послѣдовавшихъ за мужьями въ ссылку на каторжную работу,—обращаясь къ условіямъ, на коихъ сіе дозволено было, находить изволилъ, что въ помянутыхъ условіяхъ, именно, предписывалось, что слѣдуя за мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, онѣ содѣлаются причастными ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, т.-е. будутъ признаваемы не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступятъ въ казенные крестьяне. За симъ, хотя въ тѣхъ же условіяхъ присовокуплено, что невинная жена, слѣдуя за мужемъ-преступникомъ въ Сибирь, должна оставаться тамъ до его смерти; но правительство, чрезъ таковую ссылку на общій законъ, собственно до обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ относящійся (уставъ о ссыльныхъ, § 231), постановляя только, что невинныя жены государственныхъ преступниковъ прежде смерти мужей не могутъ оставлять Сибири, отнюдь не принимало еще на себя непремѣнной обязанности послѣ смерти ихъ дозволить всѣмъ ихъ вдовамъ возвратъ въ Россію.

«Посему его императорское величество, раздѣляя представляющійся здѣсь общій вопросъ а два, и именно: 1) о правѣ состоянія и 2) о правѣ избранія мѣста жительства, въ разрѣшеніи того и другого полагать изволитъ:

«1) Что невинныя жены государственныхъ преступниковъ, раздѣляющія супружескую съ ними связь, согласно

прежнимъ повелѣніямъ и настоящему заключенію комитета министровъ, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльно-каторжныхъ и съ симъ вмѣстѣ подвергаться всѣмъ личнымъ ограниченіямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе сожитія ихъ съ преступниками....

«2) Что послѣ смерти государственныхъ преступниковъ жившимъ съ ними невиннымъ женамъ ихъ, на основаіи существующихъ узаконеній, хотя и должны быть возвращаемы лично всѣ прежнія ихъ права, вмѣстѣ съ предоставленіемъ въ непосредственное уже распоряженіе ихъ принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ; но дѣйствіе всѣхъ этихъ правъ имѣетъ ограничиваться одними предѣлами Сибири, дозволеніе же вдовамъ государственныхъ преступниковъ возврата въ Россію, безусловно или съ извѣстными ограниченіями, зависѣть будетъ съ особаго усмотрѣнія правительства и не иначе каждой изъ нихъ дано быть можетъ, какъ съ высочайшаго разрѣшенія»...

Только по вступленіи на престолъ Александра II 29-го августа 1856 года были дорваны «государственному преступнику Сергѣю Волконскому и законнымъ дѣтямъ его, рожденнымъ послѣ приговора надъ нимъ, всѣ права потомственнаго дворянства, только безъ почетаго титула, прежде имъ носимаго, и безъ правъ на прежнее имущество, съ дозволеніемъ возвратиться съ семействомъ изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаетъ въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ С.-Петербурга и Москвы, подъ надзоромъ».

Мы не будемъ останавливаться на жизни Волконской па каторгѣ и на поселеніи. Намъ пришлось бы пересказывать ея «Записки», написанныя живо и трогательно. Неукротимая и боевая натура Волконской не находила успокоенія. Жизнь въ Сибири была полна ежедневной, ежечасной борьбы за существованіе мужа и свое. Если декабристы въ концѣ-концовъ добились мало-мальски сноснаго существованія, то этимъ они обязаны всецѣло своимъ женамъ. Тяжелая жизнь не истребила основной

черты характера Волконской—жажды жизни. Когда Волконскіе были на поселеніи и жили въ Иркутскѣ, она сдѣлала изъ своего дома центръ общественной жизни въ городѣ; она любила общество и развлеченія. Н. А. Бѣлоголовый вспоминаетъ о ней: «говорятъ, она была хороша собой, но, съ моей точки зрѣнія, 11-ти-лѣтняго мильчика, она мнѣ не могла казаться иначе, какъ старушкой, такъ какъ ей перешло тогда за 40 лѣтъ; помню ее женщиной высокой, стройной, худощавой, съ небольшой относительно головой и красивыми, постоянно прищурившимися глазами. Держала она себя съ большимъ достоинствомъ, говорила медленно и вообще на насъ, дѣтей, производила впечатлѣніе гордой, сухой, какъ бы ледяной особы, такъ что мы всегда нѣсколько стѣснялись въ ея присутствіи».

М. Н. Волконская умерла 10-го августа 1863 года.

Мы знаемъ, что не одна Волконская послѣдовала за своимъ мужемъ, не одна совершила подвигъ... Трубецкая, Розенъ, Давыдова, Нарышкина, Ентальцева, Анненкова, Ивашева, Фонвизина, раздѣляютъ славу Волконской. Различны психологическіе мотивы подвига каждой изъ нихъ. Для однѣхъ, какъ для Анненковой и Ивашевой, путешествіе въ Сибирь было подвигомъ страстной любви, для другихъ (Давыдова, Ентальцева и др.) - подвигомъ супружеской любви и долга. Фонвизина рѣшилась на подвигъ ради самаго подвига. Для Волконской онъ былъ подвигомъ «борьбы» чисто органическимъ и абсолютно чуждымъ эгоистическихъ соображеній. Она совершила его не для себя, не для мужа, а «по-человѣчеству». Когда ей высказывали удивленіе по поводу того, какъ она могла лишить себя всего, что имѣла, и все покинуть, чтобы слѣдовать за мужемъ, она отвѣчала: «Что же тутъ удивительнаго? Пять тысячъ женщинъ дѣлаютъ добровольно то же самое».

П. Щеголевъ.

ЗАПИСКИ

КНЯГИНИ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ.

Господь рѣшитъ окованныя...
Господь возводитъ низверженныя...
(Пс.. 145 и 144.).

Миша мой, ты просишь меня записать тѣ разсказы, которыми я когда-то во дни вашего дѣтства развлекала тебя и Нелли, словомъ—написать свои воспоминанія [1]. Но прежде чѣмъ начать писать, надо умѣть писать, а у меня нѣтъ этого таланта, и кромѣ того, наша жизнь въ Сибири можетъ интересовать только тебя, какъ дитя изгнанія; и я буду писать для тебя, для твоей сестры и для Сережи, при непремѣнномъ условіи, чтобы эти записки не сообщались никому, за исключніемъ твоихъ дѣтей, когда они у тебя будутъ; прижавшись къ тебѣ, съ широко раскрытыми глазами, будутъ они слушать разсказы о нашихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, съ которыми, однако, мы настолько свыклись, что сумѣли быть веселы и даже счастливы въ изгнаніи.

Я сокращу теперь то, что вамъ такъ нравилось, когда вы были дѣтьми; разсказы о томъ счастьѣ, которымъ я наслаждалась подъ сѣнью родительскаго крова, о моихъ путешествіяхъ, о тѣхъ радостяхъ и удовольствіяхъ, которыя выпали на мою долю на этомъ свѣтѣ. Скажу только, что въ 1825 году я вышла замужъ за князя Сергѣя Волконскаго, вашего отца,—достойнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей; мои родители думали, что обезпечили мнѣ блестящую, по мнѣнію свѣта, будущность. Мнѣ было грустно разставаться съ ними: словно сквозь подвѣнечный вуаль мнѣ смутно рисовалась судьба, ожидавшая насъ. Вскорости я заболѣла, и меня послали въ Одессу на морскія купанья съ матерью, сестрой и моей англичан-

кой. Сергѣй не могъ насъ сопровождать, такъ какъ по дѣламъ службы долженъ былъ остаться при своей дивизіи. Я почти совсѣмъ не знала его до свадьбы. Въ Одессѣ я пробыла все лѣто, и такимъ образомъ, въ первый годъ нашей супружеской жизни я провела съ мужемъ только три мѣсяца; я и не подозрѣвала тогда о существованіи Тайнаго Общества, членомъ котораго онъ состоялъ. Будучи старше меня лѣтъ на двадцать, онъ не могъ поэтому довѣриться мнѣ въ такомъ важномъ дѣлѣ [2].

Въ концѣ осени онъ пріѣхалъ за мной, отвезъ меня въ Умань, гдѣ стояла его дивизія, а самъ уѣхалъ въ Тульчинъ,—главную квартиру второй арміи. Черезъ недѣлю онъ вернулся среди ночи и тотчасъ же разбудилъ меня: «Вставай скорѣе!» Я вскочила, дрожа отъ страха. Я была въ послѣднемъ періодѣ беременности, и это внезапное возвращеніе среди ночи напугало меня. Онъ растопилъ каминъ и сталъ жечь какія-то бумаги. Какъ умѣла, я ему помогала, спрашивая, что все это значитъ? «Пестель арестованъ!»—«Почему?» — Отвѣта нѣтъ. Вся эта таинственность меня безпокоила. Я видѣла, что онъ былъ печаленъ, чѣмъ-то сильно озабоченъ. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что обѣщалъ моему отцу отвезти меня къ нему на время родовъ, и вотъ мы отправились въ имѣніе отца, гдѣ онъ сдалъ меня на попеченіе моей матери, а самъ тотчасъ же уѣхалъ: немедленно по возвращеніи онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Такъ прошелъ первый годъ нашей супружеской жизни.— онъ еще не кончился, а Сергѣй уже сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости.

Роды у меня были очень тяжелыя, безъ повивальной бабки (она пріѣхала только на другой день). Отецъ настаивалъ, чтобы я сидѣла въ креслѣ, а мать, какъ болѣе опытная въ этихъ дѣлахъ, приказывала мнѣ, во избѣжаніе простуды, лечь въ постель,—и вотъ они спорятъ, а я мучусь. Наконецъ, воля мужчины, какъ всегда, одержала верхъ. Меня посадили въ большое кресло, гдѣ я перенесла жестокія муки безъ всякой медицинской помощи. Напи-

докторъ находился у больного въ 15-ти верстахъ отъ насъ; пришла какая-то крестьянка, выдававшая себя за бабку, но она не рѣшилась даже подойти ко мнѣ, а стала на колѣни въ углу комнаты и молилась за меня. Наконецъ, къ утру пріѣхалъ докторъ, и я родила своего маленькаго Николая, съ которымъ впослѣдствіи должна была разстаться навсегда. У меня хватило силъ дойти босикомъ до постели, которая показалась мнѣ холодной, какъ ледъ; черезъ минуту меня схватила жестокая лихорадка, которая перешла затѣмъ въ воспаленіе мозга, приковавшее мня къ постели на два мѣсяца [3]. Когда я приходила въ себя, я спрашивала о мужѣ, и мнѣ отвѣчали, что онъ въ Молдавіи, а между тѣмъ онъ въ это время былъ уже въ тюрьмѣ и выносилъ всѣ нравственныя пытки допроса. Сначала его, какъ и всѣхъ, привели къ императору Николаю, который накинулся на него съ угрозами и бранью за то, что мужъ не хотѣлъ назвать никого изъ своихъ товарищей. Позже, когда онъ все-таки упорствовалъ въ своемъ молчаніи передъ слѣдователями, Чернышевъ, военный министръ, сказалъ ему: «Стыдитесь, князь, прапорщики больше васъ показываютъ». Впрочемъ, всѣ товарищи мужа были уже извѣстны: предатели Шервудъ, Майборода и... [4] выдали списокъ именъ членовъ Тайнаго Общества, слѣдствіемъ чего и явились аресты. Я не рѣшаюсь описывать событія этого времени: они еще слишкомъ свѣжи въ памяти и слишкомъ огромно для меня ихъ значеніе; это сдѣлаютъ другіе, а приговоръ надъ этимъ порывомъ чистаго и безкорыстнаго патріотизма произнесетъ потомство. До сихъ поръ исторія Россіи являла лишь дворцовые заговоры, причемъ только участники ихъ находили въ томъ личную для себя выгоду.

Въ одинъ прекрасный день, собравшись съ мыслями, я сказала сама себѣ: «Отсутствіе моего мужа неестественно, вѣдь я совсѣмъ не получаю отъ него писемъ». Я, наконецъ, настояла, чтобы мнѣ сказали правду, и тутъ я узнала, что Сергѣй арестованъ, точно также какъ и В. Да-

выдовъ [5], Лихаревъ [6] и Поджіо [7]. Я объявила матери, что уѣзжаю въ Петербургъ, куда уже уѣхалъ мой отецъ. На слѣдующее утро все было готово къ отъѣзду, но въ тотъ моментъ ,когда нужно было вставать, я вдругъ почувствовала въ ногѣ сильную боль. Я тотчасъ же велѣла привести ко мнѣ ту добрую женщину, которая тогда такъ горячо молилась за меня Богу; она сказала, что это рожа, завернула мою ногу въ красное сукно съ мѣломъ,—и я отправилась въ путь съ своей доброй сестрой и ребенкомъ, котораго я дорогой оставила у тетки моего отца, графини Браницкой. Она жила богатой и вліятельной помѣщицей и, кромѣ того, тамъ были хорошіе врачи.

Былъ апрѣль мѣсяцъ; распутица — полная. Я ѣхала днемъ и ночью и пріѣхала, наконецъ, къ своей свекрови. Это была придворная дама въ полномъ смыслѣ слова. Мнѣ неоткуда было ждать совѣта: братъ Александръ, предвидѣвшій исходъ дѣла, и отецъ, приходившій отъ него въ ужасъ, буквально провели меня [8]. Александръ продѣлалъ это съ такой ловкостью, что я поняла все гораздо позже, когда уже была въ Сибири. Здѣсь мои подруги разсказывали мнѣ, что всякій разъ, когда онѣ пріѣзжали навѣстить меня, имъ говорили, что я не принимаю. Братъ боялся ихъ вліянія на меня, но тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ его предосторожности, я и Каташа Трубецкая были первыми, которыя пріѣхали въ Нерчинскіе рудники.

Я была еще очень больна и необыкновенно слаба. Я добилась разрѣшенія повидаться съ мужемъ въ крѣпости. Императоръ, который пользовался каждымъ случаемъ, чтобы проявить свое великодушіе (въ дѣлахъ незначительныхъ), узнавъ, что я очень слаба, приказалъ, чтобы меня въ крѣпость сопровождалъ врачъ,—*боясь для меня всякаго сильнаго волненія*. Графъ Алексѣй Орловъ самъ повезъ меня въ крѣпость. Приближаясь къ этой ужасной тюрьмѣ, я подняла глаза, и пока открывали ворота, увидѣла помѣщеніе надъ въѣздомъ съ большими, раскрытыми окнами. и Михаила Орлова,

который, улыбаясь, въ халатѣ и съ трубкой въ рукахъ, смотрѣлъ на пріѣхавшихъ.

Мы остановились у коменданта; тотчасъ же подъ конвоемъ привели моего мужа. Это свиданіе при посторонних было чрезвычайно тяжело; мы ободряли другъ друга, но дѣлали это безъ всякаго убѣжденія. Я не рѣшилась его разспрашивать: всѣ взоры были обращены на насъ; мы обмѣнялись платками. Вернувшись къ себѣ, я поспѣшила посмотрѣть, что тамъ было, но нашла лишь нѣсколько словъ утѣшенія, которыя были написаны на углу платка и которыя я съ трудомъ могла разобрать.

Моя свекровь разспрашивала меня о сынѣ, и между прочимъ, сказала, что она не можетъ рѣшиться навѣстить его, такъ какъ это свиданіе ее убило бы, и на другой же день уѣхала съ Императрицей-Матерью въ Москву, гдѣ уже начались приготовленія къ коронаціи. Моя золовка Софья Волконская должна была скоро прибыть: она сопровождала въ Петербургъ тѣло покойной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Я горѣла нетерпѣніемъ познакомиться съ этой сестрой, которую мужъ мой обожалъ; я возлагала большія надежды на ея пріѣздъ. Но мой братъ смотрѣлъ на это иначе; онъ сталъ внушать мнѣ тревогу относительно моего ребенка, увѣряя меня, что слѣдствіе продлится долго (что, впрочемъ и было вѣрно), что нужно было бы мнѣ самой убѣдиться, насколько хорошъ уходъ за моимъ дорогимъ малюткой и что навѣрное въ дорогѣ я встрѣчусь съ княгиней. Ничего не подозрѣвая, я рѣшила ѣхать, надѣясь привезти сюда моего ребенка. Я отправилась на Москву съ цѣлью увидѣться съ моей сестрой Орловой. Моя свекровь, въ качествѣ статсъ-дамы, была уже тамъ. Она мнѣ сказала, что Ея Величество желаетъ меня видѣть и что она принимаетъ во мнѣ большое участіе. Я думала, что Императрица будетъ говорить со мной о моемъ мужѣ, такъ какъ въ подобныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ я понимала участіе къ себѣ лишь въ томъ случаѣ, если оно имѣло отношеніе къ моему мужу. Ничего подобнаго: со мной

разговаривали о моемъ здоровьѣ, о здоровьѣ отца, о погодѣ...

Я немедленно отправилась въ дорогу. Братъ устроилъ такъ, что я разъѣхалась съ золовкой, которая была въ курсѣ всего дѣла и могла бы сообщить мнѣ о направленіи, принятомъ дѣломъ. Я нашла своего ребенка довольно блѣднымъ и слабымъ; ему привили оспу, онъ заболѣлъ. Я не получала никакихъ извѣстій; мнѣ передавали только самыя незначительныя письма, остальныя—уничтожались. Я съ нетерпѣніемъ ждала момента отъѣзда; наконецъ, мой братъ приноситъ мнѣ газеты и объявляетъ, что мой мужъ приговоренъ. Онъ былъ разжалованъ вмѣстѣ со своими товарищами на гласисѣ крѣпости. Вотъ какъ все это произошло.

13 іюля на зарѣ ихъ собрали всѣхъ на гласисѣ и размѣстили по категоріямъ противъ пяти висѣлицъ. Сергѣй, какъ только пришелъ, снялъ съ себя мундиръ и бросилъ его въ костеръ, не желая, чтобы его сорвали съ него. Для уничтоженія мундировъ и орденовъ приговоренныхъ разложили и зажгли нѣсколько костровъ, затѣмъ имъ приказали всѣмъ стать на колѣни и надъ головой каждаго жандармъ ломалъ саблю въ знакъ разжалованія; дѣлалось это очень неловко: нѣкоторымъ при этомъ поранили головы. Когда ихъ привезли обратно въ тюрьму, они получили не свою обычную пищу, а каторжный паекъ, точно также перемѣнили имъ и одежду: имъ дали куртку и штаны изъ грубаго сѣраго сукна.

Вслѣдъ за этой сценой послѣдовала другая, гораздо болѣе ужасная. Привели пятерыхъ приговоренныхъ къ смертной казни. Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ (Михаилъ) и Каховскій были повѣшены, но съ такой возмутительной неловкостью, что трое изъ нихъ сорвались съ веревки и ихъ снова потащили на эшафотъ. Сергѣй Муравьевъ не захотѣлъ, чтобы его поддерживали, Рылѣевъ, снова получивъ возможность говорить, сказалъ: «Я счастливъ умереть дважды за отечество». Ихъ тѣла были положены въ два большіе ящика,

наполненные негашеной известью, и погребены на островѣ Голодаѣ. Часовой не позволялъ никому приближаться къ нимъ. Я не могу спокойно говорить объ этой сценѣ, мнѣ больно ее описывать, она меня разстраиваетъ; у меня нѣтъ силъ заставить себя описать ее. Генералъ Чернышевъ (впослѣдствіи графъ и князь) объѣзжалъ верхомъ вокругъ пяти висѣлицъ, и усмѣхаясь, смотрѣлъ въ лорнетъ на пять жертвъ[9].

Мой мужъ былъ лишенъ титуловъ, состоянія, правъ и приговоренъ къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ и пожизненной ссылкѣ. Онъ былъ отправленъ въ Сибирь 26 іюля вмѣстѣ съ князьями Трубецкимъ и Оболенскимъ, Давыдовымъ, Артамономъ Муравьевымъ, братьями Борисовыми и Якубовичемъ[10]. Когда братъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, я объявила, что послѣдую за мужемъ; братъ долженъ былъ ѣхать въ Одессу и передъ отъѣздомъ сказалъ мнѣ, чтобы я до его возвращенія не трогалась съ мѣста, но на другой же день послѣ его отъѣзда я взяла паспортъ и отправилась въ Петербургъ. Въ семьѣ мужа на меня сердились за то, что я не отвѣчала на ихъ письма. Но вѣдь я не могла имъ сказать, что я ихъ не получала, такъ какъ ихъ перехватывалъ мой братъ. Мнѣ говорили колкости, но ни слова о деньгахъ. Тѣмъ болѣе не могла я имъ сказать, что я переносила отъ моего отца, который не хотѣлъ меня отпустить. Я заложила свои брилліанты, заплатила нѣкоторые долги мужа и написала Государю письмо съ просьбой разрѣшить мнѣ слѣдовать за мужемъ. Я указывала на то участіе, которое Государь принималъ въ женахъ ссыльныхъ и просила его довершить свои милости разрѣшеніемъ мнѣ уѣхать. Вотъ его отвѣтъ:

«Я получилъ, княгиня, ваше письмо отъ 15 сего мѣсяца, и съ удовольствіемъ нашелъ въ немъ выраженіе вашихъ чувствъ ко мнѣ за то участіе, которое я въ васъ принимаю; но во имя этого участія къ вамъ и считаю себя обязаннымъ еще разъ повторить здѣсь предостереженія, которыя я вамъ уже высказывалъ, отпо-

сительно того, что ожидаетъ васъ, какъ только вы проѣдете за Иркутскъ. Впрочемъ, я вполнѣ представляю вашему личному усмотрѣнію, сударыня, избрать тотъ образъ дѣйствія, который вы найдете наиболѣе подходящимъ въ вашемъ положеніи.

Преданный вамъ
(подпись) Николай».

1826,
21 декабря.

Теперь я должна разсказать вамъ сцену, которую я буду помнить до послѣдняго вздоха. Мой отецъ былъ все время мраченъ и неприступенъ. Однако, мнѣ нужно же было ему сказать, что мы должны разстаться и что я назначаю его опекуномъ моего бѣднаго малютки, котораго мнѣ не позволили взять съ собой. Я показала ему письмо Его Величества; тогда мой бѣдный отецъ, не владѣя болѣе собой, поднялъ кулаки надъ моей головой и воскликнулъ: «Я прокляну тебя, если ты не вернешься черезъ годъ». Я ничего не отвѣтила, бросилась на кушетку и спрятала лицо въ подушку.

Мой отецъ, этотъ герой 1812 года, обладавшій твердымъ и возвышеннымъ характеромъ, этотъ патріотъ, который, видя, что его войска при Дашковѣ дрогнули, схватилъ двухъ своихъ подростковъ-сыновей и бросился съ ними въ огонь непріятеля,—былъ нѣжно-любящимъ семьяниномъ; онъ не могъ перенести мысли о моемъ изгнаніи и мой отъѣздъ казался ему чѣмъ-то чудовищнымъ.

Мой шуринъ, князь Петръ Волконскій, министръ Двора, заѣхалъ за мной, чтобы увезти меня къ себѣ обѣдать и дорогой сказалъ мнѣ: «Увѣрены ли вы въ томъ, что возвратитесь?» «Я совсѣмъ этого и не желаю, а если и вернусь, то не иначе какъ съ Сергѣемъ, только ради Бога, не говорите этого моему отцу». Позже я вспомнила эти слова и поняла смыслъ отеческихъ предостереженій въ письмѣ Его Величества. Въ ту же ночь я выѣхала; съ отцомъ мы попрощались молча: онъ благословилъ меня и отвернулся, не будучи въ состояніи произнести ни слова.

Глядя на него, я говорила себѣ: «Все кончено, я его уже больше не увижу, я умерла для семьи». Я заѣхала обнять свекровь, которая приказала выдать мнѣ ровно столько денегъ, сколько нужно было заплатить за лошадей до Иркутска. Я приказала купить для себя кибитку и въ одну минуту мои вещи были уже уложены: я взяла немного бѣлья, три платья и ватошный капотъ, который былъ на мнѣ. Остальныя деньги я берегла для Сибири и зашила ихъ въ платье. Передъ отъѣздомъ я стала на колѣни передъ колыбелью моего сына и долго молилась. Этотъ вечеръ онъ провелъ около меня, играя печатью на письмѣ, которымъ мнѣ разрѣшалось уѣхать и покинуть его навсегда. Ему очень нравилась большая печать изъ краснаго воска на письмѣ. Я поручила своего бѣднаго ребенка заботамъ свекрови и невѣстокъ и, наконецъ, оторвавшись отъ него, вышла.

Въ Москвѣ я остановилась у Зинаиды Волконской, моей третьей невѣстки, которая приняла меня съ такой нѣжностью и добротой, которыхъ я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманіемъ, любовью и состраданіемъ. Зная мою страсть къ музыкѣ, она пригласила всѣхъ итальянскихъ пѣвцовъ, которые были тогда въ Москвѣ и нѣсколько талантливыхъ дѣвицъ [11]. Прекрасное итальянское пѣніе привело меня въ восхищеніе, а мысль, что я слышу его въ послѣдній разъ, дѣлала его для меня еще прекраснѣе. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голосъ, а они пѣли какъ разъ тѣ вещи, которыя я изучила лучше всего, и я мучилась отъ невозможности принять участіе въ пѣніи. Я говорила имъ: «Еще, еще, подумайте только, вѣдь я никогда больше не услышу музыки!» Пушкинъ, нашъ великій поэтъ, тоже былъ здѣсь; я знала его давно. Онъ былъ принятъ моимъ отцомъ въ то время, когда его преслѣдовалъ Императоръ Александръ I за стихотворенія, считавшіеся революціонными.

Отецъ когда-то принялъ участіе въ этомъ бѣдномъ молодомъ человѣкѣ съ такимъ огромнымъ талантомъ и

взялъ его съ собой на Кавказскія воды, такъ какъ здоровье его было сильно подорвано. Пушкинъ никогда этого не забывалъ; связанный дружбой съ моими братьями, онъ питалъ ко всѣмъ намъ чувство глубокой преданности.

Какъ поэтъ, онъ считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми онъ встрѣчался. Мнѣ вспоминается, какъ во время этого путешествія, недалеко отъ Таганрога, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидѣвъ море, мы приказали остановиться, вышли изъ кареты и всей гурьбой бросились любоваться моремъ. Оно было покрыто волнами и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала забавляться тѣмъ, что бѣгала за волной, а когда она настигала меня, я убѣгала отъ нея; кончилось тѣмъ, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего объ этомъ не сказала и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ, что эта картинка была очень граціозна и, поэтизируя дѣтскую шалость, написалъ прелестные стихи; мнѣ было тогда лишь 15 лѣтъ.

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

Позже, въ поэмѣ: «Бахчисарайскій фонтанъ», онъ сказалъ:

...ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе ночи.

Въ сущности, онъ обожалъ только свою музу и поэтизировалъ все, что видѣлъ. Но во время добровольнаго изгнанія насъ, женъ, сосланныхъ въ Сибирь, онъ былъ полонъ самаго искренняго восхищенія: онъ хотѣлъ передать мнѣ свое «Посланіе къ узникамъ» для врученія имъ,

но я уѣхала въ ту же ночь, и онъ передалъ его Александринѣ Муравьевой. Вотъ оно:

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

* * *

Несчастью вѣрная сестра—
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора.

* * *

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы—
Доходитъ мой свободный гласъ.

* * *

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ».

Отвѣтъ князя Одоевскаго, государственнаго преступника, приговореннаго къ каторжнымъ работамъ:

«Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки
И—лишь оковы обрѣли.

* * *

Но будь спокоенъ, Бардъ,—цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

* * *

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ,
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя».

Пушкинъ говорилъ мнѣ: «Я хочу написать сочиненіе о Пугачевѣ. Я отправлюсь на мѣста, перевалю черезъ

Уралъ, проѣду дальше и приду просить у васъ убѣжища въ Нерчинскихъ рудникахъ». Онъ написалъ свою прекрасную книгу, которая привела всѣхъ въ восхищеніе, но въ нашъ край такъ и не попалъ.

Моя сестра Орлова пріѣхала въ Москву проститься со мной. Ея мужъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей Тайнаго Общества, въ это время спокойно жилъ въ деревнѣ: онъ былъ спасенъ своимъ братомъ графомъ Орловымъ, отчасти при помощи отвѣтовъ, которые онъ заставлялъ его давать на вопросы, присылаемые въ тюрьму, а отчасти благодаря благосклонности, которою онъ пользовался у Его Величества. Я забросала сестру вопросами о дѣлѣ, но она отвѣчала уклончиво; больше всего меня мучило то, что я прочитала въ напечатанномъ приговорѣ, будто мой мужъ сдѣлалъ фальшивую печать, чтобы вскрыть Государственныя бумаги.

Со слезами на глазахъ я спросила у сестры: «Правда-ли, что Сергѣй сдѣлалъ фальшивую печать?» Она мнѣ отвѣтила, что это неправда и старалась меня успокоить, но ничего при этомъ не объяснила мнѣ; она, вѣроятно, боялась, какъ бы я объ этомъ не стала разсказывать до своего отъѣзда, но все-таки призналась мнѣ, что для спасенія ея мужа Сергѣй вскрылъ не государственную бумагу, а письмо, будучи на то почти уполномоченъ Кисилевымъ, которому оно было адресовано.

Дѣло было такъ.

Въ 1822 году произошли безпорядки въ 16-ой дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Орловъ. Окружающіе его были неосторожны въ разговорахъ съ учениками школъ, устроенныхъ по методѣ Ланкастера и введенныхъ въ Россіи Михаиломъ. Всѣ эти неосторожныя и несвоевременныя слова передавались унтеръ-офицерамъ и солдатамъ,—результатомъ чего явилось неповиновеніе начальству; объ этомъ было доложено Императору Александру I, который приказалъ произвести слѣдствіе. Генералъ Кисилевъ, начальникъ штаба 2-ой арміи, былъ въ большой дружбѣ съ Михаиломъ и Сергѣемъ: уѣзжая за-границу

вслѣдствіе болѣзни жены, онъ сказалъ передъ отъѣздомъ моему мужу: «Очень жалѣю, что не могу остаться еще нѣсколько дней. Я жду письма относительно дѣла Михаила, я сообщилъ бы его вамъ, чтобы вы предупредили его о ходѣ дѣла». Это письмо на другой же день было получено моимъ мужемъ, который его прочиталъ, запечаталъ первой попавшейся печатью и, такимъ образомъ, далъ возможность Михаилу приготовить свои отвѣты. Подобный поступокъ не только не преступенъ, но даже не является злоупотребленіемъ довѣрія, такъ какъ Киселевъ выразилъ желаніе, чтобы содержаніе письма было сообщено Орлову.

Но возвратимся къ моему путешествію. Сестра, увидя, что я уѣзжаю безъ шубы, испугалась и, снявъ съ себя мѣховое пальто, надѣла его на меня, кромѣ того, она дала мнѣ книгъ. шерсти и узоровъ. Я должна была провести два дня въ Москвѣ, такъ какъ нужно было повидать родственниковъ ссыльныхъ; они принесли мнѣ для нихъ письма и столько посылокъ, что я принуждена была взять вторую кибитку, чтобы все захватить съ собой. Я покидала Москву со стѣсненнымъ сердцемъ, но въ душѣ у меня не было отчаянія. Со мной былъ только одинъ слуга и горничная, которая «все по паспорту ходила» и оказалась впослѣдствіи весьма неблагонадежной.

Я ѣхала день и ночь, нигдѣ не останавливаясь и не обѣдая, а просто пила чай тамъ, гдѣ былъ готовъ самоваръ; мнѣ подавали въ кибитку кусокъ хлѣба, стаканъ молока, или чего-нибудь другого—вотъ и все. Однажды въ лѣсу я перегнала партію каторжниковъ: они шли по поясъ въ снѣгу, такъ какъ зимняя дорога еще не была проложена; лица ихъ были покрыты грязью и они имѣли жалкій и отталкивающій видъ. Я говорила себѣ: «Неужели Сергѣй такой же изнуренный, такъ же обросъ бородой и съ такими всклокоченными волосами?»

Я пріѣхала въ Казань вечеромъ; былъ канунъ Новаго Года; меня заставили выйти изъ кибитки, не знаю почему, въ гостинницѣ; домъ Дворянскаго собранія былъ на

томъ же дворѣ, залы его были ярко освѣщены, и я видѣла, какъ туда входили маски на балъ. Я говорила себѣ: «Какой контрастъ! Здѣсь собираются танцовать, веселиться, а я—ѣду въ бездну. Все кончено для меня: и пѣсни, и танцы».

Подобное ребячество было вполнѣ простительно въ моемъ возрастѣ: мнѣ только что исполнилось 21 годъ. Теченіе моихъ мыслей было прервано появленіемъ чиновника военнаго губернатора, который предупреждалъ меня, что я сдѣлаю лучше, если вернусь обратно, тѣмъ болѣе, что княгиня Трубецкая, которая проѣхала до меня, должна была остановиться въ Иркутскѣ (ее не пустили ѣхать дальше), а въ вещахъ ея произвели обыскъ. Я отвѣтила, что приняла всѣ предосторожности и что меня пропустятъ, такъ какъ на то у меня имѣется разрѣшеніе Его Величества Государя Императора. При этомъ я вспомнила, какъ сестра Орлова, желая удержать меня отъ поѣздки, говорила: «Что ты дѣлаешь, твой мужъ, можетъ быть, началъ пить, опустился!»—«Тѣмъ болѣе я должна ѣхать», отвѣчала я ей.

Я продолжала путь; погода была ужасная; хозяинъ гостинницы сказалъ мнѣ, что лучше было бы обождать, потому что будетъ метель.

Я подумала, что тò-ли еще мнѣ предстоитъ въ Сибири и, приказавъ опустить рогожу съ верха кибитки, отправилась дальше. Но я не знала степныхъ метелей: снѣгъ наваливался на полости, такъ что между ямщикомъ и нами образовалась гора изъ снѣга. Я заставила свои часы прозвонить: была полночь—мой Новый Годъ, моя встрѣча Новаго Года! Я повернулась къ моей горничной, чтобы пожелать ей счастливаго года, не имѣя больше никого, кого бы можно было поздравить, но она была въ такомъ дурномъ расположеніи духа, ея выраженіе лица было такое непріятное, что я обратилась къ ямщику: «Съ Новымъ годомъ тебя поздравляю!»—и я мысленно перенеслась къ своимъ родителямъ къ своей молодости, дѣтству. Какъ праздновался всегда у насъ

этотъ день, сколько радостей, сколько удовольствій! А мой бѣдный Сергѣй, что съ нимъ? Печальная дѣйствительность представилась мнѣ во всей своей неприглядности; я думала теперь только о мужѣ. Лошади стали, ямщикъ сказалъ, что мы сбились съ дороги и что надо выйти и искать убѣжища. Къ счастью, недалеко оказалось зимовье дровосѣка и мы вошли туда; я велѣла развести огонь, заварила чай для людей и пережидала до утра, чтобы продолжать путь. Такъ ѣхала я въ продолженіе 15 дней, то пѣла, то читала стихи, не встрѣтивъ въ пути ничего интереснаго; я совсѣмъ не видѣла мѣстъ, черезъ которыя проѣзжала, былъ сильный холодъ и кибитка была закрыта. Однажды слуга мнѣ сказалъ, что мы подъѣзжаемъ къ станціи; я приказала открыть кибитку и увидѣла большіе костры, разложенные посреди деревни. Эти костры поддерживались, чтобы дать возможность толпѣ обогрѣться; женщины, дѣти, солдаты, крестьяне—всѣ толпились вокругъ костровъ. Я спросила: «Что это такое?»—«Это Серебрянка изъ Нерчинска». Я пришла въ восторгъ,—сейчасъ узнаю, что-нибудь о мужѣ. Иду на почтовую станцію и для вида приказываю подать себѣ чаю. Входитъ офицеръ, сопровождающій караванъ; онъ не снимаетъ фуражки и продолжаетъ курить, выпуская клубы дыма отвратительнаго табаку; засаленная сумка съ табакомъ висѣла у него на пуговицѣ сюртука. Несмотря на его грубую внѣшность, я его спрашиваю, гдѣ находятся государственные преступники. Онъ смѣрилъ меня взглядомъ и, повернувшись ко мнѣ спиной, сказалъ: «Я ихъ не знаю и знать не хочу». (Это былъ нѣкто Фитингофъ, сосланный впослѣдствіи за безнравственность въ Соловецкій монастырь). Тогда одинъ изъ его солдатъ, устыдившись за своего начальника, подходитъ ко мнѣ и тихо говоритъ: «Я ихъ видѣлъ, они здоровы, они въ Нерчинскомъ округѣ, въ Благодатскомъ рудникѣ». Этотъ славный парень проявилъ болѣе человѣчности и деликатности, чѣмъ его начальникъ. Больше со мной не было никакихъ приключеній, за исключеніемъ развѣ того, что меня

понесли лошади съ самой высокой горы Алтая. Я выпрыгнула прямо въ снѣгъ, не причинивъ себѣ ни малѣйшаго вреда.

ИРКУТСКЪ.

Прибывъ въ Иркутскъ, столицу Восточной Сибири, я нашла, что городъ красивъ, мѣстоположеніе его превосходно, рѣка великолѣпна, хотя и покрыта льдомъ. Прежде всего я отправилась въ первую, попавшуюся мнѣ на пути, церковь, чтобы отслужить благодарственный молебенъ. Священникъ, который служилъ молебенъ, оказался впослѣдствіи настоятелемъ въ нашей тюрьмѣ [12]. Вернувшись къ себѣ, я была внѣ себя отъ удивленія и восторга: я увидѣла клавикорды, которые велѣла привязать сзади моей кибитки по секрету отъ меня милая Зинаида Волконская. Этотъ неожиданный подарокъ былъ для меня очень дорогъ, потому что въ это время въ Иркутскѣ только у одного губернатора были клавикорды. Я начала играть, пѣть—и не чувствовала уже себя такой одинокой. Квартира, которую я для себя нашла, была какъ разъ та, изъ которой только въ этотъ день выѣхала Каташа, отправляясь въ Забайкалье. Гражданскій губернаторъ Цейдлеръ, старикъ-нѣмецъ, тотчасъ же явился ко мнѣ—читать мнѣ наставленія и уговорить вернуться въ Россію. Это ему было приказано. Его Величество косо смотрѣлъ на отъѣздъ молодыхъ женъ за своими мужьями: этимъ возбуждалось черезчуръ много участія къ бѣднымъ ссыльнымъ. Такъ какъ имъ было запрещено писать родственникамъ, то поэтому надѣялись, что этихъ несчастныхъ скоро забудутъ въ Россіи, между тѣмъ какъ намъ, женамъ, невозможно было запретить писать и тѣмъ самымъ поддерживать родственныя отношенія.

Губернаторъ, видя, что я непреклонна въ своемъ рѣшеніи, сказалъ мнѣ: «Подумайте только объ условіяхъ, которыя вы должны будете подписать». — «Я подпишу

нихъ, не читая».—«Я долженъ приказать обыскать всѣ ваши вещи, вамъ запрещается имѣть какую-бы то ни было цѣнность».

Затѣмъ онъ ушелъ и прислалъ ко мнѣ цѣлую кучу чиновниковъ. Имъ пришлось переписать очень мало: немного бѣлья, три платья, фамильные портреты и дорожную аптечку; потомъ они открыли ящики съ посылками. Я сказала, что все это посылается моему мужу; затѣмъ они предъявили мнѣ для подписи знаменитую бумагу и сказали, чтобы копію съ нея я сохранила, дабы лучше ее запомнить. Когда они вышли, мой слуга, прочитавшій бумагу, сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ: «Княгиня, что вы сдѣлали? Прочтите, что отъ васъ требуютъ!»—«Мнѣ все равно, уложимся скорѣе и поѣдемъ!»

Вотъ содержаніе бумаги, которую я подписала:

§ 1.

«Жена, слѣдуя за своимъ мужемъ и продолжая съ нимъ супружескую связь, сдѣлается естественно причастной его судьбѣ и потеряетъ прежнее званіе, т. е. будетъ уже признаваема не иначе, какъ женою ссыльно-каторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже и начальство не въ состояніи будетъ защищать ее отъ ежечасныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго, презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ ними участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія.

§ 2.

Дѣти, которыя приживутся въ Сибири, поступятъ въ казенные заводскіе крестьяне.

§ 3.

Ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собой взять не дозволено; это запрещается существующими правилами и нужно для собственной ихъ безопасности по причинѣ, что сіи мѣста населены людьми, готовыми на всякаго рода преступленія.

§ 4.

Отъѣздомъ въ Нерчинскій край уничтожается право на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ».

Приведя въ порядокъ вещи, которыя были разрыты чиновниками и приказавъ снова все уложить, я вспомнила, что мнѣ нужна подорожная. Послѣ данной мною подписки губернаторъ не удостоивалъ меня посѣщеніемъ, а заставлялъ ждать его въ прихожей. Я отправилась къ нему, и мнѣ выдали подорожную (паспортъ) на имя казака, который долженъ былъ меня сопровождать, а мое имя замѣнили «съ будущимъ».

Возвратившись домой, я нашла у себя Александрину Муравьеву (урожденную Чернышеву): она только что пріѣхала. Между моимъ и ея отъѣздомъ была разница въ нѣсколько часовъ, а я опередила ее на восемь дней. Мы напились вмѣстѣ чаю, то смѣясь, то плача,—и не безъ повода: мы были окружены опять этими смѣшными чиновниками, которые вернулись, чтобы произвести обыскъ въ ея вещахъ. Я отправилась затѣмъ, какъ настоящій курьеръ. Я гордилась, что доѣхала до Иркутска въ 20 дней.

Я переѣхала Байкалъ ночью при ужаснѣйшемъ морозѣ: слезы замерзали въ глазахъ, дыханіе, казалось, превращалось въ ледъ. Въ Верхнеудинскѣ, маленькомъ уѣздномъ городишкѣ, я не нашла снѣга,—почва тамъ такая песчаная, что впитываетъ въ себя весь снѣгъ; то же самое и въ Кяхтѣ—нашемъ пограничномъ съ Китаемъ городѣ; холодъ тамъ ужасный, а саннаго пути нѣтъ. Я остановилась у полковника Александра Муравьева,—сосланнаго,

но не разжалованнаго [13]. Его жена и невѣстка приняли меня съ распростертыми объятіями; такъ какъ было уже поздно, то они заставили меня переночевать у нихъ, а на другой день, взявъ двѣ почтовыя повозки, я велѣла уложить въ нихъ вещи и, оставивъ кибитки, отправилась въ дальнѣйшій путь.

Мысль ѣхать на перекладныхъ меня очень занимала, но моя радость исчезла, когда отъ сильной тряски я почувствовала боль въ груди. Я приказывала остановиться, чтобы вздохнуть свободно. Это удовольствіе я испытывала на протяженіи 600 верстъ; кромѣ того, мнѣ пришлось поголодать: меня не предупредили, что на станціяхъ я ничего не найду, такъ какъ онѣ содержались бурятами, которые питаются только сырымъ, сушенымъ или соленымъ мясомъ и кирпичнымъ чаемъ съ топленымъ жиромъ. Наконецъ, я пріѣхала въ Бянкино, къ богатому купцу, который отнесся ко мнѣ съ необыкновеннымъ вниманіемъ: онъ мнѣ устроилъ цѣлое пиршество и оказывалъ мнѣ необычайное уваженіе. Меня сильно клонило ко сну, я ему еле отвѣчала и, наконецъ, уснула на диванѣ. На другой день я пріѣхала на Большой Нерчинскій заводъ, мѣстопребываніе начальника рудниковъ. Здѣсь я догнала Каташу, которая уѣхала на восемь дней раньше меня. Мы были чрезвычайно рады, встрѣтивъ другъ друга. Я была счастлива имѣть подругу, съ которой я могла дѣлиться мыслями; мы поддерживали другъ друга. До сихъ поръ все мое общество заключалось въ этой противной горничной. Я узнала, что мой мужъ находится въ 12-ти верстахъ отсюда, въ Благодатскомъ рудникѣ. Каташа, подписавъ еще одну бумагу, отправилась впередъ, чтобы извѣстить Сергѣя о моемъ пріѣздѣ. По окончаніи всѣхъ скучныхъ формальностей, Бурнашевъ, начальникъ рудниковъ, далъ мнѣ подписать еще одну бумагу, въ которой я выражала согласіе видѣться съ мужемъ только два раза въ недѣлю въ присутствіи офицера и унтеръ-офицера, никогда не приносить ему ни вина, ни пива, никогда не оставлять деревни безъ разрѣшенія чиновника—начальника тюрь-

мы,—и еще какія-то условія:—и это послѣ того, какъ я оставила своихъ родителей, ребенка, родину, послѣ того какъ я проѣхала 6.000 верстъ и дала подписку, отказываясь отъ всего—даже отъ защиты законовъ,—тутъ мнѣ заявляютъ, что мнѣ отказано даже въ защитѣ меня моимъ мужемъ. Государственные преступники, какъ простые каторжники, должны выносить всю суровость законовъ, но имъ не разрѣшается семейная жизнь, даруемая величайшимъ преступникамъ и злодѣямъ. Я видѣла, какъ эти послѣдніе возвращались къ себѣ по окончаніи работъ, выходили изъ тюрьмы, занимались своими дѣлами; только послѣ повторенія преступленія на нихъ надѣвали кандалы и заключали въ тюрьму, между тѣмъ, какъ наши мужья были заперты въ тюрьмы и въ кандалахъ съ перваго дня ихъ пріѣзда сюда. Бурнашевъ, испуганный моимъ оцѣпенѣніемъ, предложилъ мнѣ ѣхать въ Благодатскъ на другой день рано утромъ, что я и сдѣлала; онъ провожалъ меня въ своихъ саняхъ.

БЛАГОДАТСКІЙ РУДНИКЪ.

Эта деревня состояла лишь изъ одной улицы, и была окружена горами, болѣе или менѣе изрытыми раскопками. Эти раскопки производились для добыванія свинца, содержащаго въ себѣ серебряную руду. Мѣстоположеніе было бы прекрасное, если бы на 50 верстъ кругомъ не вырубили лѣсовъ изъ опасенія, чтобы бѣглые каторжники не находили тамъ убѣжища: даже кустарники были вырублены и поэтому зимой видъ былъ печальный [14].

Тюрьма была расположена у подошвы высокой горы, это была брошенная казарма—тѣсная, грязная, отвратительная. Три солдата и одинъ унтеръ-офицеръ составляли внутреннюю стражу и никогда не смѣнялись. Впослѣдствіи поставили двѣнадцать казаковъ съ унтеръ-офицеромъ во главѣ для наружнаго караула.

Тюрьма состояла изъ двухъ отдѣленій, между которыми находились холодныя сѣни. Въ одномъ отдѣленіи

помѣщались бѣглые каторжники, которые, будучи пойманы, содержались въ кандалахъ. Другое отдѣленіе предназначалось нашимъ государственнымъ преступникамъ, причемъ при входѣ помѣщались солдаты и унтеръ-офицеръ, которые курили отвратительный табакъ и совсѣмъ не заботились о чистотѣ помѣщенія. Вдоль стѣнъ тянулось нѣчто вродѣ конуръ или клѣтокъ, предназначенныхъ для заключенныхъ; чтобы попасть въ нихъ, надо было подняться на двѣ ступеньки. Клѣтка Сергѣя имѣла только три аршина длины и два — ширины, она была такъ низка, что въ ней совсѣмъ нельзя было стоять; здѣсь же, вмѣстѣ съ нимъ, помѣщались Трубецкой и Оболенскій. Послѣдній, не имѣя мѣста для своей кровати, велѣлъ прибить себѣ доски надъ кроватью Трубецкого. Такимъ образомъ получилось нѣчто вродѣ маленькихъ тюремъ въ самой тюрьмѣ. Бурнашевъ предложилъ мнѣ войти. Въ первую минуту я ничего не видѣла,—такъ тамъ было темно; открыли маленькую дверцу налѣво, и я поднялась въ отдѣленіе мужа. Сергѣй бросился ко мнѣ: лязгъ его цѣпей поразилъ меня. Я не знала, что онъ былъ закованъ въ кандалы. Подобное суровое наказаніе дало мнѣ понять о всей силѣ его страданій. Видъ его кандаловъ такъ взволновалъ и растрогалъ меня, что я бросилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала сначала его кандалы, а потомъ и его самого. Бурнашевъ, который за недостаткомъ мѣста не могъ войти, а стоялъ на порогѣ, остолбенѣлъ отъ изумленія при видѣ моего восторга и уваженія къ мужу, которому онъ говорилъ «ты» и съ которымъ обращался, какъ съ каторжникомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если даже разсматривать убѣжденія нашихъ узниковъ, какъ безуміе и бредъ, то и тогда, разсуждая справедливо, надо сознаться, что тотъ, кто жертвуетъ жизнью за свои убѣжденія, заслуживаетъ уваженіе соотечественниковъ. Кто кладетъ голову свою на плаху за свои убѣжденія, тотъ истинно любитъ отечество, хотя можетъ быть и преждевременно затѣялъ дѣло свое.

Я старалась казаться веселой; зная, что дядя мой Давыдовъ находится за перегородкой, я стала говорить громко, чтобы онъ могъ меня слышать и сообщила ему свѣдѣнія о его женѣ и дѣтяхъ. Когда свиданіе окончилось, я отправилась устраиваться въ ту же крестьянскую избу, гдѣ до меня жила Каташа. Она была такъ тѣсна, что, когда я ложилась на полу на своемъ матрацѣ, то головой касалась стѣны, а ногами упиралась въ дверь. Печь дымила, такъ что ее нельзя было топить, если погода была вѣтреная; въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, была вставлена слюда.

По правиламъ тюрьмы каторжныя работы производились ежедневно, кромѣ воскресеній — отъ 5 часовъ утра до 11-ти: каждый долженъ былъ выработать въ день три пуда руды.

Тутъ будетъ какъ разъ умѣстно упомянуть, какъ Правительство ошибается относительно нашего добраго русскаго народа. Еще въ Иркутскѣ меня предупредили, что я рискую подвергнуться оскорбленіемъ, даже быть убитой въ рудникахъ, и что мѣстные власти не будутъ въ состояніи защитить меня, такъ какъ эти несчастные совсѣмъ не боятся наказаній. И вотъ теперь я находилась среди этихъ людей, которые принадлежали къ подонкамъ человѣчества, и тѣмъ не менѣе они относились къ намъ съ большимъ уваженіемъ, больше того,—они прямо таки боготворили меня и Каташу, а нашихъ заключенныхъ они называли не иначе, какъ «наши князья», «наши господа»; когда же имъ приходилось работать вмѣстѣ, то они предлагали сдѣлать вмѣсто нихъ урочную работу; приносили имъ горячую картошку, испеченную въ золѣ. Эти несчастные, отбывъ срокъ присужденныхъ имъ каторжныхъ работъ и искупивъ тяжкими наказаніями свои преступленія, большею частью потомъ дѣлались порядочными людьми, начинали работать на себя, становились добрыми отцами семействъ и даже торговцами. Немного нашлось бы подобныхъ честныхъ людей среди тѣхъ, которые выходятъ изъ каторжныхъ тюремъ Франціи и Англіи.

На другой день по пріѣздѣ въ Благодатскъ я встала на

разсвѣтѣ и отправилась по деревнѣ, разспрашивая о мѣстѣ, гдѣ работаетъ мой мужъ. Я увидѣла входъ, ведущій какъ бы подъ землю, въ подвалъ и возлѣ вооруженнаго часового. Мнѣ сказали, что здѣсь они спускаются въ рудникъ. Я спросила, можно ли ихъ увидѣть за работой. Этотъ добрый парень поспѣшилъ дать мнѣ восковую свѣчу, нѣчто въ родѣ факела, и въ сопровожденіи еще одного сторожа — старшаго, — я рѣшила спуститься въ этотъ мрачный лабиринтъ. Тамъ было довольно тихо, но спертый воздухъ затруднялъ дыханіе. Я шла быстро и услышала позади себя голосъ, который кричалъ мнѣ, чтобы я остановилась. Я поняла, что это былъ офицеръ, который хотѣлъ удержать меня отъ разговора съ узниками.. Я погасила факелъ и бросилась бѣжать, такъ какъ я видѣла вдали свѣтящіяся точки. Это были наши узники, работающіе на небольшомъ возвышеніи; они спустили мнѣ лѣстницу, я влѣзла по ней, затѣмъ ее втащили обратно. — и такимъ образомъ я увидѣла товарищей мужа, передала имъ извѣстія изъ Россіи и привезенныя письма. Здѣсь не было ни мужа, ни Оболенскаго, ни Якубовича, ни Трубецкого. Я увидѣла Давыдова, обоихъ Борисовыхъ и Артамона Муравьева. Они были въ числѣ первыхъ 8-ми человѣкъ, высланныхъ изъ Россіи и единственные, отправленные въ Нерчинскіе заводы. Тѣмъ временемъ офицеръ внизу, продолжая звать меня, терялъ терпѣніе; наконецъ, я спустилась,—и съ тѣхъ поръ послѣдовало строгое запрещеніе впускать насъ, дамъ, въ шахты. Артамонъ Муравьевъ назвалъ эту сцену моимъ «сошествіемъ въ адъ».

Пріѣздъ нашъ—мой и Каташи—принесъ заключеннымъ огромную пользу. Такъ какъ имъ запрещено было писать, то они были лишены извѣстій о своихъ семьяхъ, равно какъ и всякой денежной помощи. Теперь мы стали писать за нихъ и они начали получать письма и посылки. Между тѣмъ мы чувствовали недостатокъ въ деньгахъ: я привезла съ собой всего 700 рублей ассигнаціями, остальныя мои деньги находились на рукахъ у губернатора. А у Каташи больше ничего уже не было. Столъ нашъ былъ

весьма скудный: супъ и каша—вотъ и вся наша пища; ужина совсѣмъ не было. Каташа, привыкшая въ отцовскомъ домѣ къ изысканному столу, ѣла кусокъ черного хлѣба и запивала его квасомъ. Одинъ изъ тюремныхъ сторожей засталъ ее однажды за такимъ ужиномъ и разсказалъ объ этомъ ея мужу. Обыкновенно мы сами готовили обѣдъ и посылали его нашимъ заключеннымъ. Кромѣ того, надо было чинить ихъ бѣлье. Я какъ сейчасъ вижу Каташу съ поваренной книгой въ рукахъ, приготовляющую имъ кушанья и соусы. Но лишь только наши заключенные узнали, что мы очень стѣснены въ денежномъ отношеніи, они тотчасъ же отказались отъ нашихъ обѣдовъ; тюремные солдаты, все добрые люди, взяли на себя эту обязанность. Это было очень кстати, такъ какъ наши служанки стали очень упрямы, онѣ не хотѣли намъ ни въ чемъ помогать, стали дурно себя вести и сходились съ тюремными унтеръ-офицерами и казаками. Начальство взглянуло на это неодобрительно и потребовало ихъ удаленія. Не могу передать, съ какимъ грустнымъ чувствомъ смотрѣли мы на ихъ отъѣздъ въ Россію; всѣ заключенные стояли у оконъ, провожая глазами ихъ повозку. Каждый думалъ про себя: «этотъ путь навсегда для меня закрытъ». Мы остались безъ служанокъ; я сама мела полъ, убирала комнату, причесывала Каташу, и, увѣряю васъ, все шло гораздо лучше въ нашемъ хозяйствѣ.

Когда началась оттепель, я стала замѣчать, какъ несчастные неженатые каторжники, жившіе въ общей казармѣ, садились у порога тюрьмы и по-долгу смотрѣли въ даль. Я спросила о причинѣ этого, и мнѣ объяснили, что съ приближеніемъ весны несчастными каторжниками овладѣваетъ непреодолимое желаніе бѣжать и они съ радостью наблюдаютъ всегда таяніе снѣга: зимой, не имѣя ни шубы, ни теплой обуви, они не рискуютъ бѣжать, но весной большая часть ихъ убѣгала, причемъ нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось достигнуть Россіи. Никогда не случалось, чтобы ихъ выдавали, и они доживали тамъ свои дни.

Первое время наши прогулки съ Каташей ограничи-

вались деревенскимъ кладбищемъ, и, гуляя здѣсь, мы спрашивали другъ друга: «неужели здѣсь насъ похоронятъ?»—и эта мысль приводила насъ въ такое отчаяніе, что мы перестали сюда ходить. Лѣтомъ мы дѣлали отъ 10 до 15 верстъ пѣшкомъ. Нашимъ любимымъ времяпровожденіемъ было сидѣнье на камнѣ противъ оконъ тюрьмы; отсюда я разговаривала съ мужемъ — довольно громко, такъ какъ разстояніе было весьма значительное. Очень меня стѣсняло то, что я видѣла, какъ изъ тюрьмы выходили арестанты за водой или за дровами; они были безъ рубахъ или, если и надѣвали на себя, то лишь самое необходимое. Я купила холста и заказала имъ бѣлье. Наши деньги находились у начальника заводовъ,—и мы должны были—Каташа и я по очереди—отправляться на Большой Заводъ для представленія отчета нашихъ расходовъ. Я ѣздила въ телѣгѣ со своимъ слугою, но всегда прилично одѣтая и въ соломенной шляпѣ съ вуалью. Мы съ Каташей всегда заботились о своемъ костюмѣ, такъ какъ никогда не слѣдуетъ ни приходить въ уныніе, ни распускаться, въ особенности здѣсь, гдѣ, благодаря нашей одеждѣ, насъ узнавали еще издали и подходили къ намъ съ почтеніемъ. Я возвращалась съ провизіей, иногда сидя на мѣшкѣ съ мукой,—и за это крестьяне меня уважали ничуть не меньше и всегда мнѣ кланялись. Какъ-то для разнообразія я вздумала отправиться туда верхомъ, взяла казачью лошадь, велѣла привязать къ сѣдлу рожокъ и, въ сопровожденіи своего слуги, веселая, отправилась представить Бурнашеву свои счета. Онъ всегда внимательно просматривалъ ихъ, а на этотъ разъ разсердился и сказалъ мнѣ: «Вы не имѣете права раздавать рубашки; вы можете облегчать бѣдность, раздавая по 5-ти или 10-ти копеекъ нищимъ, но не одѣвать людей, о которыхъ заботится государство». – «Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, прикажите сами ихъ одѣть, такъ какъ я не привыкла видѣть полуголыхъ людей, разгуливающими по улицѣ».—«Ну, не сердитесь, сударыня, впрочемъ, вы откровенны, какъ дитя, мнѣ это

больше нравится, а ваша подруга всегда хитритъ со мной». Своимъ простымъ здравымъ смысломъ онъ понялъ это: у Каташи былъ умъ не безъ лукавства. Я положила конецъ разговору, сказавъ, что должна ѣхать, такъ какъ не хочу запаздывать верхомъ въ горахъ.— «Какъ, вы верхомъ?» И онъ пошелъ за мною. Онъ никогда не видѣлъ дамскаго сѣдла и выразилъ мнѣ свое удивленіе, потому что мѣстныя женщины ѣздили всегда верхомъ по-мужски.

Съ тѣхъ поръ я стала дѣлать большія прогулки, иногда доставляя себѣ удовольствіе вступить на почву Китая, граница котораго лежала отъ насъ по прямому пути на разстояніи только 12 верстъ. Каждый годъ жители Благодатска въ извѣстные дни отправлялись на границу, гдѣ обмѣнивали свои скромные пищевые продукты на кирпичный чай и на просо. Эта контрабанда существовала долго и служила поддержкой для бѣдныхъ людей, у которыхъ нечѣмъ было платить пошлины.

Какъ я вамъ уже сказала, я только два раза въ недѣлю ходила на свиданія съ мужемъ. Въ одинъ изъ промежутковъ между этими свиданіями произошло одно событіе, которое очень насъ напугало и опечалило. Горный офицеръ Рикъ, которому былъ ввѣренъ надзоръ за тюрьмой, вздумалъ увеличить несчастнымъ трудности заключенія: онъ потребовалъ, чтобы тотчасъ, возвратившись съ работъ, вмѣсто того, чтобы умывшись и переодѣвшись, обѣдать вмѣстѣ, каждый шелъ въ свою клѣтку и ѣлъ тамъ то, что ему подадутъ. Кромѣ того, изъ экономіи, онъ перестaлъ выдавать имъ свѣчи. Оставаться же безъ свѣта съ 3-хъ часовъ пополудни до 7 часовъ утра, зимой, въ помѣщеніи, похожемъ на клѣтку, гдѣ можно задохнуться,—это было настоящимъ мученіемъ; кромѣ того, всякіе разговоры одного отдѣленія съ другимъ были запрещены. Тогда наши заключенные сговорились и, зная, какъ тюремщики боятся, чтобы ввѣренные имъ узники не покушались на свою жизнь, чтобы напугать Рика, отказались принимать какую-либо пищу. Вотъ прошелъ цѣлый

день—они ничего не ѣли; обѣдъ и ужинъ отослали не тронутыми; на другой день—та же самая исторія. Рикъ потерялъ голову; тотчасъ же послалъ докладъ, будто бы государственные преступники взбунтовались и хотятъ уморить себя голодомъ. Это случилось еще зимой, спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда. Я ничего не подозрѣвала, точно также и Каташа. Велико было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что пріѣхалъ Бурнашевъ со своей свитой. Они остановились въ избѣ рядомъ съ нашей. Мѣстные жители собрались вокругъ. Я спросила у одной изъ женщинъ, что все это значитъ, она мнѣ отвѣтила: «Секретныхъ судить будутъ». И я увидѣла мужа и Трубецкого, медленно подвигавшихся подъ конвоемъ солдатъ. Каташа, которая легко теряла голову, сказала мнѣ, что у Сергѣя руки связаны за спиной. Но это было невѣрно: я знала его привычку ходить такъ. Я вижу—она подбѣгаетъ къ стоявшему тамъ солдату горнаго вѣдомства, и затѣмъ возвращается съ довольнымъ лицомъ: «Мы можемъ быть спокойны, ничего не случится, я спросила сейчасъ у солдата, приготовили ли розги, онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ».—«Каташа, что вы надѣлали? даже и допускать не должно подобной мысли». Между тѣмъ, мой мужъ приближался; я стала на колѣни на снѣгу и умоляла его не выходить изъ себя, онъ мнѣ это обѣщалъ. Бурнашевъ (какъ я потомъ узнала) принялъ строгій и суровый видъ, угрожая имъ въ случаѣ возмущенія наказаніемъ кнутомъ и, послѣ длинной рѣчи, разрѣшилъ имъ объясниться. Сергѣй сказалъ ему, что никто и не думалъ поднимать возмущеніе, что господинъ Рикъ запиралъ ихъ тотчасъ же по возвращеніи съ работъ въ ихъ отдѣленіяхъ безъ свѣта, не позволяя имъ обѣдать вмѣстѣ, а отдѣленія эти были настолько низки и темны, что въ нихъ нельзя было стоять. Я увидѣла мужа, когда онъ со спокойнымъ видомъ шелъ обратно, онъ сказалъ мнѣ: «все вздоръ». Онъ успокоилъ меня, говоря, что все кончится хорошо. Затѣмъ привезли остальныхъ; имъ было легко отвѣчать, такъ какъ Сергѣй предупредилъ ихъ о во-

просахъ, которые имъ будутъ задаваться. Когда всѣ ушли, мы съ Каташей вошли къ Бурнашеву, и я прямо у него спросила, что за причина всего того, что произошло. Онъ сказалъ мнѣ: «Ничего, ничего, просто мой офицеръ сдѣлалъ изъ мухи слона». Тѣмъ не менѣе по всему было видно, что онъ раздѣлялъ опасенія Рика, такъ какъ тотчасъ же приказалъ отперетъ отдѣленія, разрѣшилъ заключеннымъ проводить время въ тюрьмѣ такъ, какъ они хотятъ и позволилъ выдавать имъ по вечерамъ свѣчи. Спустя нѣкоторое время Рикъ былъ смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ господинъ Резановъ — человѣкъ уже пожилой, честный и достойный. Онъ приходилъ въ тюрьму играть въ шахматы и съ наступленіемъ теплой погоды водилъ нашихъ на прогулку; эти прогулки продолжались по нѣскольку часовъ, при этомъ братья Борисовы, страстные естествоиспытатели, собирали травы и составили коллекцію насѣкомыхъ и бабочекъ.

Кромѣ нашей тюрьмы, тамъ была еще одна тюрьма, въ которой содержались тѣ несчастные, которые нѣсколько разъ совершали побѣги и грабежи. Ихъ кандалы были гораздо тяжелѣе, а работа—труднѣе. Среди нихъ находился и знаменитый разбойникъ Орловъ—герой въ своемъ родѣ. Онъ никогда не трогалъ бѣдняковъ, а нападалъ только на купцовъ и въ особенности на чиновниковъ, онъ однажды даже доставилъ себѣ удовольствіе и нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣкъ. У этого Орлова былъ великолѣпный голосъ, онъ составилъ хоръ изъ своихъ товарищей по заключенію и часто, при заходѣ солнца, я слушала, какъ они пѣли съ необыкновенной стройностью и выраженіемъ; особенно часто они любили повторять одну пѣсню, полную глубокой тоски: «Воля, воля дорогая». Это было ихъ единственнымъ развлеченіемъ; набитые въ тѣсной, темной тюрьмѣ, они выходили изъ нея только для работы.

Насколько мнѣ позволяли средства, я помогала имъ, поощряла ихъ пѣніе, садясь возлѣ ихъ печальнаго жилища. Однажды я узнаю, что Орловъ бѣжалъ. Всѣ поиски

его остались тщетны. Какъ-то прогуливаясь возлѣ тюрьмы, я увидѣла каторжника, слѣдовавшаго за мной; когда-то это былъ бравый гусаръ; онъ говоритъ мнѣ вполголоса: «Княгиня, меня къ вамъ послалъ Орловъ, онъ скрывается въ этихъ горахъ, въ скалахъ надъ вашимъ домомъ, онъ уже давно тамъ и проситъ васъ послать ему денегъ на шубу; ночи становятся уже холодныя». Меня очень испугало это открытіе, а съ другой стороны —оставить бѣднягу безъ помощи? Я вернулась домой, взяла 10 рублей, предварительно сказавъ бывшему гусару, чтобы онъ за мной не слѣдовалъ, но замѣтилъ бы то мѣсто, гдѣ я во время прогулки наклонюсь, чтобы положить деньги подъ камень. Онъ исполнилъ все, какъ я ему сказала, и сразу нашелъ деньги. Спустя двѣ недѣли, когда я была одна въ комнатѣ, а Каташа еще не возвращалась со свиданья, я сидѣла за клавикордами и пѣла; было довольно темно;. вдругъ кто-то очень высокаго роста вошелъ и сталъ на колѣни у порога. Я подошла это былъ Орловъ въ шубѣ съ двумя ножами за поясомъ. Онъ сказалъ мнѣ: «Я опять пришелъ къ вамъ, дайте мнѣ сколько-нибудь. мнѣ совсѣмъ нечѣмъ жить, Богъ вернетъ вамъ, ваше сіятельство!» Я дала ему пять рублей и попросила поскорѣе уйти. Возвратившись изъ тюрьмы, Каташа очень испугалась, узнавъ объ этомъ визитѣ, да и было отчего, какъ вы сейчасъ увидите. Я легла поздно, все время думая объ этомъ разбойникѣ, котораго могли схватить, и тогда Бурнашевъ, конечно, не упуститъ случая повторить свою фразу: «Вы хотите поднять каторжниковъ». Среди ночи вдругъ слышу выстрѣлы, бужу Каташу и мы посылаемъ въ тюрьму узнать, въ чемъ дѣло. Тамъ все спокойно. Вся деревня па ногахъ и мнѣ говорятъ, что бѣглыхъ схватили на горѣ и всѣхъ арестовали за исключеніемъ Орлова, который бѣжалъ черезъ трубу, или вѣрнѣе черезъ отверстіе, устроенное для выпусканія дыма. Этотъ несчастный, вмѣсто того, чтобы купить хлѣба, устроилъ попойку со своими товарищами, празднуя ихъ освобожденіе изъ тюрьмы. На другой день—наказаніе плетьми, чтобы

узнать, отъ кого получены деньги на водку; никто не выдалъ меня; гусаръ, какъ онъ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи, предпочелъ обвинить себя въ кражѣ, чѣмъ предать меня. Сколько благодарности и преданности въ этихъ людяхъ, которыхъ мнѣ представили какъ какихъ-то чудовищъ!

Насталъ Великій постъ. Наши заключенные не могли добиться священника и, такъ какъ въ деревнѣ не было церкви, то мы рѣшили отправиться на Большой Заводъ и тамъ говѣть. Это заняло у насъ четыре дня. Праздники мы провели грустно, единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было сидѣть на камнѣ у тюрьмы. Я играла также съ деревенскими дѣтьми, разсказывала имъ Священную исторію, они слушали меня съ благоговѣніемъ.

Однажды утромъ открывается дверь и въ комнату входитъ совершенно пьяный чиновникъ, поздравляетъ насъ съ праздникомъ («Христосъ Воскресе!») и подходитъ къ намъ христосоваться — по народному обычаю. Отвѣтивъ ему, что въ Россіи это не принято, я загородилась стуломъ, который протащила до двери, и открыла ее. Вошелъ мой слуга, а Каташа тѣмъ временемъ разговаривала съ этимъ господиномъ, который оказался почтмейстеромъ. Ефимъ сказалъ ему, что у начальника тюрьмы его ожидаетъ завтракъ, онъ тотчасъ же ушелъ, не видя ничего у насъ на столѣ. На другой день Каташа отправилась на Большой Заводъ къ обѣднѣ и зашла къ купцу, у котораго намъ было велѣно всегда останавливаться, такъ какъ онъ былъ шпіонъ Бурнашева. У хозяйки было много приглашенныхъ къ обѣду гостей, она пригласила къ столу Каташу и отказаться—значило бы нанести хозяевамъ жестокую обиду, такъ какъ гостепріимство было главной добродѣтелью сибиряковъ. Каташа покорилась необходимости и, ради приличія, заговорила со своимъ сосѣдомъ, который оказался никѣмъ инымъ, какъ нашимъ почтмейстеромъ. Она сказала ему:—«Мы съ вами старые знакомые, не правда-ли?» — «Нисколько, потому что я потому только и зашелъ къ вамъ, что былъ въ пья-

номъ видѣ». Сильно сконфуженная Каташа разговаривала послѣ этого только съ хозяйкой дома и тотчасъ послѣ обѣда уѣхала.

Было запрещено (на Большомъ Заводѣ) не только съ нами видѣться, но и кланяться намъ; всѣ, кого мы встрѣчали, или сворачивали въ переулокъ, или отворачивались отъ насъ. Наши письма передавались Бурнашеву открытыми, пересылались въ канцелярію Коменданта, затѣмъ отправлялись въ канцелярію Иркутскаго Гражданскаго Губернатора, а отсюда уже въ Петербургъ — въ III Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества, такъ что письма наши, прежде чѣмъ доходили до нашихъ родственниковъ, были въ пути безконечно долго[15].

Ко всѣмъ страданіямъ, которыя испытывали наши заключенные, присоединилось еще новое: на нихъ напали клопы, и въ такомъ количествѣ, что Трубецкой натирался скипидаромъ и все же это не помогало. Резановъ позволилъ имъ ночевать на чердакѣ,—и это хотя на нѣсколько часовъ освобождало ихъ отъ мученій.

Когда я возвращалась изъ тюрьмы, я вытрясала свое платье,—такая масса клоповъ была на мнѣ. Для нашихъ заключенныхъ это было равносильно наказанію, которое налагается въ Персіи на преступниковъ, обреченныхъ на съѣденіе насѣкомымъ.

Мы получили, наконецъ, извѣстія отъ Александрины Муравьевой, которая уже устроилась въ Читинскомъ Острогѣ, иначе говоря,—въ Читѣ—большой деревнѣ, гдѣ уже находились ея мужъ и нѣсколько другихъ заключенныхъ, привезенныхъ, какъ водится, въ почтовой телѣгѣ подъ конвоемъ жандармовъ и фельдъ-егеря.

Александрина сообщала намъ о прибытіи Коменданта Лепарскаго и его свиты, и о томъ, что насъ всѣхъ переведутъ въ Читу. Мысль, что мы теперь будемъ всѣ вмѣстѣ и что кончилось наше пребываніе подъ начальствомъ офицеровъ горнаго вѣдомства, доставляла намъ большую радость. Мы уже начали укладываться, когда Бурнашевъ велѣлъ доложить о себѣ; онъ вошелъ со своей свитой,

которая все время стояла, и спросилъ меня, начала ли я готовиться въ дорогу; я съ довольнымъ видомъ отвѣчала ему, что мы уже готовы.—«Ну, вы особенно не спѣшите, вамъ не придется уѣхать такъ скоро, дороги небезопасны: каторжники, прибывшіе изъ Россіи, взбунтовались и грабятъ». Отчасти это было вѣрно; но бунтъ произошелъ потому, что эти несчастные были лишены самаго необходимаго. Бурнашевъ боялся совсѣмъ не за насъ, а за себя, вообразивъ, что наши заключенные могутъ пристать къ бунтовщикамъ. По прошествіи двухъ недѣль мы, наконецъ, получили разрѣшеніе ѣхать.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ЧИТУ И ПРЕБЫВАНІЕ ТАМЪ.

Мы купили двѣ телѣги, одну -для себя, другую—для вещей,—и поѣхали. Теперь я съ удовольствіемъ возвращалась по этой дорогѣ, окаймленной прекраснымъ лѣсомъ и чудными цвѣтами. Я опять остановилась у того богатаго купца, который тогда такъ хорошо меня принялъ. Наконецъ, мы прибыли въ Читу—разбитыя отъ усталости, и остановились у Александрины Муравьевой. Нарышкина и Ентальцева недавно только прибыли изъ Россіи. Мнѣ тотчасъ же показали тюрьмы или остроги, уже полные ссыльными. Тюремъ было три,—это было нѣчто вродѣ казармъ, окруженныхъ высокимъ, какъ мачты, частоколомъ. Одна изъ тюремъ была довольно помѣстительна, другіе—очень невелики.

Александрина жила противъ одной изъ этихъ послѣднихъ въ избѣ одного казака, который изъ слухового окна на чердакѣ устроилъ большое окно; Александрина подвела меня къ этому окну и показала мнѣ заключенныхъ; она называла ихъ по именамъ по мѣрѣ того, какъ они появлялись въ своемъ огородѣ. Каждый держалъ что-нибудь въ рукѣ—кто трубку, кто лопату, кто книгу. Я не знала ни одного изъ нихъ; видъ ихъ былъ спокойный и даже веселый, одѣты они были очень чисто. Среди нихъ

были и совсѣмъ юноши, имѣвшіе на видъ не болѣе 18, 19 лѣтъ, какъ, напримѣръ, Фроловъ, братья Бѣляевы.

Наши заключенные ходили на работу, но такъ какъ здѣсь рудниковъ не было,—такъ плохо знало правительство топографію страны, предполагая, что рудники имѣются здѣсь повсюду, — то комендантъ придумалъ для нихъ другія работы: онъ заставилъ ихъ чистить хлѣвы и казенныя конюшни, давно заброшенныя, подобно миѳическимъ Авгіевымъ конюшнямъ. Это было еще зимой, задолго до нашего пріѣзда, а съ наступленіемъ лѣта имъ приказано было мести улицы. Мой мужъ пріѣхалъ спустя два дня послѣ насъ со своими товарищами и ихъ неизбѣжными спутниками. Послѣ того, какъ улицы были приведены въ порядокъ, комендантъ придумалъ дать имъ работу на ручныхъ мельницахъ; заключенные должны были смолоть каждый день опредѣленное количество муки,—наказаніе, налагаемое обыкновенно въ монастыряхъ, но здѣсь эта работа какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала монастырскому образу жизни, который вели наши заключенные. Такъ провели они 15 лѣтъ своей прекрасной юности въ суровомъ заточеніи, будучи приговорены только къ ссылкѣ и каторжнымъ работамъ, а никакъ не къ тюремному заключенію.

Мнѣ нужно было искать для себя помѣщеніе. Нарышкина уже устроилась съ Александриной. Я пригласила къ себѣ Ентальцеву и мы втроемъ съ Каташей заняли одну комнату въ домѣ діакона. Она была раздѣлена перегородкой. Ентальцева взяла себѣ меньшую половину. Этой славной женщинѣ исполнилось уже 44 года, она отличалась умомъ, читала все, что было написано на русскомъ языкѣ, разговоръ ея былъ пріятенъ. Она была предана душой и сердцемъ своему угрюмому мужу, бывшему артиллерійскому полковнику [16]. Каташа примирилась со всѣмъ: она была воспитана въ великолѣпномъ дворцѣ Лаваля въ Петербургѣ, гдѣ ходила по мраморнымъ плитамъ Нерона, пріобрѣтеннымъ ея матерью въ Римѣ, она все испытала, но продолжала любить общество и свѣт-

скіе разговоры, обладала изящнымъ и острымъ умомъ. мягкимъ и пріятнымъ характеромъ[17].

Начавъ говорить о своихъ подругахъ, должна сказать, что больше всѣхъ я любила Александрину Муравьеву; у нея было нѣжное сердце, благородство выражалось во всѣхъ ея поступкахъ; восторгаясь своимъ мужемъ, она его боготворила и хотѣла, чтобы и мы къ нему относились также[18]. Никита Муравьевъ имѣлъ холодный и серьезныхъ характеръ, это былъ скорѣе человѣкъ кабинетный и никоимъ образомъ не былъ способенъ на живое дѣло; мы искренно его уважали, но не раздѣляли ея восторженности.

Нарышкина была маленькая, очень полная женщина, не безъ жеманства, но въ сущности очень милая; надо было только привыкнуть къ ея гордому виду и тогда трудно было не полюбить ее[19]. Фонъ-Визина пріѣхала вскорѣ послѣ того, какъ мы устроились; у нея было совершенно русское лицо, бѣлое, свѣжее съ выпуклыми голубыми глазами, она была маленькая, полненькая. очень болѣзненная; ея безсонницы сопровождались видѣніями, по ночамъ она такъ кричала, что было слышно на улицѣ. Все это у нея прошло, когда она пріѣхала въ Сибирь, осталась лишь привычка, уставясь на васъ взглядомъ, предсказывать вамъ вашу будущность, но и эта причуда скоро у нея прошла; вернувшись въ Россію, она свдовѣла и, будучи 53 лѣтъ, снова вышла замужъ за Пущина, крестнаго отца моего сына[20]. Анненкова пріѣхала къ намъ, нося еще имя M-lle Поль. Это была молодая красивая француженка, лѣтъ 30-ти, въ ней такъ и искрились жизнь и веселье; она обладала удивительной способностью высмѣивать тѣхъ, съ кѣмъ ей приходилось встрѣчаться. Тотчасъ по ея пріѣздѣ комендантъ объявилъ ей, что уже получено повелѣніе Его Величества относительно ея свадьбы. Согласно требованію закона, съ Анненкова сняли кандалы, когда повели въ церковь. но потомъ опять надѣли. Дамы сопровождали M-lle Поль въ церковь. Она ни слова не понимала по-русски и все время

смѣялась съ шаферами—Свистуновымъ и Александромъ Муравьевымъ. Подъ этой кажущейся беззаботностью таилось глубокое чувство любви къ Анненкову, заставившее ее отказаться отъ своей родины и свободной, независимой жизни. Когда она подавала Государю просьбу о разрѣшеніи ей ѣхать въ Сибирь, Его Величество стоялъ на крыльцѣ; садясь въ коляску, онъ спросилъ ее: «Вы замужемъ?»—«Нѣтъ, Государь, но я хочу раздѣлить участь ссыльнаго». Это была преданная жена и нѣжная мать; она работала съ утра до вечера и сумѣла сохранить при этомъ свое изящество и свой языкъ [21]. На слѣдующій годъ къ намъ пріѣхала Давыдова [22]. Она привезла съ собой мою дѣвушку Машу, которая умолила моихъ родителей разрѣшить ей ѣхать ко мнѣ [23]. Позже къ намъ пріѣхали еще три дамы (всего десять), о которыхъ я скажу послѣ.

Письма изъ Россіи доставлялись намъ теперь болѣе аккуратно, точно также и посылки. Однажды я получила цѣлый возъ съ провизіей, — тамъ были: сахаръ, вино, прованское масло, рисъ и даже портеръ, — но подобное удовольствіе только одинъ разъ было мнѣ доставлено, потомъ я узнала, что̀ тому было причиной: оказалось, что мои родители уѣхали за-границу. Александрина, Каташа и Нарышкина каждый годъ получали все необходимое, такъ что для больныхъ всегда имѣлись вино и крупа. Скоро мы получили разрѣшеніе имѣть свиданія съ заключенными на дому, и какъ разъ въ это время прибыла моя провизія, которую мы и раздѣлили между товарищами. Особенно трудно было передавать вино, потому что оно строго было запрещено въ тюрьмѣ. Такъ какъ у меня было всего пятьдесятъ бутылокъ вина, то Сергѣй скоро перенесъ ихъ къ себѣ во время свиданій, кладя по двѣ бутылки въ карманъ.

Въ Читѣ наша жизнь сдѣлалась болѣе сносной; дамы видѣлись другъ съ другомъ во время прогулокъ въ окрестностяхъ деревни; мужчины снова встрѣтились со своими прежними друзьями. Въ тюрьмѣ все было общее —

вещи, книги, но было очень тѣсно, такъ какъ между кроватями было не болѣе аршина разстоянія; лязгъ цѣпей, шумъ отъ разговоровъ и пѣсенъ были невыносимы для тѣхъ, чье здоровье начинало слабѣть. Тюрьма была темная: окна въ ней, какъ въ конюшнѣ, находились подъ потолкомъ. Лѣтомъ заключенные проводили время на воздухѣ; па большомъ дворѣ каждый изъ нихъ имѣлъ клочекъ земли, которую обрабатывалъ, но зимой было невыносимо [24].

Всѣхъ заключенныхъ было 73 человѣка. Вотъ ихъ имена [25].

Такъ какъ свиданія были разрѣшены только два раза въ недѣлю, то мы ходили къ тюремной оградѣ, которая представляла изъ себя высокій частоколъ изъ толстыхъ, плохо сбитыхъ бревенъ: здѣсь мы видались и разговаривали съ нашими заключенными. Первое время мы очень боялись, чтобы не быть застигнутыми старымъ комендантомъ или его ужасными помощниками, бродившими кругомъ тюрьмы; мы давали денегъ часовому, и онъ предупреждалъ насъ объ ихъ приближеніи

Однажды какой-то солдатъ горнаго вѣдомства счелъ своимъ долгомъ накричать на Каташу и—мало того — ударилъ ее кулакомъ. Тогда я побѣжала къ начальнику деревни Смольянинову, который пригрозилъ солдату наказаніемъ и написала затѣмъ очень рѣзкое письмо коменданту,—онъ на меня обидѣлся и надулся, но съ тѣхъ поръ мы могли оставаться у ограды, сколько хотѣли. А Каташа устраивала здѣсь цѣлое собраніе: она приносила съ собой складной стулъ и садилась (она была очень полна); внутри тюремнаго двора собирался кружокъ изъ заключенныхъ и каждый ожидалъ для разговора своей очереди.

Наше спокойствіе было нарушено прибытіемъ фельдъегеря, который пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы увезти одного изъ заключенныхъ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ подвергнуться новому допросу. Намъ непремѣнно нужно было узнать, за кѣмъ именно онъ пріѣхалъ, такъ какъ

каждая изъ насъ боялась за своего мужа. Я отправилась гулять къ комендантскому дому и встрѣтила прибывшаго курьера, который меня узналъ, такъ какъ видѣлъ меня раньше у князя Петра Волконскаго; онъ мнѣ поклонился и, проходя мимо, сказалъ, что долженъ увезти одного изъ заключенныхъ, но имени его онъ не знаетъ. Тогда я попросила его прійти на другой день въ воскресенье къ обѣднѣ и сообщить мнѣ имя заключеннаго. На другой день я встала рано утромъ и отправилась въ церковь; здѣсь я ото всего сердца молилась Милосердному Богу, чтобы не увозили моего мужа. Я слышу звукъ шпоръ курьера; онъ становится у меня за спиной и, дѣлая земной поклонъ, говоритъ: «Корниловичъ». Я благодарю Бога и остаюсь въ церкви до конца обѣдни, несмотря на все нетерпѣніе успокоить скорѣе мужа, но помощники и шпіоны коменданта были тутъ же и не спускали съ насъ глазъ. Какъ только мнѣ удалось отъ нихъ избавиться, я бросилась бѣжать, чтобы извѣстить заключенныхъ трехъ тюремъ и нашихъ дамъ. Это происходило въ срединѣ зимы, было 40° мороза. О! какой это ужасный холодъ и сколько здоровья онъ у меня унесъ!

Все-таки мы не совсѣмъ повѣрили словамъ курьера, который еще сказалъ мнѣ, что онъ долженъ уѣхать въ ту же ночь. Мы рѣшили не спать всю ночь и распредѣлили между собой улицы деревни, я взяла на себя наблюденіе за улицей, гдѣ жилъ комендантъ, такъ какъ тюрьма моего мужа находилась недалеко отъ его дома. Морозъ былъ ужасный; время отъ времени я заходила къ Александринѣ проглотить чашку чая; она находилась какъ разъ въ центрѣ нашихъ наблюденій — противъ тюрьмы своего мужа; чтобы мы могли грѣться, у нея все время кипѣлъ самоваръ. Вотъ уже полночь, часъ, два—ничего новаго. Наконецъ, появляется Каташа и сообщаетъ намъ, что на почтовой станціи замѣтно движеніе и выводятъ изъ конюшни лошадей. Я бѣгу къ тюрьмѣ мужа, гдѣ находился и Корниловичъ, и вижу, какъ приближаются офицеры и казаки; они приказываютъ Корниловичу уло-

жить свои вещи, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Я возвращаюсь къ Александринѣ и мы всѣ становимся у забора. Была великолѣпная лунная ночь; мы стоимъ и молча ожидаемъ. Наконецъ, мы видимъ, какъ шагомъ приближается кибитка; колокольчики подвязаны и не звенятъ; офицеры коменданта идутъ позади кибитки; какъ только они приблизились къ намъ, мы сразу вышли и закричали: «Счастливаго пути, Корниловичъ, да сохранитъ васъ Господь!» Эффектъ получился неожиданный, какъ въ театрѣ; сопровождавшіе Корниловича не могли прійти въ себя отъ удивленія—какъ мы узнали объ этомъ отъѣздѣ, который они сами держали подъ величайшимъ секретомъ? Долго потомъ объ этомъ раздумывалъ старикъ комендантъ.

Корниловичъ назадъ не вернулся. Послѣ безрезультатнаго допроса, онъ былъ заключенъ въ одну изъ финляндскихъ крѣпостей, гдѣ и умеръ спустя нѣсколько лѣтъ. Это былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и если отъ него и можно было добиться точныхъ свѣдѣній о дѣлѣ, которое до самыхъ послѣднихъ дней приводило въ ужасъ Императора Николая, то во всякомъ случаѣ не путемъ всяческихъ униженій и моральныхъ страданій [26].

Постепенно прибывали и остальные изгнанники и устраивались въ тюрьмѣ. Привезли двухъ поляковъ, изъ которыхъ одинъ, М. Рукевичъ, заставлялъ насъ много смѣяться своимъ чисто-сарматскимъ выходкамъ. Едва онъ успѣлъ войти въ острогъ, противъ дома Александрины, какъ сталъ у ограды и съ сентиментальнымъ видомъ (и сильнымъ польскимъ акцентомъ) запѣлъ старый французскій романсъ: «Въ стѣнахъ мрачной башни младой король тоскуетъ» *). Онъ не былъ ни молодъ, ни красивъ, ни интересенъ; эта затѣя пѣть французскій романсъ, не зная языка, насъ очень насмѣшила.

Нѣкоторые изъ ссыльныхъ, которымъ кончился срокъ заключенія, были отправлены на поселеніе, т. е. освобо-

---

*) Изъ оперы Гретри: «Ричардъ Львиное Сердце.

ждены отъ работъ и разселены по всей Сибири: Лихаревъ, графъ Чернышевъ (братъ Александрины), Лисовскій, Кривцовъ и другіе. Я должна была разстаться съ бѣдной Ентальцевой, которая уѣхала въ Березовъ, маленькій и самый сѣверный городъ Тобольской губерніи. Прощаніе Александрины съ братомъ было раздирающее; больше имъ не суждено было увидѣться.

Годъ или два спустя Чернышевъ въ качествѣ простого солдата былъ отправленъ на Кавказъ. Мы занялись одеждой заключенныхъ, такъ какъ, кромѣ насъ, некому было позаботиться о ихъ бѣльѣ и платьѣ.

Комендантъ позволилъ имъ проститься съ дамами.

1829 годъ.

1 августа 1829 года пришла великая новость: курьеръ привезъ повелѣніе снять съ заключенныхъ кандалы. Мы такъ привыкли къ звону цѣпей, что я даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ прислушивалась къ нему, такъ какъ онъ извѣщалъ меня при свиданіяхъ о приближеніи Сергѣя...

Первое время нашего изгнанія я думала, что оно, навѣрное, кончится черезъ 5 лѣтъ, затѣмъ я увѣряла себя, что это произойдетъ черезъ 10, потомъ черезъ 15 лѣтъ, но послѣ 25 лѣтъ я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобы онъ вывелъ изъ Сибири моихъ дѣтей.

Въ Читѣ я получила извѣстіе о смерти моего бѣднаго Николая, моего первенца, оставленнаго мною въ Петербургѣ.

Пушкинъ прислалъ мнѣ на него эпитафію:

Въ сіяньи, въ радостномъ покоѣ,
У Трона Вѣчнаго Отца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца...

Черезъ годъ я узнала о смерти моего отца. Я такъ мало была подготовлена къ этому, потрясеніе было такъ

сильно, что мнѣ казалось, что небо упало на мою голову; я заболѣла. Комендантъ разрѣшилъ Вольфу, доктору и товарищу моего мужа, посѣщать меня подъ конвоемъ солдатъ и офицера [27].

Въ это время прошелъ слухъ, что комендантъ строитъ въ 600 верстахъ отъ насъ огромную тюрьму съ казематами безъ оконъ; это насъ очень опечалило. Я забыла сказать о томъ, что встревожило насъ раньше еще больше: въ прошломъ году черезъ Читу прослѣдовала цѣпь каторжниковъ, въ числѣ ихъ были и трое ссыльныхъ: Сухининъ, баронъ Соловьевъ и Мозгалевскій. Всѣ они принадлежали къ Черниговскому полку и были товарищами покойнаго Сергѣя Муравьева; они прошли весь путь пѣшкомъ вмѣстѣ съ уголовными преступниками. Они извѣстили насъ о своемъ прибытіи. Мужъ велѣлъ мнѣ пойти къ нимъ, помочь имъ, постараться успокоить Сухинина, который былъ очень возбужденъ, и уговорить его потерпѣть и не волноваться.

Острогъ, гдѣ остановились каторжники, находился за деревней, въ трехъ верстахъ отъ насъ. На разсвѣтѣ я разбудила Каташу и Ентальцеву и мы отправились, разумѣется, пѣшкомъ по страшному холоду; мы сдѣлали большой крюкъ, чтобы насъ не замѣтили часовые. Когда мы подошли къ тюремной оградѣ, узники уже были тамъ и ожидали насъ; было еще довольно темно. Сухининъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что и слушать ничего не хотѣлъ; онъ говорилъ все время о томъ, что надо поднять каторжниковъ въ Нерчинскѣ, вернуться въ Читу и освободить государственныхъ преступниковъ.

Соловьевъ, какъ человѣкъ очень спокойнаго и терпѣливаго характера, сказалъ мнѣ, что это не болѣе какъ временное возбужденіе и что онъ успокоится. Наконецъ, я ушла—печальная и встревоженная. И, дѣйствительно, мои опасенія сбылись. Какъ только Сухининъ прибылъ въ Нерчинскъ, онъ пересталъ довѣрять своимъ товарищамъ, разошелся съ ними, предавшись всецѣло на сто-

рону мѣстныхъ каторжниковъ; въ количествѣ 200 человѣкъ они вооружились чѣмъ попало и отступили къ китайской границѣ; но они жестоко ошиблись: китайцы всегда выдаютъ русскому правительству довѣрившихся имъ бѣглыхъ; несчастныхъ безумцевъ ожидала другая участь: они были всѣ схвачены пограничными казаками и заключены подъ стражу. Былъ отправленъ курьеръ къ Его Величеству, и полученъ приказъ судить всѣхъ въ 24 часа и наиболѣе виновныхъ разстрѣлять. Нашъ комендантъ отправился въ рудники и въ точности исполнилъ все, что ему было приказано.

Сухининъ узналъ о приговорѣ, произнесенномъ надъ нимъ, наканунѣ того дня, когда приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе, — но когда явились за нимъ въ тюрьму, то нашли его мертвымъ: онъ повѣсился на балкѣ, поддерживавшей потолокъ, а веревку ему замѣнилъ ремешокъ отъ кандаловъ. Всѣ остальные приговоренные въ количествѣ 20 человѣкъ были выведены за околицу деревни и здѣсь преданы смерти, но какимъ образомъ! Скомандовали солдатамъ стрѣлять, но ружья у нихъ были старыя и заржавленныя, а сами они, не умѣя цѣлиться, попадали то въ руку, то въ ногу, словомъ, это была поистинѣ мученическая смерть. На другой день комендантъ приказалъ похоронить умершихъ и, когда всѣ разошлись, онъ поклонился каждой могилѣ, прося прощенія. Мы узнали всѣ эти подробности отъ Соловьева и Мозгалевскаго, которыхъ перевели къ намъ. Это повергло насъ въ глубокую печаль. Комендантъ возвратился мрачный и разстроенный, ему всюду видѣлись побѣги и пожары, и онъ торопился окончаніемъ постройки Петровской тюрьмы [28].

Александрина, которая получала отъ своей свекрови тайкомъ много денегъ, то черезъ посылаемаго къ ней слугу, то какимъ-либо другимъ способомъ, построила себѣ домъ недалеко отъ этой тюрьмы; инженеръ, строившій тюрьму, выстроилъ за богатый подарокъ и этотъ домъ. Такъ какъ намъ съ Каташей едва хватало на жизнь, то

мы и не думали объ этомъ, точно также какъ и другія дамы.

Чтобы дать вамъ понятіе о простотѣ нравовъ того времени и отвлечь ваше вниманіе отъ описаннаго мною выше трагическаго событія, я опишу вамъ одну прогулку, сдѣланную Нарышкиной и Ентальцевой, задолго до отъѣзда послѣдней въ Березовъ.

Однажды обѣ дамы отправились гулять и вышли за околицу деревни; здѣсь, незамѣтно для себя, онѣ зашли довольно далеко и съ большимъ трудомъ достигли берега рѣки, отдѣлявшей ихъ отъ деревни, но моста здѣсь не было: какъ переправиться? Вода въ этомъ мѣстѣ была неглубока, но все же доходила до пояса. Онѣ замѣтили душегубку и деревенскаго священника, который собирался въ нее сѣсть; тогда онѣ попросили его перевезти ихъ черезъ рѣку; но сдѣлать это было невозможно: душегубка была такъ мала, что помѣститься въ ней втроемъ было немыслимо. Ентальцева не захотѣла остаться одна; тогда священникъ предложилъ имъ обоимъ душегубку, а самъ, не долго думая, такъ подсучилъ свое нижнее платье, что напоминалъ Геркулеса съ повязкой на чреслахъ. Онъ вошелъ въ воду и сталъ толкать передъ собой лодку; все это произошло такъ быстро, что наши дамы едва успѣли отвести глаза въ сторону при видѣ этого зрѣлища.

Петровская тюрьма была закончена, и комендантъ приказалъ заключеннымъ готовиться къ отъѣзду. Это переселеніе совершилось пѣшкомъ, въ августѣ; дѣлали ежедневно по 30 верстъ, а на другой день отдыхали—то въ деревняхъ, то въ бурятскихъ юртахъ. Александрина и двѣ другія дамы отправились впередъ, Нарышкина, фонъ-Визина и я слѣдовали за партіей въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія. Привалъ сдѣлали въ 6 верстахъ отъ города Верхнеудинска. Недалеко отъ этого города госпожа Розенъ встрѣтила своего мужа. Это была прекрасная женщина, слегка методичная. Она прожила съ нами въ Петровскѣ только одинъ годъ и уѣхала затѣмъ съ му-

жемъ на поселеніе въ Тобольскую губернію [29]. Какъ разъ въ это время къ намъ пріѣхала Юшневская. Эта старая женщина ѣхала изъ Москвы цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, повсюду останавливаясь и находя въ каждомъ городѣ знакомыхъ; въ честь ея устраивались вечера, катанья на лодкахъ; наконецъ, достаточно повеселившись, она узнаетъ, что госпожа Розенъ уже въ Верхнеудинскѣ,—тотчасъ нанимаетъ она почтовую телѣгу, мчится, какъ молнія, мимо всей партіи и останавливается у крестьянской избы, гдѣ ее ожидалъ мужъ. Ей было 44 года, совсѣмъ сѣдая, она сумѣла сохранить въ себѣ юношескую живость [30].

Затѣмъ мы продолжали путь. На послѣдней станціи передъ Петровскомъ мы встрѣтили коменданта, который передалъ намъ письма изъ Россіи и газеты. Тутъ мы узнали объ іюльской революціи; всю ночь среди заключенныхъ раздавались пѣсни и крики ура. Часовые ничего не понимали: какъ это люди могутъ заниматься пѣніемъ, когда впереди ихъ ожидаютъ казематы? Да это и понятно: они вѣдь ничего не смыслили въ политикѣ.

ПЕТРОВСКІЙ ЗАВОДЪ.

Подъѣзжая къ Петровску, я увидѣла огромную тюрьму въ видѣ подковы съ красной крышей. Видъ ея былъ мрачный: наружу не выходило ни одного окна, такъ что насъ совсѣмъ не обманули, сказавъ, что тюрьма была безъ оконъ. Я забыла вамъ сказать, что изъ Читы всѣ дамы писали графу Бенкендорфу (шефу жандармовъ), прося разрѣшенія жить въ тюрьмѣ, — это намъ было позволено.

Такъ какъ домъ Александрины былъ готовъ, то она поселилась тамъ, но всѣ остальныя дамы устроились на нѣсколько дней въ камерахъ своихъ мужей. Я купила маленькую крестьянскую избушку для моего человѣка и служанки. Я ходила туда одѣваться, мыться и доставляла себѣ удовольствіе проводить ночи подъ тюремными затворами; увѣряю васъ, очень страшно слы-

шать шумъ тюремныхъ замковъ; только черезъ годъ разрѣшили семейнымъ ссыльнымъ жить внѣ тюрьмы. Самое ужасное въ камерахъ было отсутствіе оконъ: цѣлый день у насъ горѣлъ огонь, что очень утомляло зрѣніе.

Каждая изъ насъ, какъ могла лучше, устроила свою тюрьму. Въ нашей камерѣ я обтянула стѣны шелковой матеріей (мои бывшія занавѣси, присланныя изъ Россіи): у меня были здѣсь клавикорды, шкафъ съ книгами, два диванчика,—словомъ, было почти элегантно. Мы написали графу Бенкендорфу, прося разрѣшенія сдѣлать въ камерахъ окна; это намъ было позволено, но нашъ старый комендантъ, трусливый болѣе чѣмъ когда-либо, вздумалъ устроить ихъ совсѣмъ высоко, подъ самымъ потолкомъ. Мы жили уже въ своихъ домахъ, когда пришло это разрѣшеніе. Заключенные устроили возвышенія у оконъ, чтобы можно было читать.

Нашъ дамскій кружокъ увеличился съ пріѣздомъ Камиллы Ле-Дантю, невѣсты М. Ивашева; она была дочерью ихъ гувернантки, и женихъ зналъ ее еще дѣвочкой. Это было прелестное созданіе во всѣхъ отношеніяхъ и для Ивашева было большое счастье жениться на ней. Эта свадьба состоялась при обстановкѣ менѣе мрачной, чѣмъ свадьба Анненковой: женихъ былъ безъ кандаловъ и прибылъ съ большой торжественностью со своими шаферами (хотя и въ сопровожденіи солдатъ, но безъ оружія). Я была посаженой матерью молодыхъ, всѣ дамы провожали ихъ въ церковь: мы пили чай у новобрачныхъ, а на другой день у нихъ обѣдали [31]. Постепенно мы начали возвращаться къ обычнымъ условіямъ нашей жизни, на кухнѣ мы больше не работали, такъ какъ для этого у насъ была прислуга, но солдатъ всегда находился при насъ и долженъ былъ вездѣ сопровождать заключеннаго, куда бы онъ ни шелъ, чтобы тотъ не забывалъ, что онъ узникъ. То же самое было и со всѣми семейными.

Въ этомъ 1832 году явился ты на свѣтъ, мой обожаемый Миша, на радость и счастье твоихъ родителей. Я

была твоей кормилицей, нянькой и отчасти твоей учительницей, и когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Богъ далъ мнѣ Нелли, твою сестру, счастье мое было полное. Мои мысли принадлежали только вамъ, я почти не посѣщала своихъ подругъ. Эта безумная, заполняющая собою каждую минуту, любовь принадлежала вамъ обоимъ.

Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ твоего рожденія заболѣла Александрина Муравьева. Вольфъ не выходилъ изъ ея комнаты. Онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы спасти ее, но Богъ судилъ иначе. Ея послѣднія минуты были прекрасны: она продиктовала прощальныя письма своимъ роднымъ и, не желая будить свою четырехлѣтнюю малютку «Ноно», потребовала ея куклу и поцѣловала вмѣсто нея. Исполнивъ свой христіанскій долгъ, какъ святая, она занялась исключительно своимъ мужемъ, утѣшая и ободряя его. Она умерла на своемъ посту, и эта смерть повергла насъ въ уныніе и глубокую скорбь. Каждая говорила себѣ: «Что ждетъ безъ меня моихъ дѣтей?»

Такъ начался въ Петровскѣ длинный рядъ лѣтъ, не принося съ собой никакой перемѣны въ нашей судьбѣ. Заключенные, срокъ которыхъ кончался, уѣзжали, увозя съ собой сожалѣнія о тѣхъ, которые оставались. Нѣкоторыя дамы тоже уѣхали: Фонъ-Визина, Розенъ, Нарышкина и Ивашева. Эта послѣдняя тоже умерла на поселеніи, будучи еще очень молодой, мужъ ея въ скорости послѣдовалъ за ней, и ея мать, пріѣзжавшая повидаться съ ними, увезла сиротъ съ собой въ Россію.

Часы, свободные отъ казенныхъ работъ, заключенные проводили въ научныхъ занятіяхъ, чтеніи, рисованіи. Н. Бестужевъ составилъ цѣлую галлерею портретовъ своихъ товарищей. Онъ занимался также механикой, дѣлалъ часы и кольца. Каждая изъ насъ скоро имѣла по кольцу, сдѣланному изъ желѣза отъ кандаловъ ея мужа. Торсонъ дѣлалъ модели мельницъ и молотилокъ; другіе столярничали, посылали намъ рабочіе столики и чайные ящички. Князь Одоевскій занимался поэзіей; онъ писалъ преле-

стные стихи; между прочимъ, онъ написалъ стихотвореніе, воспоминаніе о томъ, какъ мы, дамы, приходили къ оградѣ и приносили узникамъ письма и извѣстія.

«Былъ край, слезамъ и скорби посвященный—
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ, вѣчно-ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

* * *

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены,
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

* * *

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,—
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили бъ покрова своего.

Бѣдный Одоевскій, окончивъ свой срокъ каторжныхъ работъ, уѣхалъ на поселеніе недалеко отъ города Иркутска; потомъ его отецъ выхлопоталъ ему, какъ милости, перевода простымъ солдатомъ на Кавказъ, гдѣ онъ скоро и умеръ въ вылазкѣ противъ черкесовъ.

Тюрьма мало-по-малу пустѣла; по окончаніи срока заключенныхъ увозили, разселяли по Сибири какъ поселенцевъ. Эта жизнь безъ семьи, безъ друзей, безъ всякаго общества была тяжелѣе, чѣмъ первоначальное заключеніе.

Наконецъ, настала и наша очередь: Вольфъ, Никита

и Александръ Муравьевы и мы выѣхали одни за другими, чтобы на почтовыхъ станціяхъ не оставаться безъ лошадей. Мой мужъ заранѣе просилъ, чтобы его поселили вмѣстѣ съ Вольфомъ,—докторомъ и его старымъ товарищемъ по службѣ, я тоже этого очень хотѣла, желая обезпечить своимъ дѣтямъ совѣты этого прекраснаго врача; что же касается мѣста, куда заброситъ насъ судьба, мы совсѣмъ не безпокоились, и Господь сжалился надъ нами: мы были отправлены на поселеніе въ Урикъ—недалеко отъ Иркутска, столицы Восточной Сибири; это была довольно убогая деревушка, но со сноснымъ климатомъ. Мнѣ все казалось хорошо, лишь бы былъ въ случаѣ надобности хорошій врачъ для моихъ дѣтей [32].

Въ этой же деревнѣ жилъ и Михаилъ Лунинъ, старый товарищъ моего мужа. Не найдя крестьянской избы, пригодной для жилья, такъ какъ всѣ онѣ были заняты другими поселенцами, мы отправились за 8 верстъ отсюда къ моему родственнику Поджіо, который только за годъ передъ этимъ былъ привезенъ изъ Шлиссельбургской крѣпости; онъ былъ счастливъ нашему пріѣзду и принялъ насъ съ распростертыми объятіями, тѣмъ болѣе, что онъ вынесъ восемь съ половиной лѣтъ одиночнаго заключенія въ этой ужасной тюрьмѣ. Въ продолженіе всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ онъ видѣлъ только своего тюремнаго сторожа да изрѣдка коменданта. Онъ былъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что происходило за стѣнами тюрьмы, его никогда не выпускали на воздухъ и когда онъ спрашивалъ у часового: «какой сегодня день?» тотъ ему отвѣчалъ: «не знаю». Онъ ничего не зналъ ни о Польскомъ возстаніи, ни объ Іюльской революціи, ни о войнахъ съ Персіей и Турціей, ни даже о холерѣ; его часовой умеръ внезапно у его дверей, а онъ и не подозрѣвалъ объ эпидеміи.

Однажды вечеромъ онъ увидѣлъ отраженіе луннаго свѣта на наружной стѣнѣ тюрьмы и ему захотѣлось полюбоваться имъ; онъ влѣзъ къ окну и съ большимъ трудомъ просунулъ голову въ маленькую форточку, съ во-

сторгомъ дыша свѣжимъ воздухомъ и любуясь звѣзднымъ небомъ. Вдругъ онъ слышитъ въ корридорѣ шаги: боясь, какъ бы его не застали въ такомъ положеніи, онъ тащитъ голову обратно, но уши ему мѣшаютъ; наконецъ, послѣ долгихъ усилій и весь исцарапанный, ему удалось вытащить голову, но съ тѣхъ поръ онъ оставилъ подобныя попытки. У него въ тюрьмѣ была такая сырость, что все его платье было пропитано ею, табакъ покрывался плѣсенью; здоровье же было такъ расшатано, что у него выпали всѣ зубы, но онъ просидѣлъ въ одиночной тюрьмѣ только 8 лѣтъ, тогда какъ несчастный Батенковъ былъ въ заключеніи болѣе 20 лѣтъ, не видя никого, даже коменданта. Онъ разучился говорить и, чтобы не лишиться разсудка, читалъ и перечитывалъ Библію, поставивъ себѣ за правило переводить ее мысленно на разные языки: сначала на русскій, на слѣдующій годъ на французскій, затѣмъ на латинскій. По выходѣ изъ тюрьмы оказалось, что онъ совсѣмъ разучился говорить, — ничего нельзя было понять изъ того, что онъ хотѣлъ сказать, даже его письма были непонятны. Способность рѣчи вернулась къ нему мало-по-малу. Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ свое душевное спокойствіе, бодрость духа и необыкновенную доброту; прибавьте сюда силу характера, которую вы въ немъ знаете, и вы поймете, что это былъ за удивительный человѣкъ [33].

Наша свобода на поселеніи была ограничена: мужчины могли гулять и охотиться въ окрестностяхъ, а дамы —ѣздить въ городъ за покупками. Наши средства были еще болѣе урѣзаны, чѣмъ въ тюрьмѣ. Я получала въ Петровскѣ десять тысячъ рублей ассигнаціями, между тѣмъ какъ въ Урикѣ мнѣ выдавали всего двѣ тысячи. Дабы пополнить это ограниченіе, наши родственники присылали намъ сахаръ, чай, кофе и всякаго рода провизію, а также и одежду.

Никита Муравьевъ проводилъ время въ занятіяхъ и чтеніи. Его мать переслала ему постепенно всю его би-

бліотеку: воспитаніе дочери было самымъ любимымъ его занятімъ.

Лунинъ велъ уединенную жизнь. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ все лѣто проводилъ въ лѣсахъ и только зимой жилъ дома. Онъ много писалъ, забавляясь тѣмъ, что въ письмахъ къ своей сестрѣ высмѣивалъ правительство. Наконецъ, онъ написалъ свои комментаріи по поводу приговора надъ участниками Польскаго возстанія. Дѣло всплыло наружу, и вотъ однажды, въ полночь, являются двѣнадцать жандармовъ и окружаютъ его домъ, нѣсколько чиновниковъ входятъ, чтобы его взять; Лунинъ, возвратившись съ охоты, крѣпко спалъ, они же не постѣснялись его разбудить, но при видѣ висѣвшихъ на стѣнѣ ружей и пистолетовъ смутились и одинъ изъ нихъ не могъ не высказать своего страха. Тогда Лунинъ, обращаясь къ находившемуся возлѣ него жандарму, сказалъ: «Не безпокойтесь, такихъ людей бьютъ, а не убиваютъ». Ему принадлежитъ также слѣдующая выходка. Во время его пребыванія еще въ Финляндской крѣпости, въ тюрьму явился по обязанностямъ службы генералъ-губернаторъ Закревскій и спросилъ его: «Не желаете ли заявить какихъ-либо претензій?» Тюрьма была ужасная, потолокъ былъ такъ плохъ, что когда шелъ дождь, вода протекала. Лунинъ отвѣтилъ ему съ улыбкой: «Я вполнѣ доволенъ всѣмъ, мнѣ не хватаетъ только зонтика».

Лунинъ былъ увезенъ всей этой военной свитой, явившейся за однимъ человѣкомъ, и заключенъ въ Акатуѣ— самой ужасной тюрьмѣ, гдѣ содержались преступники-рецидивисты, совершившіе убійства и грабежи. Онъ не могъ долго выносить зараженный и сырой воздухъ этой тюрьмы и умеръ здѣсь спустя четыре года. Это былъ человѣкъ большой силы воли, необыкновеннаго ума, веселаго нрава, безграничной доброты и глубоко-религіозный. Его отъѣздъ насъ сильно опечалилъ; я отправила ему книгъ, шоколада для груди и подъ видомъ лекарствъ чернилъ въ видѣ порошка, а въ немъ нѣсколько стальныхъ перьевъ, такъ какъ у него было все отнято, причемъ

строго было запрещено писать или читать что-либо, кромѣ библіи [34].

Я забыла упомянуть, что мы уже давно переселились въ Урикъ, такъ какъ постройка нашего дома предолжалась всего нѣсколько времени. Къ намъ пріѣзжали изъ города, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ Вольфомъ и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что онъ отказывался отъ всякаго вознагражденія.

Вскорѣ мы были страшно напуганы слухомъ, будто наши дѣти будутъ у насъ отняты по повелѣнію Его Величества. Генералъ-губернаторъ Рупертъ прислалъ однажды за моимъ мужемъ, Никитой Муравьевымъ, Трубецкимъ, который жилъ въ деревнѣ въ 30-ти верстахъ отъ насъ, и за всѣми тѣми, кто былъ женатъ. Я тотчасъ же поняла, что дѣло касалось нашихъ дѣтей. Мужчины отправились; невозможно передать тѣ мученія и страданія, которыя я перенесла, пока они не вернулись. Наконецъ, они возвратились и мужъ, выходя изъ повозки, сказалъ мнѣ: «Твое предчувствіе тебя не обмануло, дѣло касается дѣтей: ихъ хотятъ увезти въ Россію, отнять у нихъ ихъ фамилію и помѣстить въ казенныя учебныя заведенія».— «Но сказано ли въ приказѣ, чтобы взять ихъ силою?»— «Нѣтъ, Государь только велѣлъ предложить это ихъ матерямъ». Услышавъ это, я успокоилась; мое сердце снова наполнилось радостью. Я схватила васъ въ свои объятія и стала душить поцѣлуями. «Нѣтъ, мы не разстанемся, вы не отречетесь отъ имени вашего отца». Однако, вашъ отецъ колебался въ своемъ отказѣ, думая, что онъ не имѣетъ права помѣшать вамъ возвратиться въ Россію, но это происходило лишь отъ избытка чувствъ къ вамъ. Онъ согласился на мои настоятельныя просьбы и убѣжденія, что, напротивъ, когда-нибудь вы могли бы упрекнуть насъ въ томъ, что мы безъ вашего на то согласія лишили васъ вашего имени. Итакъ, снова воцарилось общее спокойствіе, потому что и товарищи Сергѣя тоже послали отказъ генералъ-губернатору. Этотъ злой человѣкъ, лишь изъ желанія показать свое усердіе къ службѣ, донесъ

Его Величеству, что государственные преступники до того закоренѣли въ своихъ преступленіяхъ, что вмѣсто благодарности Его Величеству за его отеческое предложеніе, отнеслись къ нему съ высокомѣріемъ. На самомъ же дѣлѣ нашъ отказъ былъ выраженъ въ самой деликатной формѣ, такъ какъ мы понимали, что, дѣйствительно, лишь движимый добрымъ чувствомъ, Государь предложилъ намъ воспитать нашихъ дѣтей на свой счетъ, хотя и съ ограниченіями, вполнѣ выражающими его взглядъ на вещи [35].

Спустя пять лѣтъ моему Мишѣ исполнилось 12 лѣтъ. Я постаралась окружить его всѣмъ, что было необходимо для его образованія. Я пригласила въ домъ, между прочимъ, господина Сабинскаго, сосланнаго поляка, прекрасно владѣвшаго французскимъ языкомъ и отдававшаго Мишѣ все время безъ малѣйшаго вознагражденія [36]. Я обратилась съ просьбой разрѣшить мнѣ переѣхать въ Иркутскъ, чтобы дать возможность Мишѣ пройти курсъ гимназическаго образованія. Графъ Орловъ выхлопоталъ мнѣ это разрѣшеніе, и я поселилась въ городѣ. Два раза въ недѣлю мужу было разрѣшено пріѣзжать къ намъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя и совсѣмъ переселиться въ Иркутскъ.

Другіе ссыльные тоже получили разрѣшеніе, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые были поселены недалеко отъ Иркутска. Такъ прошло еще 19 лѣтъ, изъ которыхъ послѣдніе восемь никогда не изгладятся изъ моего благодарнаго сердца: генералъ-губернаторомъ былъ уже не Рупертъ, а Николай Муравьевъ—честнѣйшій и даровитѣйшій человѣкъ. Онъ открылъ для Россіи пользованіе Тихимъ океаномъ въ то время, когда французы и англичане отняли у насъ Черное море. Какъ онъ самъ, такъ и его достойная, прекрасная жена относились къ намъ превосходно. Онъ развивалъ въ тебѣ, Миша, духовныя способности для служенія отечеству и направлялъ тебя на пути терпѣнія и умственнаго труда.

Въ годъ коронованія Императора Александра II мы были всѣ возвращены изъ ссылки, но увы! Изъ 121 члена

Тайнаго Общества осталось въ живыхъ всего 12 или 15 человѣкъ: остальные умерли или были убиты на Кавказѣ.

Отецъ вашъ, по возвращеніи на родину, былъ встрѣченъ, какъ вы знаете, сердечно, а нѣкоторыми—даже съ восторгомъ.

Бѣдная Каташа умерла за годъ передъ тѣмъ; ее глубоко сожалѣли ея дѣти, друзья и всѣ тѣ, кому она дѣлала добро.

Вашъ отецъ, благороднѣйшій изъ людей, никогда не питалъ злопамятнаго чувства по отношенію къ Императору Николаю, напротивъ, — онъ отдавалъ справедливость его хорошимъ качествамъ, твердости его характера, хладнокровію, проявленному имъ во многихъ обстоятельствахъ жизни; во всякой другой странѣ, говорилъ онъ, онъ также былъ бы подвергнутъ строгому наказанію. На это я ему отвѣчала, что наказаніе не было бы такимъ суровымъ, такъ какъ не приговариваютъ человѣка къ каторжнымъ работамъ, къ одиночному заключенію и къ 30 годамъ ссылки только за его политическія убѣжденія и за то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества: вашъ отецъ не принималъ участія ни въ какомъ возстаніи, а если даже въ своихъ собраніяхъ они и говорили о перемѣнѣ образа правленія, то все-таки надо было считаться не со словами, а съ дѣйствіями. Теперь въ Петербургѣ и Москвѣ всюду говорятся гораздо болѣе серьезныя вещи, и все-таки никого за это не арестовываютъ. И если бы мнѣ было позволено высказать свое мнѣніе о событіи 14 декабря и о возстаніи полка Сергѣя Муравьева, я бы сказала, что это было несвоевременно: нельзя поднимать знамя свободы, не имѣя за собой сочувствія ни солдатъ, ни народа, который ничего въ этомъ еще не понимаетъ. И въ будущемъ оба эти возмущенія будутъ разсматриваться не иначе, какъ совершенно отдѣльныя, ничѣмъ не связанныя другъ съ другомъ, событія.

MÉMOIRES

de

La Princesse Marie Wolkonsky.

Господь рѣшитъ окованныя...
Господь возводитъ низверженныя...
(Пс. 145 и 144).

Micha мой, tu m'engages à mettre par écrit les récits dont je berçais ton enfance et celle de Nelly, à faire mes mémoires en un mot. Il faut commencer par savoir écrire avant de s'arroger le droit de le faire, or ce talent ne m'appartient pas, et puis notre existence de Sibérie ne peut offrir d'intérêt qu'à un enfant de l'exil comme toi; je le ferai donc pour toi, pour ta soeur et pour Serge, sous la condition expresse de ne les communiquer à personne, hors tes enfants quand tu en auras, qui ouvriront de grands yeux, se serreront contre toi en écoutant le récit de nos privations et de nos souffrances, auxquelles cependant nous nous sommes si bien habitués, que nous avons trouvé moyen d'être gais et même heureux en exil.

J'abrégerai ce qui vous charmait tant dans votre enfance, le récit du bonheur que j'avais goûté sous le toit paternel, celui de mes voyages, de ma part de joie et de plaisir dans ce monde. Je vous dirai seulement que c'est l'année 1825 que j'ai été mariée au Prince Serge Wolkonsky, votre pére, le plus digne et le plus respectable des hommes; mes parents croyaient m'avoir asssuré un sort brillant selon le monde.— J'étais triste de les quitter: on dirait qu'à travers mon voile de mariée j'apercevais vaguement le sort qui nous attendait. Peu après, étant tombée malade, on m'envoya avec Maman, ma soeur Sophie et mon anglaise, à Odessa pour les bains de mer. Serge ne pouvait nous accompagner, devant rester dans sa division pour affaires de service. Je ne le connaissais presque pas avant mon mariage. Je restai tout l'été à Odessa, de sorte que je n'ai passé que trois mois de cette

première année avec lui; je ne me suis jamais douté de l'existence de la Société secrète dont il était membre. Il avait près de vingt ans de plus que moi, par là même ne pouvait avoir dans un cas aussi grave sa confiance en moi.

Il vint me chercher vers la fin de l'automne, m'emmena à Oumane où se trouvait sa division et partit pour Toultchine, quartier général de la seconde armée. Au bout d'une semaine, il revint au milieu de la nuit: je suis réveillée en sursaut, il m'appelle: «Вставай скорѣй». Je me lève toute tremblante. J'étais avancée dans ma grossesse, et ce retour bruyant m'avait effrayée. Je le vois faisant faire un grand feu de cheminée pour y brûler des papiers. Je l'aidais de mon mieux tout en lui demandant ce que cela voulait dire.—«Pestel est arrêté!»—«Pourquoi?» — Pas de réponse. Tout ce mystére m'inquiétait. Je le voyais triste, préoccupé. Enfin il me dit avoir promis à mon père de m'emmener chez lui pour y faire mes couches. Et nous voilà en route pour les biens de papa; il m'y confia aux soins de ma mère et repartit de suite; à peine rentré chez lui, il fut arrêté et emmené à Pétersbourg. C'est ainsi que se passa la première année de notre mariage. elle n'était pas révolue encore, que Serge était déjà sous les verrous de la forteresse au ravelin Alexis.

Mes couches furent très pénibles, sans sage-femme (elle n'est arrivée que le lendemain). Papa insistait pour que je me misse sur un fauteuil; Maman, avec son expérience de mère de famille, me disait de me mettre au lit de peur de prendre froid. Les voilá qui se disputent et moi de souffrir. Enfin, comme toujours, la volonté de l'homme prévalut; on m'installa dans un grand fauteuil, pour y souffrir mort et martyre sans aucun secours de l'art. Notre médecin était absent chez un malade à 15 verstes de nous; une paysanne du village se disant sage-femme était venue, mais n'osant m'approcher elle se tenait à genoux, dans un coin de la chambre, priant pour moi. Enfin le docteur arriva vers le matin, et je mis au monde mon petit Nicolas, dont plus tard j'ai dû me séparer à jamais. J'eus la force d'aller nu-pieds

jusqu'à mon lit qui était froid et me parut glacé, et l'instant d'aprés, une fièvre violente me saisit, fièvre cérébrale qui me fit garder le lit pendant 2 mois. Quand je revenais à moi, je demandais des nouvelles de mon mari, on me répondait qu'il était en Moldavie, tandis qu'il se trouvait déjà au secret et subissait toutes les tortures morales d'une enquête. On l'avait emmené d'abord, comme tous les autres, et conduit en présence de l'Empereur Nicolas qui s'était précipité vers lui en le menaçant du doigt et en l'injuriant, se fâchant de ce qu'il ne voulait nommer aucun de ses camarades. Plus tard, comme il persistait dans ce mutisme vis-à-vis des juges d'instruction, Tchernicheff, ministre de la guerre, lui dit: «Ayez honte, prince: de petits officiers en disent plus que vous» (Стыдитесь, князь, прапорщики больше васъ показываютъ). Du reste tous étaient connus: les faux-frères Chervood, Maïboroda et... avaient livré la liste des membres de la Société secrète, en suite de quoi les arrestations avaient commencé. Je n'ai pas la présomption d'écrire l'histoire de ces temps-là, ces événements sont trop récents et de trop haute portée pour moi; d'autres le feront, et c'est á la postérité de juger cet élan de partriotisme pur et désintéressé. L'histoire de Russie n'a présenté jusqu'ici que des conspirations de palais, favorisées par ceux qui y trouvaient leur intérêt.

Un beau matin je rassemblai mes idées et me dis: «Cette absence de mon mari n'est pas naturelle, je n'ai pas de lettres de lui». J'insiste pour savoir la vérité, on me dit que Serge est arrêté, ainsi que B. Davidoff, Lihareff et Poggio. Je déclare à Maman que je vais à Petersbourg; papa y était déjà, tout est prêt pour le lendemain, et au moment de me lever je sens une forte douleur à la jambe; j'envoie vite chercher la bonne femme qui avait si bien prié le bon Dieu pour moi; elle me dit que c'est un érysipèle, m'entortille le pied de drap rouge et de craie, et me voilà partie avec ma bonne soeur et mon enfant, que je laisse en passant chez la comtesse Branicka, une tante à papa. Elle avait de bons médecins et vivait en riche et puissante chatelaine.

C'était au mois d'Avril. Des chemins impraticables. J'allais nuit et jour, et j'arrivai enfin chez ma belle-mère, dame de Cour s'il en fut. Personne pour me donner un conseil: mon frère Alexandre, qui prévoyait l'issue de l'affaire, mon père, qui la redoutait, m'avaient circonvenue entièrement. Alexandre le faisait avec tant de ruse que je ne l'ai compris que bien plus tard, en Sibérie, lorsque mes compagnes me dirent qu'elles trouvaient ma porte toujours fermée lorsqu'elles venaient me voir à Pétersbourg. Il craignait leur influence sur moi, et malgré ses précautions j'ai été la première avec Catache Troubetskoy dans les mines de Nertchinsk.

J'étais bien malade encore et d'une grande faiblesse. J'obtins le permission d'aller voir mon mari à la forteresse. L'Empereur, qui saisissait toutes les occasions pour faire preuve de grandeur d'âme (dans les petites choses), me sachant si faible, ordonna que je fusse accompagnée d'un médecin, craignant tout saisissement pour moi. Le comte Alexis Orloff me conduisit lui-même à la forteresse. En approchant de cette prison redoutable, je levais les yeux, et pendant que l'on ouvrait les portes cochères je vis un appartement au-dessus de l'entrée avec de grandes fenêtres ouvertes, et Michel Orloff en robe de chambre, tenant une pipe, souriant et examinant ceux qui arrivaient.

Nous descendîmes chez le commandant; l'instant d'après mon mari fut amené sous secorte. Cette entrevue devant témoins fut bien pénible, nous nous donnions du courage mutuellement, sans conviction intime. Je n'osais le questionner: tous les regards étaient fixés sur nous; il changea de mouchoir avec moi. En rentrant je m'empressai de voir ce qu'il y avait mis, et ne trouvai rien que quelques mots de consolation presque indéchiffrables, écrits sur le coin du mouchoir.

Ma belle-mère me fit des questions sur son fils, ajoutant qu'elle ne pouvait se décider à aller le voir, que cette entrevue la tuerait, et elle partit le lendemain avec l'Impératrice-mère pour Moscou, où l'on commençait déjà les préparatifs pour la célébration du Couronnement. Ma belle-soeur Sophie Wolkonsky devait arriver sous peu: elle accompagnait le corps de euf

l'Impératrice Elisabeth, que l'on amenait à Pétersbourg. J'étais très impatiente de la connaître, cette soeur; mon mari l'adorait, j'espérais beaucoup de son arrivée. Mon frère entendait la chose autrement; il se mit à me donner des inquiétudes pour mon enfant, m'assurant que le procès durerait longtemps (ce qui du reste était vrai), qu'il fallait m'assurer par moi-même si le cher petit était bien soigné, et que je rencontrerais indubitablement la princesse en route. Ne soupçonnant rien, je me décidai á partir, avec l'idée de ramener mon enfant avec moi. Je passai par Moscou afin d'y voir ma soeur Orloff. Ma belle-mère y était déjà installée dans ses fonctions de dame d'honneur. Elle me dit que Sa Majesté désirait me voir, qu'elle s'intéressait beaucoup à moi. Je pensais que c'était pour me parler de mon mari, car, dans des circonstances aussi graves, je ne comprenais l'intérêt pour moi qu'autant qu'il concernait mon mari. Pas du tout: on me parle de ma santé, de celle de mon père, de la pluie et du beau temps...

Je me remis aussitôt en route. Mon frère avait arrangé les choses de manière que je me croisesse avec ma belle-soeur; elle qui était au fait de tout aurait pu m'instruire de la marche que prenait l'affaire. Je trouvai mon enfant assez pâle et chétif; on le fit vacciner, il tomba malade. Je ne recevais aucune nouvelle, l'on ne me remettait que les lettres les plus insignifiantes, les autres étaient détruites. J'attendais avec impatience le moment de partir; enfin mon frère m'apporte les journaux et m'apprend la condamnation de mon mari. Il avait été dégradé avec ses camarades sur le glacis de la forteresse. Voici comment la chose s'était passée. C'était au petit jour le 13 Juillet; on les rassembla tous pour les placer par catégories sur le glacis, en face de 5 potences. Serge, à peine arrivé, mit bas son surtout d'uniforme et le jeta dans le bûcher, ne voulant pas qu'on le lui arrachât. On avait dressé et allumé plusieurs bûchers pour consumer les uniformes et décorations de ces messieurs, ensuite on leur dit de se mettre tous à genoux, et des gendarmes venaient rompre une épée au-dessus de chaque tête en signe de dégradation; on s'y

prenait maladroitement: plusieurs de ces messieurs furent blessés à la tête. Ramenés en prison, ils ne reçurent plus leur nourriture habituelle, mais celle des forçats, ainsi que le costume: une veste et des pantalons de gros drap gris.

Cette scène fut suivie d'une autre bien plus cruelle à voir. Les cinq condamnés à mort furent amenés. Pestel, Serge Mouravieff, Riléiéff, Bestougeff-Rumine (Michel) et Kahovsky furent exécutés, mais avec une maladresse affreuse: trois d'entre eux tombèrent et furent trainés de nouveau au pied de l'échafaud. Serge Mouravieff ne voulut pas être soutenu, Riléiéff recouvrit la parole et dit: «Je suis heureux de mourir deux fois pour ma patrie». Leurs corps furentmis dans deux grandes caisses ramplies de chaux vive, et enterrés au Голодаевъ островъ. Une sentinelle en défendait l'approche. Je ne puis dépeindre cette scène, elle me bouleverse, elle me rend malade. Je ne me charge pas de la décrire. Le général Tchernicheff (qui fut fait comte et prince depuis) caracolait autour des cinq échafauds, lorgnant les cinq victimes et ricanant.

Mon mari fut privé de ses titres, biens, droits, condamné à 20 ans de travaux fercés et à l'exil perpétuel. Il fut expédié le 26 Juillet en Siberié avec les princes Troubetskoy et Obolensky, Davidoff, Artamon Mouravieff, les frères Borissoff et Yakoubovitch. Quand mon frère me l'apprit, je déclarai que j'allais le rejoindre; mon frère, devant aller à Odessa, me dit de ne pas bouger jusqu'à son retour, mais dès le lendemain de son départ, je pris un passeport et partis pour Pétersbourg. On me boudait dans la famille de mon mari parce que je n'avais pas répondu à leurs lettres. Je ne pouvais pas leur dire que mon frère les avait interceptées. On me disait des choses blessantes, mais pas un mot d'argent. Je ne pouvais leur dire non plus tout ce que je souffrais de la part de mon père, qui ne voulait pas me laisser partir. J'engageai mes diamants, je payai quelques dettes de mon mari et écrivis une lettre à l'Empereur pour obtenir le permission d'aller le rejoindre. J'appuyais sur lintérêt que Sa Majesté avait témoigné à toutes les femmes

d'exilés, et le priais de mettre le comble à ses bontés en me permettant de partir. Voici sa réponse:

«J'ai reçu, Princesse, la lettre que vous m'avez écrite du 15 de ce mois, j'y ai vu avec plaisir l'expression des sentiments que vous me témoignez pour l'intérêt que je vous porte, mais c'est à cause de cet intérêt même que je prends à vous que je crois devoir renouveler ici les avertissements que je vous ai déjà communiqués sur ce qui vous attend une fois passé Irkoutsk. Au reste, j'abandonne entièrement à votre propre conviction, Madame, de vous décider à tel parti que vous jugerez le plus convenable dans votre situation.

Votre affectionné
(Signé) Nicolas».

1826
le 21 Decembre.

Ici je dois vous raconter une scène dont je me souviendrai jusqu'à mon dernier souffle. Mon père était sombre, inabordable. Il fallait cependant lui dire que j'allais le quitter et que je le nommais tuteur de mon pauvre enfant, que l'on ne me permettait pas d'emmener. Je lui communiquai la réponse de Sa Majesté, alors mon pauvre père, ne se possédant plus, lève ses deux poings au-dessus de ma tête et s'écrie: «Je te maudis si tu ne reviens pas dans un an». Je ne répondis rien, je me jetai sur une couchette, j'enfonçai mon visage dans un coussin qui se trouvait là.

Mon père, ce héros de l'année 1812, ce caractète si ferme si élevé, ce patriote, qui voyant ses troupes faiblir à Dashkovka, saisit ses deux enfants, des adolescents encore, et se précipite dans le feu des ennemis—avait le coeur le plus tendre en famille; il ne pouvait supporter l'idée de mon exil, mon départ lui semblait quelque chose d'atroce.

Mon beau-frère, le prince Pierre Wolkonsky, ministre de la Maison de l'Empereur, vint me prendre dans sa voiture pour diner avec lui; chemin faisant il me disait: «Etes-vous sûre de revenir?»—«Je ne le désire même pas, à moins que cela ne soit avec Serge, mais, au nom de Dieu, ne le dites

pas à mon père». Ces paroles me revinrent ensuite à l'esprit, et je compris le sens des assurances paternelles de la lettre de Sa Majesté. Je partis dans la nuit même, mes adieux avec papa furent muets: il me bénit et se détourna de moi, ne pouvant articuler une syllabe. Je me disais en le regardant: «C'est fini, je ne le reverrai plus, je suis morte pour ma famille». J'allai embrasser ma belle-mère, qui me fit remettre juste ce qu'il me fallait d'argent pour payer les chevaux jusqu'à Irkoutsk. J'avais fait acheter un kibitka, mes paquets se firent en un instant: c'était un peu de linge, trois robes et la capote ouatée que j'avais sur moi. Je gardai le restant de mon argent pour la Sibérie, je l'avais cousu dans mon habit. Au moment de partir, j'allai m'agenouiller auprès du berceau de mon enfant, je priai longtemps. Il avait passé la soirée à jouer auprès de moi avec l'empreinte du cachet de la lettre qui m'autorisait à partir, à le quitter à jamais. Ce grand placard de cire rouge lui plaisait. Je recommandai mon pauvre enfant aux soins de ma belle-mère et de mes belles-soeurs, je m'arrachai d'auprès de lui et je sortis.

A Moscou je m'arrêtai chez Zénéide Wolkonsky, ma troisième belle-soeur, qui m'accueillit avec une tendresse et une bonté que je n'ai jamais oubliées: elle me combla de soins et d'attentions. Elle était tout coeur et compassion pour moi: connaissant ma passion pour la musique, elle fit venir tout ce qu'il y avait de chanteurs italiens à Moscou et de jolis talents parmi les demoiselles. J'etais transportée d'admiration pour ce beau chant et la pensée que je l'entendais pour la dernière fois m'exaltait encore plus. J'avais pris froid en route, j'avais une extinction de voix complète, et tout ce que l'on chantait était des morceaux que j'avais le mieux étudiés: j'étais tourmentée de ne pouvoir y participer. Je leur disais: «Encore, encore, songez que je n'entendrai jamais plus de musique». Pouchkine, notre grand poète, était là, je le connaissais depuis longtemps. Il avait été accueilli par mon père lors des persécutions de l'Empereur Alexandre I contre lui pour des poésies jugées incendiaires. Papa s'intéressa à ce pauvre jeune homme doué d'un si

grand talent, et le prit dans le temps avec nous aux eaux du Caucase, sa santé étant fortement ébranlée. Pouchkine ne l'a jamais oublié: lié d'amitié avec mes frères, il nous portait à tous un sentiment de dévouement profond.

Comme poète, il croyait de son devoir d'être amoureux de toutes les jolies femmes et jeunes demoiselles qu'il rencontrait. Je me souviens que pendant ce voyage, non loin de Taganrog, j'étais en voiture avec Sophie, notre anglaise, une bonne russe, une demoiselle de compagnie. En apercevant la mer, nous fîmes arrêter, et voilà que toute la fournée sort du carrosse et se précipite pour la contempler. Elle était couverte de vagues, et ne me doutant pas que le poète nous suivait, je m'amusais à courir après la vague et à la fuir quand elle venait sur moi; elle finit par me baigner les pieds. Je me gardai bien de le dire et je rentrai en voiture. Pouchkine trouva ce tableau si gracieux qu'il en fit de charmants vers poétisant un jeu d'enfant; je n'avais que 15 ans alors:

«Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

Plus tard, dans le poëme: «La Fontaine de Bachtchisarai», il dit:

«...ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе ночи .

Dans le fait il n'adorait que sa Muse, et prêtait de la poésie à tout ce qu'il voyait. Mais à l'époque de l'exil volontaire des femmes des détenus en Sibérie, il était plein d'enthousiasme réel: il voulait me confier son «Посланіе къ узникамъ» pour le remettre à ces Messieurs, mais je partis dans la nuit, il le confia à Alexandrine Mouravieff, et le voici:

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

* * *

Несчастью вѣрная сестра—
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора.

* * *

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

* * *

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ .

Réponse du prince Odoïevsky, détenu politique, condamné aux travaux forcés:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

* * *

Но будь спокоенъ, Бардъ,—цѣпями
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

* * *

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя .

Pouchkine me disait: «J'ai le projet de faire un ouvrage sur Pougatcheff. J'irai sur les lieux, je passerai l'Oural, je pousserai plus loin et viendrai vous demander asile dans les mines de Nertchinsk». Il fit son bel ouvrage admiré de tous, mais il ne vint pas dans nos régions.

Ma soeur Orloff était venue pour me dire adieu à Moscou; son mari, l'un des chefs de la Société, était pour lors tranquillement établi à la compagne: le comte Orloff, son frère, l'avait sauvé, tant par les réponses qu'il lui faisait faire aux papiers qu'il recevait en prison, que par la faveur dont il jouissait auprès de Sa Majesté. Je faisais mille questions sur l'affaire à ma soeur, elle me répondait évaisivement; ce qui me tourmentait le plus, c'était que j'avais lu dans l'imprimé de la condamnation que mon mari avait fabriqué un faux cachet pour ouvrir les paquets du Gouvernement. Je demandais à ma soeur les larmes aux yeux: «Est-il vrai que Serge ait été faussaire?» Elle me répondit que c'étaient des bêtises et tâcha de me calmer, mais ne m'expliqua rien; elle craignait probablement que je n'en parlasse avant mon départ, et m'a avoué que c'était pour sauver son mari que Serge avait ouvert, non pas un papier, mais une lettre, y étant presque autorisé par Kisséleff, auquel elle était adressée. Voici comment la chose s'est passée. L'année 1822 il y avait eu des désordres dans la 16 division commandée par Michel Orloff, dont l'entourage était peu prudent dans ses discours aux élèves des écoles, d'après la méthode de Lancastre, que Michel avait introduite en Russie. Toutes ces paroles imprudentes et intempestives se transmettaient aux sous-officiers et soldats, il en résulta un acte d'insubordination dont on fit un rapport à l'Empereur Alexandre I, qui ordonna de faire une enquête. Le général Kisséleff, chef d'Etat-Major de la 2me armée, était très lié avec Michel et Serge; devant partir pour l'étranger à cause de l'état de santé de sa femme, il dit à mon mari: «Je suis fâché de ne pouvoir rester quelques jours de plus. J'attends une lettre concernant l'affaire de Michel. Je vous l'aurais communiquée afin de le prévenir de ce qui arrive». Cette lettre fut remise dès le lendemain à mon mari qui en prit connaissance, la recacheta avec le premier cachet venu et donna à Michel le moyen de préparer ses réponses. Ce trait, non seulement n'est point une action coupable, mais n'est pas même un abus de confiance, vu que Kisséleff tenait à en instruire Otloff.

Mais revenons à mon voyage; ma soeur, me voyant partir sans pelisse, s'en effraya, et ôtant son manteau fourré de dessus ses épaules, elle le mit sur les miennes, de plus elle me donna des livres, des laines, des dessins. J'ai dû rester deux jours à Moscou, ne pouvant me refuser à voir les parents de nos exilés, qui m'apportaient des lettres pour eux et tant d'envois, que je dus prendre un second kibitka pour les emporter avec moi. Je quittai Moscou le coeur serré, mais non découragé. Je n'avais avec moi qu'un domestique et une femme de chambre prise le veille, которая все «по паспорту ходила» et s'est trouvée être fort peu recommandable. J'allais nuit et jour, ne m'arrêtant et ne dînant nulle part, je prenais tout simplement du thé là, où je trouvais le samovar tout prêt, l'on me donnait un morceau de pain ou de n'importe quoi en équipage, ou bien un verre de lait, et tout était fini. Je dépassai un jour une chaîne de forçats dans une forêt: ils étaient dans la neige jusqu'à la ceinture, le chemin d'hiver n'étant pas frayé encore; leurs figures étaient repoussantes de malpropreté et de misère. Je me disais: «Est-ce que Serge est aussi exténué, aussi barbu et les chaveux en désordre?

J'arrivai à Kazan dans la soirée: c'était la veille de l'an. On me fit descendre, je ne sais pas pourquoi, dans un hôtel; la maison de la Noblesse était dans la même cour, les salons en étaient brillamment éclairés, et je voyais les masques entrer pour le bal. Je me disais: quel contraste! ici l'on va danser, s'amuser, et moi je vais dans un gouffre. Tout est fini pour moi: plus de chant, plus de danse. Cet enfantillage de ma part est pardonnable à mon âge, je venais à peine d'avoir 21 ans. Je fus troublée dans mes pensées par l'entrée d'un agent du gouverneur militaire, qui m'avertissaist que je ferais mieux de retourner sur mes pas, vu que la princesse Troubetskoy, qui me précédait, avait dû s'arrêter à Irkoutsk (on ne la laissait pas aller plus loin), et que ses effets avaient été visités. Je lui répondis que j'avais pris mes précautions et qu'on me laisserait passer, vu que j'en avais la permission de S. M. l'Empereur. Cela me fait souvenir que pour m'em-

pêcher de partir ma soeur Orloff me disait: «Qu'allez-vous faire? votre mari s'est peut-être adonné à la boisson, il s'est abruti!»—«Raison de plus pour moi de partir», lui ai-je répondu.

Je me remis en route: le temps était affreux, l'aubergiste me dit qu'il serait plus prudent d'attendre, que la chasse-neige allait venir.

Je pensai que j'aurais bien autre chose à braver en Sibérie. Je fis baisser la порожа attachée au bout du kibitka, et me voila partie. Mais je ne connaissais pas les chasse-neige des steppes; la neige s'amoncelait sur notre couverture, nous avions une montagne entre le cocher et nous. Je fis sonner ma montre: il était minuit: m o n n o u v e l a n, m o n r e v e i l l o n! Je me tournai vers ma femme de chambre pour lui souhaiter la bonne année, n'ayant personne d'autre à qui le dire, mais elle était de si mauvaise humeur, je trouvai sa mine si repoussante que je m'adressai au ямщикъ (postillon): «Съ новымъ годомъ тебя поздравляю!»; et ma pensée se reporta vers mes parents, ma jeunesse, mon enfance. Combien ce jour était fêté de tout temps chez nous, que de joies, que de plaisirs! Et mon pauvre Serge, que fait il? La triste réalité m'apparut dans toute sa gravité, je ne pensais plus qu'à mon mari. Les chevaux n'allaient plus, le cocher me dit que nous avions perdu notre chemin, qu'il fallait descendre pour trouver un asile. Fort heureusement la cabane (зимовье) d'un bûcheron était à côté, nous y entrâmes; je fis faire un grand feu, du thé pour les gens, et j'attendis le jour pour suivre ma route. J'allai ainsi pendant 15 jours, tantôt chantant, tantôt récitant des vers, sans rien rencontrer d'intéressant; je ne voyais rien du pays que je traversais, le froid était intense et le kibitka couvert. Un soir mon domestique me dit que nous approchions d'une station, je fis ouvrir et je vis de grands feux au milieu d'un village, c'était des bûchers (костры) que l'on entretenait pour donner la possibilité à une foule de gens de se réchauffer; femmes, enfants, soldats, paysans, tous se groupaient autour. Je demandai: «Qu'est-ce?»—«C'est la caravane d'argent (серебрянка) qui

arrive de Nertchinsk». Me voilà enchantée, j'aurai des nouvelles de mon mari. Je vais à la maison de poste et me fais donner du thé pour avoir une contenance; je vois entrer l'officier qui conduisait la caravane; il n'ôte pas son bonnet, ne quitte point sa pipe et lance des bouffées d'un tabac détestable; son sac à tabac graisseux était pendu au bouton de son surtout. Malgré son apparence grossière, je lui demande où se trouvent les prisonniers d'Etat? il me toise du regard et me dit en se détournant pour sortir: «Je ne les connais pas et ne veux pas les connaître». (C'était un nommé Fitinhoff, enfermé plus tard pour moeurs infâmes au couvent de Solovetsky). Alors un de ses soldats, confus pour son chef, s'approche de moi et me dit à voix basse: «Je les ai vus, ils se portent bien et sont dans le pays de Nertchinsk, dans les mines de Blagodatsk». Le brave homme s'est montré plus humain et plus délicat que son chef. Mon voyage n'offrit plus aucun incident, si ce n'est que les chevaux s'emportèrent à la descente de la plus haute montagne de l'Altaï. Je sautai dans le neige sans me faire le moindre mal.

Irkoutsk.

Arrivée à Irkoutsk, capitale de la Sibérie Orientale, je trouvai la ville jolie, le site fort beau, la rivière superbe, quoique couverte de glaces. J'allai avant tout à la première église qui se présenta à mon regard, pour y faire dire un Te Deum d'actions de grâces. Le prêtre qui officiait était justement celui qui plus tard devint le chapelain de notre prison. Rentrée chez moi, ma surprise, mon ravissement étaient au comble. Je vis un piano que ma chère Zénéide Wolkonsky avait fait attacher derrière mon kibitka à mon insu. Cette surprise m'était précieuse, car il n'y avait qu'un seul piano à cette époque à Irkoutsk, et c'est au gouverneur qu'il appartenait. Je me mis à jouer, à chanter, je ne me sentais plus si seule. Le logement où je me trouvais était justement

celui que Catache avait quitté le jour même pour aller au Transbaïkal. Le gouverneur civil, Mr Zeidler, vieil allemand, vint me voir de suite pour m'endoctriner, m'engager à retourner en Russie. Il en avait reçu l'ordre. Sa Majesté voyait d'un mauvais oeil le départ de nous autres jeunes femmes, cela jetait trop d'intérêt sur les pauvres exilés. Comme il leur était défendu d'écrire à leurs parents, on espérait que ces pauvres gens seraient bientôt oubliés en Russie, tandis qu'il était impossible de nous défendre, à nous, d'écrire, et par là même d'entretenir les relations de parenté.

Le gouverneur, me voyant bien décidée à partir, me dit: «Songez donc aux conditions que vous allez signer».—«Je le ferai sans les lire».—«Je dois faire visiter tous vos effets, il y a défense pour le moindre objet de prix». Sur quoi il partit, et m'envoya une nuée de tchinovniks. Ils n'eurent pas grand'chose à inscrire: un peu de linge, trois robes, des portraits de famille et une pharmacie portative; puis ils ouvrirent les caisses d'envois. Je leur dis que tout cela était pour mon mari, puis on me présenta le fameux papier à signer, ils me dirent d'en garder copie pour m'en bien souvenir. Quand ils furent partis, mon domestique, qui l'avait lu, me dit les larmes aux yeux: «Princesse, qu'avez-vous fait, lisez donc ce que l'on exige de vous?»—«Cela m'est égal, emballons vite et partons».

Voici la traduction du papier:

§ 1.

«La femme qui a suivi son mari en Sibérie et continue de vivre conjugalement avec lui, doit nécessairement partager son sort. Elle renonce par là à tous les droist de sa position première et ne sera plus considérée que comme la femme d'un forçat exilé. Elle doit supporter tout ce que cette

position a de pénible, vu que même les autorités ne seront pas en état de la défendre contre les insultes et les avances incessantes de gens dépravés faisant partie de la classe la plus méprisable, qui croiront avoir le droit d'outrager et même de violer la femme d'un criminel d'Etat partageant leurs propres sorts. Les criminels endurcis ne craignent pas les punitions.

§ 2.

Les enfants, nés de cette union en Sibérie, doivent être inscrits dans la catégorie des paysans de la Couronne.

§ 3.

Aucune somme d'argent ni aucun objet de prix ne peut être gardé; cela est défendu par l'ordre établi, et c'est même nécessaire pour la conservation des personnes, vu que ces contrées sont peuplées de gens prêts à toute espèce de crimes.

§ 4.

On perd aussi tout droit sur les serviteurs serfs que l'on a amené avec soi».

Aprèr avoir réparé le désordre que les **t c h i n o v n i k s** avaient mis dans mes effets, et fait réemballer le tout, je songeai qu'il me fallait une feuille de route. Le gouverneur, depuis la signature du papier, ne daignait plus venir chez moi, c'était à moi de faire antichambre. J'y allai, et l'on me donna un passeport au nom du cosaque qui devait me conduire, le mien restai en blanc, съ будущимъ.

Je trouvai en entrant chez moi Alexandrine Mouravieff (née Tchernicheff), établie dans ma chambre: elle venait d'arriver. Partie à quelques heures de distance, je la précédais de huit jours. Nous prîmes, tant en riant qu'en pleurant, notre thé ensemble, il y avait sujet à tout, car nous étions entourées de carricatures, les mêmes **t c h i n o v n i k s** étant revenus pour visiter ses effets. Je partis en véritable courrier. J'étais fière de n'avoir mis que 20 jours pour arriver é Irkoutsk.

Je traversai de nuit le Baïkal par un froid vraiment féroce, la larme gelait à l'oeil, la respiration semblait se glacer. Je ne trouvai plus de neige à Verkhnéoudinsk, petite ville de district; le sol y est si sablonneux qu'il absorbe toute la neige; c'est le même cas à Kiachta, ville sur la frontière chinoise, il y fait un froid horrible mais point de traînage. Je m'arrêtai chez le colonel Alexandre Mouravieff, exilé, mais non dégradé. Sa femme, ses belles-soeurs, me reçurent à bras ouverts; comme il se faisait tard, on exigea de moi de passer la nuit chez eux; le lendemain je pris deux télégas de poste, j'y fis placer mes effets, j'abandonnai les kibitkas et me voilà partie.

L'idée d'aller en перекладная (charriot de poste), m'amusait beaucoup; ma joie se calma quand je me sentis secouée à en avoir mal à le poitrine. Je faisais arrêter pour respirer librement. J'eus de ce plaisir pendant 600 verstes; avec tout cela j'avais faim, l'on ne m'avait pas prévenue que je ne trouverais rien aux stations, elles étaient tenues par des Bouriates, ne mangeant que de la viande crue ou séchée ou salée, et ne prenant que du thé de briques, avec de la graisse fondue. Enfin j'arrivai à Biankino chez un riche marchand, qui me choya: il m'avait préparé un festin et me

traitait avec les plus grands égards. Je tombais de sommeil, lui répondant par monosyllabes: je m'endormis sur le canapé. J'arrivai le lendemain au grand Zavod de Nertchinsk, chef lieu du directeur ou chef de mines. J'y rattrapai Catache, partie huit jours avant moi. C'était un grand bonheur pour nous que de nous retrouver, j'étais heureuse d'avoir une compagne avec laquelle je pouvais échanger mes idées. Nous nous soutenions l'une l'autre. Jusque là je n'avais eu que la société de ma repoussante femme de chambre. J'appris que mon mari était à 12 verstes de là dans les mines de Blagodatsk. Catache, ayant signé un second papier, prit les devants pour avertir Serge de mon arrivée. Après que d'ennuyeuses formalités furent remplies, Bournacheff, directeur des mines, me fit signer un papier comme quoi je consentais à ne voir mon mari que deux fois la semaine en présence d'un officier et d'un sous-officier, à ne jamais lui porter de vin ni de bière, à ne jamais quitter le village sans l'autorisation d'un t c h i n o v n i k chef de la prison, et je ne sais plus quelles autres conditions; et c'est après avoir quitté mes parents, mon enfant, mon pays natal, après avoir fait six mille verstes et signé un papier par lequel je renonçais à tout et même à la protection des lois, que je m'entendais signifier que même celle de mon mari m'était refusée. Les criminels d'Etat devaient donc subir toute la rigueur des lois comme de simples forçats, mais ne pas jouir de la vie de famille accordée aux plus grands criminels et malfaiteurs. Je voyais ces derniers rentrer chez eux à peine leur tâche finie, sortir, s'occuper de leurs affaires; ce n'est qu'après une récidive de crime qu'on les mettait aux fers et en prison, tandis que nos maris furent enfermés et enchaînés dès le premier jour de leur arrivée. Bournacheff, frappé de ma stupeur, me proposa de partir le lendemain de grand matin pour Blagodatsk, ce que je fis; il me suivait dans son traineau.

Les mines de Blagodatsk.

Ce village ne consistait qu'en une seule rue, entourée de montagnes plus ou moins percées par les fouilles qu'on y avait faites pour l'exploitation du plomb qui contient le

minerai d'argent. Le site serait beau, si l'on n'avait abattu tout ce qu'il y avait de forêts à 50 verstes à la ronde, de peur que les forçats ne s'y refugient dans leur fuite; les buissons même étaient coupés, le paysage était triste en hiver.

La prison était aux pieds d'une haute montagne, c'était une caserne abandonnée, peu spacieuse, sale, dégoûtante. Trois soldats et un sous-officier montaient la garde intérieure, ils n'étaient jamais changés. Plus tard on fit mettre douze cosaques et un sous-officier dans le corps de garde extérieur.

Elle contenait deux pièces, séparées par un grand vestibule froid. L'une était occupée par des malfaiteurs qui avaient déjà fui. Rattrapés bientôt après, on les gardait aux fers. L'autre était destinée à nos prisonniers d'Etat; l'entrée de la chambre appartenait aux soldats et sous-officier, qui fumaient leur horrible tabac et ne se souciaient nullement de la propreté de l'habitation. Le long des murs de la chambre se trouvaient des espèces de chenils ou de cellules en planches affectées aux prisonniers, on montait deux degrés pour y entrer. Celle de Serge n'avait que trois archines de long et deux de large: c'était bas à ne pouvoir s'y tenir debout; il la partageait avec Troubetskoy et Obolensky. Ce dernier, n'ayant pas de place pour son lit, fit mettre des planches fixées au mur au-dessus de celui de Troubetskoy. C'était donc de petites prisons dans la prison même. Bournacheff me proposa d'entrer. Je ne vis rien au premier moment tant il faisait sombre; on ouvrit une petite porte à gauche, et je montai dans la cellule de mon mari. Serge se précipita vers moi; le bruit de ses chaînes attira mon attention. Je ne le savais pas aux fers. Cette détention si rigoureuse me fit comprendre tout ce qu'il devait souffrir. La vue de ses fers m'exalta, m'attendrit au point que je m'agenouillai devant lui, j'embrassai ses chaînes d'abord et lui ensuite. A cette vue Bournacheff qui se tenait sur le pas de la porte, ne pouvant entrer vu le peu d'espace, resta tout ébahi du respect et de l'admiration que je témoignais à mon mari, lui qui le tutoyait et le traitait de forçat.

En effet, que l'on considère les convictions de ces Messieurs de folie et de rêve politique, toujours est-il juste de

dire que celui qui sacrifie sa vie pour ses convictions, mérite l'estime de ses compatriotes. Кто кладетъ голову свою на плаху за свои убѣжденія, тотъ истинно любитъ отечество, хотя можетъ-быть и преждевременно затѣялъ дѣло свое.

Je tâchais d'être gaie; sachant mon oncle Davidoff derrière la choison, j'élevai la voix pour m'en faire entendre et lui donner des nouvelles de sa femme et de ses enfants. L'entrevue terminée, j'allai me loger dans la même maison de paysan que Catache. Elle était si peu spacieuse qu'en me couchant par terre sur mon matelas, ma tête touchait le mur et mes pieds la porte. Le poêle fumait, on ne pouvait chauffer quand il faisait du vent dehors, point de vitres aux fenêtres, mais du mica.

Le régime de la prison était d'aller au travail tous les jours excepté le Dimanche, dès les 5 heures du matin jusqu'à 11: la tâche était de troi pouds pour chacun.

C'est ici le moment de dire combien le Gouvernement se trompe sur notre bon peuple russe. On m'avait avertie à Irkoutsk que je courrais risque d'être insultée, assassinée aux mines, et que les autorités du lieu ne seraient pas à même de me défendre, vu que ces malheureux ne craignaient plus les punitions. J'étais maintenent au milieu de ces gens appartenant à la dernière classe des hommes, et cependant ils nous entouraient de respect; je dirai plus, ils nous portaient un véritable culte, à Catache et à moi, et ne nommaient pas autrement nos détenus que «nos princes», «nos maîtres», et quand ils étaient au travail ensemble, ils voulaient faire la tâche pour eux; ils leur apportaient des pommes de terre brûlantes, cuîtes sous la cendre. Ces malheureux, après avoir fini leurs années de travaux forcés et subi la peine de leurs crimes, revenaient pour la plupart à de bons sentiments, travaillaient pour eux-mêmes et devenaient de bons pères de famille, et même des commerçants. Vous n'en trouveriez pas beaucoup d'aussi honnêtes sortis des bagnes en France et des pontons en Angleterre.

Le lendemain de mon arrivée à Blagodatsk, je me levai

à la pointe du jour et j'allai me promener dans le village, m'informant du lieu de travail de mon mari. Je vis une porte comme pour entrer sous terre dans une cave, et un gardien armé d'une hallebarde à côté. On me dit que c'était par là que ces Messieurs entraient. Je demandai si on pouvait les voir à l'ouvrage, le brave homme s'empressa de m'offrir un cierge, espèce de torche, et je me hasardai avec un autre, son supérieur, dans ce labyrinthe sombre. Il y faisait assez doux, mais un air renfermé qui fatiguait la poitrine. J'allais vite et j'entendais une voix qui me criait d'arrêter. Je compris que c'était l'officier, qui ne voulait pas me laisser parler aux prisonniers. J'éteignis ma torche et me mis à courir, car je voyais des points lumineux dans le lointain. C'étaient ces Messieurs au travail sur une petite élévation; ils me descendirent une échelle, je grimpai, on la retira après moi, de sorte que je pus voir les camarades de mon mari et leur donner des nouvelles de Russie, leur remettre les lettres que j'avais pour eux. Mon mari n'était pas là, ni Obolensky, ni Yakoubovitch, ni Troubetskoy. Je vis Davidoff, les deux Borissoff et Artamon Mouravieff. Ces Messieurs étaient les huit premiers envoyés de Russie, et les seuls qui eussent été aux usines de Nertchinsk. En attendant, l'officier perdait patience en bas: il m'appelait; enfin je descendis, et depuis lors défense expresse de laisser entrer les dames dans les souterrains. Artamon Mouravieff avait nommé cette scène ma «descente aux enfers».

Notre arrivée, à Catache et à moi, avait fait un bien immense aux détenus. N'ayant pas la permission d'écrire, ils étaient privés des nouvelles de leur famille et de tout secours pécuniaire. Nous écrivions pour eux, et dès lors ils reçurent léttres et envois. Cependant nous manquions d'argent: je n'avais apporté que 700 roubles assignats. Le restant de mon avoir était dans les mains du Gouverneur. Catache n'avait plus rien. Nous nous mîmes au régime: une soupe et un gruau, voilâ notre ordinaire; plus de souper. Carache, si habituée la table recherchée de son père, mangeait un morceau de pain noir et l'arrosait de kvas. C'est ainsi qu'un gardien de

la prison la trouva soupant et le redit à son mari. Nous avions l'habitude d'envoyer à dîner à ces Messieurs. Il fallait renouveler leur linge. Je vois encore Catache, un livre de cuisine à la main, leur faisant des plats, des sauces. Dès que ces Messieurs apprirent notre gêne, ils ne voulurent plus de notre dîner; les soldats de la prison, tous bonnes gens, se chargeaient de leur nourriture. C'était fort à propos, car nos femmes de chambre étaient devenues trés récalcitrantes: elles ne voulaient nous aider à rien, leur conduite devint éhontée, elles se liérent avec les sous-officiers et les cosaques de la prison; les autorités en prirent ombrage et exigèrent leur renvoi. Je ne puis dire avec quel sentiment de tristesse nous les vîmes prendre le chemin de la Russie; les prisonniers étaient tous aux fenêtres suivant l'équipage des yeux. Chacun se disait: «Ce chemin est muré pour moi». Nous restâmes sans nos soubrettes, je balayais, je rangeais la chambre, je coiffais Catache et je vous assure que tout allait mieux dans notre ménage.

Quand le dégel commença, je remarquai que le malheureux forçats non mariés et vivant en commun dans une caserne se tenaient assis hors de leur demeure et regardaient au loin. J'en demandai la raison, on me répondit qu'à l'approche du printemps, il leur prenait envie irrésistible de fuir et qu'ils voyaient toujours avec joie la fonte des neiges; n'ayant pas de pelisses, ni de bottes chaudes, ils ne pouvaient s'aventurer en hiver, mais au printemps une grande partie d'entre eux fuyait; quelques-uns parvenaient jusqu'en Russie. Jamais trahis, ils y finissaient leurs jours.

Les premiers temps, nos promenades avec Catache se bornaient au cimetière du village, et nous nous demandions: «Serons-nous enterrées ici»? et cette idée était si désespérante que nous finîmes par ne plus aller de ce côté-là. Dans la belle saison nous faisions 10 à 15 verstes à pied. Notre passe-temps favori était de nous mettre sur une pierre vis-à-vis de la fenêtre de la prison, je causais de là avec mon mari, assez haut, car c'était d'assez loin. Ce qui me gênait beaucoup, c'est que je voyais sortir de la prison des malheureux allant puiser de l'eau ou prendre du bois; ils étaient sans chemise, rien

que l'abit indispensable. J'achetai de la toile et leur fis faire du linge. Notre argent était déposé chez le chef des mines, nous étoins tenues, Catache et moi, d'aller à tour de rôle au grand Zavod pour présenter le compte de notre dépense journalière. J'allais en charrette avec mon domestique, mais convenablement mise, en chapeau de paille avec un voile. Nous étions toujours soignées, Catache et moi, dans notre habillement, car il ne faut jamais s'abattre ni se laisser aller, dans ce pays surtout où grâce à notre costume on nous voyait de loin. On nous abordait avec respect; je revenais avec mes provisions, quelquefois même assise sur un sac de farine; l'on ne m'en respectait pas moins, et les gens du peuple me saluaient toujours. Pour faire diversion, j'imaginai d'aller à cheval; je pris le cheval d'un cosaque, je fis ajouter une corne à sa selle et je partis toute joyeuse, accompagnée de mon domestique, pour présenter mes comptes à Bournacheff. Il les lisait toujours avec attention, et cette fois il se fâcha tout rouge en disant: «Vous n'avez pas le droit de distribuer des chemises; vous pouvez soulager l'indigence en donnant 5 ou 10 sous à des mendiants, mais non habiller des gens appartenant à la Couronne».—«Alors, monsieur, faites-les habiller vous-même, car je ne suis pas habitée a voir marcher des hommes presque nus dans les rues». «Allons, ne vous fâchez pas, Madame, du reste vous êtes franche comme un enfant, j'aime mieux cela, car votre compagne finasse toujours avec moi». Avec son gros bon sens il l'avait compris, Catache ayant beaucoup de finesse d'esprit. Je mis fin à la conversation, disant que je devais partir, ne voulant pas m'attarder à cheval dans les montagnes.—«Comment! vous êtes à cheval?» Et le voilà qui me suit. Il n'avait jamais vu de selle de dame et m'en témoigna tout son etonnement, car les femmes du pays montaient toujours à califourchon.

Depuis lors je faisais de longues promenades, je me donnais le plaisir de mettre mes pieds en Chine, nous n'étions en ligne directe qu'à 12 verstes de la frontière. Tous les ans les habitants de Blagodatsk allaient à certains jours à la

frontière, pour l'échange de leurs modestes denrées contre du thé de briques et du millet. Cette contrebande a longtemps subsisté, et soutenait ces pauvres gens qui n'auraient jamais eu de quoi payer la douane.

Comme je vous l'ai dit, je n'allais que deux fois par semaine voir mon mari; dans l'intervalle de ces entrevues il se passa un événement qui nous effraya et nous attrista beaucoup. Monsieur Rick, petit officier des mines, auquel la surveillance de la prison était confiée, imagina un surcroît de peine pour ces Messieurs. Il exigea qu'à peine rentrés du travail, au lieu de se laver, de s'habiller et de dîner ensemble, chacun rentrât dans sa cellule et y mangeât ce qu'on lui donnerait. De plus il fit des économies et ne leur donna plus de chandelles. Or rester sans lumière depuis 3 heures de l'après midi jusqu'à 7 heures du matin, en hiver, dans une espèce de cage où l'on étouffait, c'était une véritable torture; de plus toute conversation d'une cellule à l'autre fut interdile. Ces Messieurs se concertérent, et sachant combien les geôliers craignent que les détenus confiés à leur garde n'attentent à leurs jours, ils résolurent de n'accepter aucune nourriture afin d'effrayer Rick. Voilà qu'ils restent tout un jour sans manger; le dîner, le souper sont renvoyés intacts; le second jour, même histoire. Monsieur Rick en perd la tête. Il expédie vite un rapport comme quoi les prisonniers d'Etat sont en pleine révolte et veulent se laisser mourir de faim. C'était encore en hiver, quelques jours aprés mon arrivée. Je ne me doutais de rien, Catache non plus. Grand fut notre étonnement de voir arriver Bournacheff avec sa suite. Ils s'arrêtèrent dans la maison à côté de nous. Les habitants du lieu se rassemblèrent autour. Je demandai à une femme ce que cela voulait dire, elle me répondit: «On va juger les Messieurs qui sont au secret». (Секретныхъ судить будутъ). Et je vois avancer lentement mon mari et Troubetskoy escortés de soldats. Catache, qui perdait facilement la tête, me dit que Serge avait les mains attachées derrière le dos. Il n'en était rien, je savais qu'il avait l'habitude de marcher ainsi. Je la vois courir vers un soldat des mines qui se tenait là, elle revient avec un visage

satisfait et me dit: «Soyons tranquilles, rien ne peut arriver, je viens de demander à un soldat si on avait p r é p a r é d e s b a t o n s, il m'a dit que non».—«Catache, qu'avez-vous fait? il ne faut pas que nous admettions une idée semblable». Mon mari avançait toujours, je m'agenouillai dans la neige pour le supplier de ne pas s'emporter, il me le promit. Bournacheff (comme je l'appris plus tard) prit un air sévère et dur en leur parlant, les menaçant du knout s'ils se révoltaient, et après un long monologue, les laissa s'expliquer. Serge lui dit que personne ne songeait à se révolter, mais que Monsieur Rick les enfermait, à peine rentrés du travail, dans leur cellule sans lumière, ne leur permettant pas de prendre leur repas ensemble; or ces cellules étaient basses et sombres, on ne pouvait s'y tenir debout. Je vis repasser mon mari avec un air calme et il me dit: «Все вздоръ», et me tranquillisa en me disant que tout irait bien. Ensuite on amena les autres il leur fut facile de parler après que Serge les eût avertis des questions qu'on leur ferait. Quand tous furent partis, nous entrâmes avec Catache chez Bournacheff, et je lui demandai tout simplement la cause de tout cela. Il me dit: «Ce n'est rien, ce n'est rien, mon officier a fait un éléphant d'une mouche». Toutefois on voyait qu'il avait partagé la frayeur de Rick, car il ordonna d'ouvrir de suite les cellules, de laisser nos Messieurs passer leur temps comme ils l'entendaient dans l'intérieur de la prison, et de leur donner de la lumière le soir. Quelque temps après, Monsieur Rick fut renvoyé et remplacé par Monsieur Résanoff, brave et digne homme, avancé en âge. Il venait jouer aux échecs en prison, il menait ces Messieurs à la promenade quand le beau temps fut venu; c'était des excursions de plusieurs heures, pendant lesquelles les frères Borissoff, grands naturalistes, herborisèrent et firent une collection d'insectes et de papillons.

Outre notre prison, il y en avait une autre où se trouvaient ceux des malfaiteurs qui avaient fui à plusieurs reprises et commis des brigandages. Leurs fets étaient beaucoup plus pesants et leur travail plus fort. Le fameux brigand Orloff se trouvait parmi eux; c'était un héros dans son genre.

Il n'attaquait jamais les pauvres gens; c'était aux marchands et surtout aux t c h i n o v n i k s qu'il en voulait, et ils s'était même donné le plaisir d'en fouetter plusieurs. Cet Orloff avait une voix magnifique, il avait formé un choeur avec ses camarades de détention, et au coucher du soleil je les entendais chanter avec une justesse et une expression vraiment étonnante; il y avait surtout un air profondément triste que je leur entendais répéter souvent: «Воля, воля дорогая». C'était leur unique distraction; entassés dans une prison étroite, sombre, ils ne la quitaient que pour les travaux forcés. Je les aidais autant que j'en avais les moyens, et j'encourageais leurs chants en m'asseyant tout près de leur triste habitation. Voilà que j'apprends un jour qu'Orloff avait fui. Toutes les recherches pour le trouver furent inutiles. Comme je me promenais un jour du côté de notre prison, je vois un forçat qui me suit, c'était jadis un brave hussard; il me dit à voix basse: «Princesse, Orloff m'envoie vers vous, il est caché au haut de ces montagnes, dans ces rochers au-dessus de votre maison; il y demeure depuis longtemps et vous prie de lui envoyer de l'argent pour s'acheter une pelisse, les nuits sont déjà froides». Je fus toute effrayée par cette révélation; cependant comment laisser ce pauvre homme sans secours? Je rentrai à la maison, je pris 10 roubles, j'avais dit prélablement à l'ex-hussard de ne pas me suivre, mais de remarquer l'endroit où je me baisserais dans ma promenade pour y déposer l'argent sous une pierre. Il ne manqua pas de faire ce que je lui avais dit et trouva l'argent de suite. Quinze jours plus tard, j'étais seule dans ma chambre, Catache n'était pas rentrée de son entrevue, je chantais au piano, il faisait assez sombre, je vois entrer quelqu'un de très grande taille, il se mit à genoux sur le seuil de la porte. Je m'approche de lui, c'était Orloff en pelisse avec deux coutelas à sa ceinture. Il me dit: «Je viens encore à vous, donnez-moi quelque chose, je n'ai plus de quoi vivre. Dieu vous le rendra, Votre Altesse»! Je lui donnai cinq roubles, lui disant de sortir au plus vite. Catache, au retour de la prison, s'effraya beaucoup de cette apparition, et il y avait de quoi, comme vous allez le voir. Je m'étais couchée

tard pensant toujours à ce brigand qui pouvait être pris et alors Bournacheff n'aurait pas manqué de répéter sa phrase: «Vous voulez soulever les forçats». Au milieu de la nuit j'entends des coups de fusil, je réveille Catache, et nous envoyons à la prison pour des renseignements. Tout y était tranquille. Tout le village est bientôt sur pied, et l'on apprend que les бѣглые (fuyards) avaient été pris sur la montagne, qu'ils avaient été tous arrêtés à l'exception d'Orloff, lequel avait fui par la cheminée ou plutôt par l'ouverture qui laissait passer la fumée. Ce malheureux au lieu de s'acheter du pain, s'était amusé à boire avec ses camarades, fêtant leur délivrance. Le lendemain, grande distribution de coups de плети pour savoir qui leur avait donné l'argent pour acheter l'eau-de-vie; personne ne me nomma: le hussard aima mieux s'accuser d'un vol que de trahir mes bienfaits, comme il me l'a conté plus tard. Que de reconnaissance et de dévoument parmi ces gens que l'on m'avait dépeints comme des monstres!

Nous étions au grand carême, nos détenus ne purent obtenir la visite d'un prêtre, et comme il n'y avait pas d'église dans le village, je me décidai avec Catache à aller au Grand Zavod pour y faire nos Pâques. Cela nous prit quatre jours. Nous passâmes tristement les fêtes, n'ayant d'autre distraction que d'aller nous mettre sur la pierre non loin de la prison. Je jouais aussi avec les petits enfants du village. Je leur racontais l'histoire sainte, ils m'écoutaient avec adoration. Voilà qu'un matin la porte s'ouvre, et nous voyons entrer un t c h i n o v n i k tout à fait ivre qui nous souhaite la bonne fête (Христосъ воскресъ), et s'avance vers nous pour nous embrasser, selon l'usage du peuple. Tout en lui répondant que cela ne se faisait pas en Russie, je me mets derrière une chaise et en la tenant j'avance derrière la porte que j'ouvre. Mon domestique entra, tandis que Catache causait avec le Monsieur, qui se trouvait être le maître de poste. Ефимъ lui dit que le déjeuner l'attendai chez le chef de la prison: il partit de suite, ne voyant rien sur notre table. Le jour suivant, Catache alla à la messe au Grand Zavod et entra

chez un marchand où on nous avait dit de nous arrêter toujours, car c'était l'espion de Bournacheff. La dame du logis avait beaucoup de monde à dîner, elle engage Catache à se mette à table; refuser serait faire une offense cruelle, l'hospitalité étant la première vertu des Sibériens. Catache se résigne, et par contenance elle veut causer avec son voisin qui n'est autre que notre maître de poste. Elle lui dit: «Nous sommes d'anciennes connaissances, n'est-ce-pas?» «Pas du tout, car je ne suis entré chez vous que parce que j'étais ivre» (я былъ у васъ въ пьяномъ видѣ). Voilà Catache tout-à fait décontenancée, elle ne cause plus qu'avec la maîtresse de la maison et s'en va aussitôt le dîner fini.

Il était défendu (à l a G r a n d e U s i n e) non seulement de nous voir, mais encore de nous saluer; tous ceux que nous rencontrions se sauvaient dans une reulle ou détournaient les yeux. Nos lettres étaient remises ouvertes à Bournacheff, envoyées à la Chancellerie du Commandant et ensuite à celle du Gouverneur civil à Irkoutsk, puis à Pétersbourg, à la III-me section de la Chancellerie de S. M., de sorte quelles mettaient un temps infini à parvenir à nos parents.

Une nouvelle souffrance vint se joindre à toutes celles que subissaient nos détenus: ils furent assaillis de punaises, mais au point que Troubetskoy s'enduisait le corps de térébenthine et cela n'aidait à rien. Résanoff leur permit de passer la nuit au grenier, cela les en débarrassait pour quelques heures. Quand je rentrais de la prison je faisais secouer mes habits, tant il y en avait sur moi. C'était pour eux presque la punition imposée en Perse aux malfaiteurs, que l'on livre à la piqûre des insectes.

Nous reçûmes enfin des nouvelles d'Alexandrine Mouravieff, qui était installée à Tchitinski Ostrog, autrement dit à Tchita, grand village où se trouvaient déjà son mari et plusieurs autres detenus, amenés comme toujours en charrette de poste, escortés de gendarmes et d'un courrier de cabinet (фельдъегерь). Alexandrine nous apprenait l'arrivée du Commandant Léparsky et de son entourage, et nous communiquait que nous serions tous transférés à Tchita. C'était une grande joie pour

nous que l'idée l'être réunis et de n'être plus sous la juridiction des officiers des mines. Nous faisions nos paquets déjà, quand Bournacheff se fait annoncer; il entre avec sa suite qui se tient tout le temps debout, et me demande si je fais déjà mes préparatifs de voyage, je lui réponds d'un air content que nous étions prêtes.—«Eh bien, ne vous pressez pas, vous ne partirez pas de si tot, les chemins ne sont pas sûrs, la chaîne des malfaiteurs venant de Russie s'est révoltée et ces malheureux font des brigandages». La chose était vraie en partie, il y avait eu insubordination, vu que ces pauvres gens manquaient de tout. Bournacheff ne craignait nullement pour nous, mais pour lui même, s'imaginant que nos Messieurs se joindraient aux malfaiteurs. Enfin au bout de quinze jours nous recevons la permission de partir.

Arrivée et sejour à Tchita.

Nous fîmes acheter deux телѣги ou charriots, l'un pour nous, l'autre pour nos effets, et nous partîmes. Je repassais avec plaisir cete routte maintenant entourée de belles forêts, de fleurs magnifiques. Je m'arrêtai de nouveau chez le riche marchand, qui m'avait tant fêtée. Enfin nous arrivons à Tchita brisées de fatigue et descendons chez Alexandrine Mouravieff. Madame Narichkine et Madame Entaltzeff étaient depuis peu arrivées de Russie. L'on me fit voir de suite, de loin s'entend, les prisons ou ostrogs déjà remplies de monde. Il y en avait trois. C'était des espèces de casernes entourées de palissades, hautes comme des mâts de vaisseaux. L'une des prisons était assez spacieuse, les autres très petites. Alexandrine logeait vis-à-vis de la dernière, dans la maison d'un cosaque, qui avait fait une grande fenêtre au grenier d'une lucarne qui s'y trouvait. Alexandrine m'y conduisit pour m'y faire voir les prisonniers qu'elle me nommait à mesure qu'ils paraissaient dans leur potager. Chacun se promenait avec une pipe ou une bêche à la main, ou bien tenant un livre. Je n'en connaissais pas un; ils avaient l'air calme et même gai, très

proprement mis. Dans le nombre se trouvaient de tout jeune ne pariassant pas avoir plus de 18 à 19 ans, comme Froloff, les frères Bélaeff.

Ces Messieurs allaient au travail, mais comme il n'y avait aucune espèce de mine aux environs,—notre gouvernement etait mal instruit de la topographie de son pays, s'imaginant que la Sibérie en contenait partout —le Commandant inventa d'autres travaux pour ces Messieurs: il leur fit nettoyer des étables, des écuries de la Couronne abandonnées depuis longtemps, comme celles d'Augias dans les temps fabuleux. C'était encore en hiver, bien avant notre arrivée, et quand l'été fur venu, on leur faisait balayer les rues. Mon mari arriva deux jours après nous avec ses camarades et leur suite obligée. Une fois les rues mises en ordre, le Commandant imagina de les faire travailler à des moulins à bras; ces Messieurs devaint moudre telle quantité de farine par jour, punition pratiquée dans les couvents, et qui ne répondait que trop à la vie monastique qu'ils menaient. C'est ainsi que la plupart passèrent 15 années de leur belle jeunesse dans une réclusion forcée, n'ayant été condamnés qu'à l'exil et aux travaux forcés, mais nullement à la prison.

Il fallait chercher un logement pour moi, Mme Narichkine logeait déjà avec Alexandrine. Je pris Mme Entaltzeff chez moi, et à nous trois avec Catache nous occupâmes une chambre dans la maison d'un diacre. Elle était partagée par une cloison. Mme Entaltzeff prit la plus petite pour elle seulle. Cette brave femme avait déjà ses 44 ans, elle ne manquait pas d'esprit, elle avait lu tout ce qui existait en fait de livres russes, sa conversation était agréàble. Elle était dévouée de coeur et d'âme à son bourru de mari, ex-colonel d'artillerie. Catache s'arrangeait de tout, elle qui avait été élevée à la belle maison Laval à Pétersbourg et marché sur les dalles de marbre de Néron, dont sa mère avait fait acquisition à Rome. Elle se passait de tout, mais elle aimait le monde, la causerie; son esprit était fin et très piquant, son humeur douce et agréable.

Maintenant que je suis en train de vous parler de mes

compagnes je vous dirai, qu'Alexandrine Mouravieff était celle que j'aimais le plus; elle avait un coeur aimant, de la noblesse dans toutes ses actions; enthousiaste pour son mari, elle s'en faisait un Dieu et voulait que nous le prissions pour tel. Nikita Mouravieff était froid, sérieux; c'était un homme de cabinet, mais nullement d'action; tout en l'estimant beaucoup, nous ne partagions pas cette admiration. Mme Narichkine était petite, très forte, se donnant des grâces, mais au fond très estimable; on finissait par l'aimer une fois quê l'on s'était habituré à son air fier. Mme Von-Wiesen arriva bientôt après notre installation, elle avait une physionomie tout-à-fait russe, blanche, fraîche, des yeux bleus à fleurs de tête, petite, rondelette. Très maladive, ses insomnies étaient accompagnées de visions, elle criait la nuit au point qu'on l'entendait dans la rue. Tout cela passa une fois aux colonies, mais il lui en est resté la manie de vous fixer et de prédire votre avenir. Cette fantaisie même lui a passé; en rentrant en Russie elle a perdu son mari et s'est remariée à l'âge de 53 ans avec Monsieur Poustchine, parrain de mon fils. Mme Annenkoff, nous est arrivée étant encore Mlle Paul, jeune française; belle femme, d'une trentaine d'années, elle pétillait d'entrain, de gaîté, elle savait ridiculiser son monde à merveille; aussitôt son arrivée, le Commandant lui dit avoir déjà reçu les ordres de Sa Majesté concernant son mariage. On ôta les fers à J. Annenkoff au moment de le mener à l'église, car d'après nos lois il est ordonné de le faire ainsi, et on les lui remit ensuite. Les dames accompagnèrent Mlle Paul à l'église. Elle ne comprenait pas le russe et riait tout le temps avec ses garçons de noce, Svistounoff et Alexandre Mouravieff. Sous cette apparente insouciance il y avait un profond sentiment d'amour pour Annenkoff, qui lui avait fait renoncer à son pays et à sa vie indépendante. Quand elle était venue présenter sa supplique pour aller en Sibérie, Sa Majesté était sur son perron; au moment de monter en calèche il lui demande: «Etes-vous mariée?—«Non, Sire, mais je veux partager le sort de l'exilé». Ellè a été une épouse dévouée, une mère tendre, elle travaillait du matin au soir

tout en conservant son élégance et aussi son langage habituel. L'année suivante Mme Davidoff nous arriva, elle avait avec elle ma femme de chambre Macha, qui avait supplié mes parents de lui permettre de me suivre. Plus tard il nos vint d'autres dames (en tout dix) dont je parlerai plus loin.

Les lettres de Russie nous arrivaient plus exactement, et les envois aussi. Je reçus un charroi de provisions de sucre, vin, huiles, riz et même du porter. C'est la seule fois que j'eus ce plaisir; je compris plus tard d'où venait cette espèce de négligence, c'est que mes parents étaient partis pour l'étranger. Mais Alexandrine, Catache, et Mme Narichkine recevaient annuellement tout ce qu'il leur fallait, de sorte qu'il y avait toujours de vin et des gruaux pour les malades. Bientôt il fut permis d'avoir des entrevues à la maison, et c'est alors que mes provisions arrivèrent; tout fut partagé entre les camarades. La difficulté était de passer le vin, expressément défendu à la prison. Serge en mettait 2 bouteilles dans ses poches pendant les entrevues et les emportait ainsi; comme je n'en avais que cinquante, cela fut vite transporté.

Notre vie était devenue plus tolérable à Tchita; les dames se voyaient entre elles en faisant des promenades hors du village. Les maris avaient retrouvé d'anciens amis. En prison, tout était en commun, les effets, les livres, mais ils étaient bien á l'étroit, c'est à peine s'il y avait une archine entre les lits; le bruit des chaînes, celui de la conversation, du chant, était insupportable à ceux dont la santé faiblissait. La prison était sombre: des fenêtres d'écurie sous le plafond. En été ces Messieurs se tenaient dehors, chacun avait son petit coin de terre à cultiver dans une vaste cour, mais en hiver c'était insupportable. Ils étaient au nombre de 73. Voici leurs noms.

Comme les entrevues n'avaient lieu que deux fois par semaine, nous allions à la grille, une haute palissade formée de grosses poutres mal jointes; on se voyait et on se parlait ainsi; Les premiers temps on le faisait à ses risques et périls, crainte d'être surprise par le vieux Commandant ou bien par ses insupportables aides de camp qui rôdaient autour, on payait

la sentinelle, qui nous prévenait de leur approche. Voilà qu'un jour un soldat des mines se met en devoir de crier contre nous, et non content de cela il donne un coup de poing à Catache. A cette vue je cours chez Mr Smolianinoff chef du village, qui menace le soldat de le faire punir, et j'écris une lettre très forte au Commandant qui s'en formalise, me boude; mais depuis nous pûmes rester autant que nous le voulions à la grille. Catache y faisait salon: elle apportait un pliant de chez elle, s'asseyait (car elle était très forte), et l'on faisait cercle dans l'intérieur de la cour de la prison, chacun attendant son tour de causer. Notre tranquillité fut troublée par l'arrivée d'un «feldjäger» qui venait emmener quelqu'un pour lui faire subir de nouvelles interrogations à Pétersbourg. Il nous fallait absolument savoir qui serait la personne désignée; chacune de nous le redoutait pour son mari. Je vais me promener devant la maison du Commandant, et je rencontre le courrier, qui me reconnait pour m'avoir vue chez le prince Pierre Wolkonsky; il me salue et me dit en passant devant moi qu'il doit emmener un des détenus, mais qu'il ne connait pas son nom. Alors je lui dis de venir à la messe le lendemain, Dimanche, et de m'en prévenir. Je me lève de grand matin, vais à l'église, et je prie de tout coeur le Dieu de bonté pour que mon mari ne soit pas enlevé. J'entends les éperons du courrier; il se met derrière moi et en se prosternant il me dit: «C'est Korniłovicz». Je remercie Dieu et je reste à l'église jusqu'à la fin de la messe, malgré mon impatience d'aller tranquilliser mon mari; mais les aides de camp et les espions du Commandant étaient là et ne nous quittaient pas des yeux. A peine fus-je hors de leur présence, que je me mis à courir pour faire savoir la nouvelle dans les trois prisons et à nos dames. C'était au coeur de l'hiver: il faisait 40 degrés de froid. Oh! quel horrible froid, et combien il m'a enlevé de santé!

Cependant nous n'ajoutions pas entièrement foi aux paloles du courrier, qui m'avait dit encore, qu'il devait partir dans la nuit. Nous nous décidons à veiller et à nous partager les différentes rues du village; je prends celle du Commandant,

parce que l'Ostrog de mon mari se trouvait non loin de sa maison. Le froid était intense, j'entrais de temps en temps chez Alexandrine pour avaler une tasse de thé, elle était au centre de nos opérations, vis-à-vis de la prison de son mari, et faisait toujours tenir la bouilloire brûlante pour nous réchauffer. Minuit, une heure, deux heures, rien de nouveau. Enfin Catache arrive pour nous dire, qu'il y a du mouvement dans la maison de poste, et que l'on fait sortir les chevaux de l'écurie. Je cours à la prison de mon mari, où Kornilovicz se trouvait aussi, et je vois arriver les officiers et cosaques, qui disent à ce dernier d'emballer ses effets et de partir pour Pétersbourg. Je retourne chez Alexandrine et nous nous mettons toutes derrière une haie. La nuit était superbe, un clair de lune magnifique, nous nous tenions en silence, attendant toujours l'événement. Enfin nous voyons avancer au pas un kibitka, les clochettes attachées ne faisaient aucun bruit; les officiers de l'Etat-Major du Commandant marchaient derrière, et dès qu'ils furent près de nous, nous sortîmes à la fois et criâmes: «Bon voyage, M. Kornilovicz, que Dieu vous conduis!» C'était comme un coup de théâtre, les messieurs de l'escorte n'en revenaint pas d'étonnement de ce que nous étions instruites de ce départ tenu dans le plus grand secret par eux. Le vieux Commandant y pensait longtemps après.

Kornilovicz ne revint pas. Après avoir subi un interrogatoire inutile, il fut envoyé dans une des forteresses de la Finlande, où il mourut quelques années après. C'était un homme d'un caractère ferme, et certes ce n'est point après l'avoir fait passer par toutes les humiliations et les peines morales possibles, qu'on devait espérer d'obtenir de lui des renseignements certains sur l'affaire, qui a épouvanté l'Empereur Nicolas jusqu'à ses derniers jours.

Peu à peu le reste des exilés arrivaient et se casaient en prison. On avait même amené deux Polonais dons l'un, M. Roukewitch, nous fit rire par ses gentillesses sarmates. A peine entré dans l'ostrog vis-à-vis de la maison d'Alexandrine, il se plaça près de la grille et se mit à chanter d'un

air sentimental (avec un accent polonais des plus prononcés) une vieille romance française: «Dans une tour obscure, un jeune roi languit». Il n'était ni jeune, ni beau, ni intéressant: cette prétention d'entonner un air français quand on n'en connait pas la langue nous divertit infiniment.

Plusieurs des détenus dont le terme était venu furent expédiés aux colonies, c'est à-dire délivrés des travaux forcés, mais dispersés sur la surface de la Sibérie: Lihareff, le comte Tchernicheff (frère d'Alexandrine), Lissovsky, Krivtsoff et d'autres. J'ai dû me séparer de la pauvre madame Entaltzeff, qui partit pour Beresoff, petite ville, la plus septentrionale du gouvernement de Tobolsk. Les adieux d'Alexandrine et de son frère furent déchirants; ils ne se revirent plus. Un an ou deux plus tard Tchernicheff fur envoyé comme soldat au Caucase. Nous nous occupâmes du trousseau de ces messieur, qui n'avaient personne pour les pourvoir de linge et d'effets. Le Commandant leur permit de faire leurs adieux aux dames.

1 8 2 9.

Au 1-er août 1829 grande nouvelle. Un courrier apporte l'ordre d'ôter les fers aux détenus. Nous nous étions si bien habituées à ce bruit de chaînes, que c'est même avec un certain plaisir, que je l'entendais, car il m'avertissait de l'approche de Serge aux entrevues...

Les premiers temps de notre exil, je pensais qu'il finirait sûrement au bout de cinq années, ensuite je me disais, que cela viendrait dans dix et puis dans quinze ans, mais après 25 ans, je n'y pensait plus. Tout ce que je demandais à Dieu c'était de tirer mes enfants de la Sibérie.

Ce fut à Tchita, que je reçus la nouvelle de la mort de mon pauvre Nicolas, de mon premier-né, laissé à Pétersbourg. Le poète Pouchkine m'envoya une épitaphe, qu'il avait composée pour lui:

«Въ сіяньи, въ радостномъ покоѣ,
У Трона Вѣчнаго Отца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца ...

Un an après j'appris la mort de mon père. Je m'y attendais si peu, cette secousse fut si forte, qu'il me semblait que le ciel avait croulé sur ma tête; j'en tombai malade. Le Commandant permit à Wolff, docteur et camarade de mon mari, de venir me voir, escorté de soldats et d'un officier.

Le bruit courait alors que le Commandant faisait bâtir, à 600 verster de nous, une énorme prison avec des casemates sans fenêtres, cela nous attristait beaucoup. J'oubliais de dire ce qui nous inquiétait plus encore; l'année précédente la chaîne des forçats avait passé par Tchita, conduisant avec elle trois exiles: Soukhinine, le baron Solovieff et Mozgalevsky. Tous du régiment de Tchernigoff et camarades de feu Serge Mouravieff, ils avaient fait tout le voyage à pied avec des malfaiteurs. Ils nous firent avertir de leur arrivée, mon mari me dit d'y aller, de leur porter du secours, de tâcher de calmer Soukhinine, qui était très exalté par la situation, et de l'engager à la patience.

L'ostrog où s'arrêtait la chaîne des forçats était hors du village, à trois verstes de chez moi. Je réveille Catache et M-me Entaltzeff à la pointe du jour, et nous partons, comme de raison, à pied, par un froid horrible; nous faisons un grand circuit pour éviter les sentinelles et nous arrivons. Nous approchons de la grille, ces Messieurs étaient déjà là à nous attendre: il faisait encore assez sombre. Soukhinine était d'une exaspération à ne vouloir rien entendre de ce que nous lui disions, il ne parlait que de soulever les forçats à Nertchinsk, de ravenir vers Tchita et de délivrer les prisonniers d'Etat. Solovieff, très calme de caractère, très patient, me dit que ce n'était qu'une exaltation passagère, qu'il se calmerait. Enfin, je m'en suis allée triste et inquiète. Mes prèvisions ne se sont que trop réalisées. Soukhinine, à peine arrivé aux mines de Nertchinsk, se défia de ses camarades, ils s'en sépara et se confia aux malfaiteurs du lieu; ils s'armèrent tant bien que mal au nombre de 200 hommes et se retirèrent vers la frontière de Chine; mauvais calcul encore, car les Chionois livrent toujours au

Gouvernement russe tous les réfugiés qui se fient à eux. Ces pauvres fous ne coururent pas ce risque; ils furent tous pris par les cosaques, qui gardaient la ligne, et mis au secret. Un courrier fut envoyé à Sa Majesté, qui ordonna de les juger en 24 heures et de faire fusiller les plus coupables. Notre Commandant partit pour les mines, il remplit ponctuellement ce qui lui avait été ordonné. Soukhinine apprit sa condamnation la veille du jour désigné pour son exécution, et quand on vint ouvrir sa prison on le trouva mort, il s'était pendu à une poutre qui soutenait le plafond, la courroie qui soutenait ses fers lui tint lieu de corde. Tous les autres condamnés furent conduits hors du village, ils étaient au nombre de 20 et furent mis à mort, mais de quelle manière! On donna le signal aux soldats de tirer, mais leurs fusils étant vieux et rouillés et eux-mêmes ne sachant pas viser, ils manquaient leurs coups, blessant tantôt un bras, tantôt une jambe, enfin c'était un vrai martyre. Le lendemain le Commandant fit enterrer les morts, et quand tout le monde se fut retiré, il salua toutes les tombes, leur demandant pardon. Nous apprîmes tous ces détails de Solovieff et Mozgalevsky, qui furent amenés chez nous. Cela nous donna une profonde tristesse. Le Commandant revint sombre et découragé, il ne voyait que fuites et incendies, et il se pressa de faire achever la prison de Pétrowsk.

Alexandrine, qui recevait beaucoup d'argent secrètement de la part de sa belle-mère, soit par un domestique qu'on lui envoyait, soit, par quelque autre moyen, se fit bâtir à l'avance une maison non loin de cette prison; c'est l'ingénieur chargé de la grande construction qui en fut chargé aussi, moyennant un riche cadeau. Comme Catache et moi, nous avions à peine de quoi vivre, nous n'y pensions pas, ni les autres dames non plus.

Pour vous donner une idée de la simplicité des moeurs de ce temps-là et vous distraire un moment de l'événement tragique que je viens de raconter, je vous dépeindrai une promenade que firent Mme Narichkine et Mme Entaltzeff, bien avant le départ de cette dernière pour Beresoff.

Ces deux dames étaient allées se promener hors du village, elles avaient fait sans s'en douter beaucoup de chemin, et arrivèrent à grand'peine au bord de la rivière qui les séparait du village. Mais il n'y avait pas de pont à cet endroit: comment faire pour passer? L'eau était basse, mais toujours il y en avait jusqu'à la ceinture. Elles aperçurent une nacelle (душегубка) et le prêtre du village s'apprêtant à y entrer; elles le prièrent de leur faire passer la rivière; impossible, la nacelle était si petite qu'il n'y avait pas moyen de s'y tenir à trois. Mme Entaltzeff ne veut pas rester en arrière; alors le prêtre leur dit de s'y placer à elles deux, et lui-même se met en devoir de retrousser ses chausses et le fait si bel et bien qu'il avait l'air d'un Hercule avec une draperie sur les reins. Il entre dans l'eau et pousse le bateau devant lui; la chose se fit si vite que nos deux dames n'eurent que le temps de détourner les yeux de ce spectacle.

La prison de Pétrowsk étant achevée, le Commandant fit dire aux détenus de se préparar au départ. Cette translation se fit à pied au mois d'Août; on faisait 30 verstes par jour et l'on se reposait le lendemain, tantôt dans les villages, tantôt chez Bouriates dans les yourtes. Alexandrine et deux autres dames prirent les devants. Mme Narichkine, Mme Von-Wiesen et moi suivions la caravane à quelques heures de distance.On fit halte à 6 verstes de la ville de Verchnéoudinsk. Ce fut aux environs de cette ville que Mme Rosen vint rejoindre son mari. C'était une excellente femme, quelque peu méthodiste; elle ne resta qu'un an avec nous à Pétrowsk et partit pour les colonies avec son mari, dans le gouvernement de Tobolsk. Mme Youschniewska nous arriva à ce moment. Cette vieille dame avait mis six mois à venir de Moscou, s'arrêtant, trouvant des connaissances dans toutes les villes; on lui donnait des soirées, des promenades sur eau; enfin aprés s'être bien divertie elle apprend, que Mme Rosen est à Verchéoudinsk, la voilà qui fait venir un charriot de poste, se met dedans, et passe comme un éclair devant toute la caravane pour s'arrêter dans une maison de paysan, où son mari l'attendait. Cette dame avait

ses 44 ans, les cheveux blancs, mais conservait la gaîté de sa première jeunesse.

On se remit en route; nous trouvâmes le Commandant à la derniére station avant Pétrowsk, il nous remit nos lettres de Russie et des journaux. C'est alors que nous aprîmes la Révolution de Juillet; ce ne furent que chants et hourras toute la nuit parmi ces Messieurs; les sentinelles n'y comprenaient plus rien: comment, au moment d'entrer dans les casemates, ces Messieurs pouvaient-ils s'amuser à chanter? C'est que ces braves gens n'entendaient rien en politique.

Pétrowsky Zavod.

En approchant de Petrowsk, je vis une immense prison en fer à cheval, avec un toit rouge; son aspect était sombre: pas une fenêtre à l'extérieur. On ne nous avait donc pas trompé en nous disant que la prison n'avait pas de fenêtres. J'avais négligé de vous dire que de Tchita toutes les dames avaient écrit au comte Benckendorff (chef des gendarmes), pour obtenir l'autorisation d'entrer en prison: la chose nous fut accordée. Comme Alexandrine avait sa maison prête, elle logea dehors, mais toutes les autres dames s'établirent dans les cellules de leurs maris pour quelques jours. Je fis acheter une petite maison de paysan pour ma femme de chambre et pour mon domestique. J'y allais pour faire ma toilette, pour prendre mon bain, et je me donnais le plaisir de dormir la nuit sous les verrous de la prison; c'était trés effrayant, je vous assure, que ce bruit de clés; ce ne fut qu'au bout d'un an qu'on permit aux mariés de loger hors de prison. La chose la plus insupportable était l'absence de fenêtres: nous avions de la lumière tout le jour, ce qui fatigait les yeux. Chacune de nous arrangeait sa prison de son mieux. J'avais tendu les murs de la nôtre d'une étoffe de soie (mes draperies d'autrefois envoyées de Russie); j'y avais un piano, une bibliothèque, deux canapés, enfin c'était presque élégant. Nous écrivîmes toputes au comte

Benckendorff pour obtenir la permission d'avoir des fenêtres; cela nous fut accordé, mais notre vieux Commandant, devenu plus poltron que jamais, imagina d'en faire faire tout au haut du mur, sous le plafond. Nous logions déjà dans nos maisons, quand cette permission arriva. Ces Messieurs firent des estrades pour atteindre la fenêtre et pouvoir lire.

Notre cercle de dames augmenta par l'arrivée de Camill Le-Dantu, fiancée à M. Ivacheff; elle était la fille de la gouvernante de la maison, son fiancé l'avait connue à peine adolescente; c'était une charmante créature sous tous les rapports, Ivacheff se trouvait très heureux de l'épouser. Ce mariage se fit sous des auspices moins sombres que celui de M$^{\underline{me}}$ Annenkoff: plus de fers aux pieds, le fiancé arriva en grand gala avec ses garçons de noce (quoique accompagnés de soldats sans armes). Je fus mére d'honneur du jeune couple, toutes les dames l'accopagnaient à l'église, nous eûmes un thé chez les mariés et le lendemain un dîner. Enfin on commençait à revenir aux usages du monde, on ne travaillait plus à la cuisine, on avait des gens pour cela, mais le soldat était toujours là et devait accompagner le détenu partout où il irait, pour ne pas lui faire oublier qu'il était prisonnier. Il en était de même chez tous les mariés.

Ce fut cette année, en 1832, que tu vins au monde, mon adoré Micha, pour la joie et le bonheur de tes parents. Je fus ta nourrice, ta bonne et quelque peu ton institutrice, et quand quelques années plus tard Dieu m'accorda Nelly, ta soeur, mon bonheur fut complet. Je ne pensais plus qu'à vous, je n'allais presque plus chez mes compagnes. C'était un amour fou et de tous les instants pour vous deux.

Six mois après ta naissance, Alexandrine Mouravieff tomba malade. Wolff ne quittait plus sa chambre. Il fit l'impossible pour la sauver, mais Dieu en avait disposé autrement. Ses derniers moments ont été sublimes: elle a dicté ses lettres d'adieu à ses parents, et ne voulant pas réveiller sa petite «Nono», agée de 4 ans, elle demanda sa poupée et l'embrassa pour elle. Aprés avoir rempli ses devoirs religieux en véritable sainte, elle ne s'occupa plus que de son

mari qu'elle consolait, qu'elle encorageait. Elle est morte à son poste, et cette mort nous plongea dans un découragement et une douleur profonde. Chacune sé disait: «Que deviendront nos enfants sans nous?»

Ainsi commença à Pétrowsk une longue série d'années sans aucun changement dans notre sort. Ceux des détenus dont le terme était venu s'en allaient emportant les regrets de ceux qui restaient. Quelques dames partirent aussi: M-mes Von-Wiesen, Rosen, Narichkine et Ivacheff. Cette dernière mourut aussi, mais bien jeune encore, aux colonies; son mari la suivit de près et sa mère qui était venue les voir emmena les orphelins en Russie.

Les détenus, en dehors des heures du travail de la Couronne, donnaient leur temps à l'étude, à la lecture, au dessin, N. Bestougeff fit une galerie de portaits de ses camarades. Il s'occupait aussi de mécanique; il fit des montres et des bagues. Bientôt chacun de nous eut un anneau des fers de son mari. Torson faisait des modèles de moulins, de machines à battre la blé; d'autres s'occupaient de menuiserie; ils nous envoyaient des tables à ouvrage, des boîtes à thé. Le prince Odoïévsky s'occupait de poésie; il fit de charmants vers, entre autres ceux que voici, en souvenir de ce que les dames venaient à la grille apporter des lettres et des nouvelles aux prisonniers:

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный—
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ, вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

* * *

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены,

И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

* * *

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,—
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили бъ покрова своего.

Ce pauvre Odoïévsky, après avoir achevé son terme de travaux forcés, partit pour les colonies près de la ville d'Irkoutsk, et plus tard son père obtint pour lui la grâce de servir comme soldat au Caucase, où il mourut bientôt après dans une expédition contre les Circassiens.

La prison se vidait petit à petit; ces Messieurs, quand leur tour arrivait étaient emmenés est dispérsés comme colons en Sibérie même. Cette existence sans famille, saus amis, sans société aucune, devenait plus pénible que leur réclusion première.

Notre tour vint enfin: Wolff, Nikita et Alaxandre Mouravieff et nous partîmes les uns après les autres afin de ne pas manquer les chevaux aux relais. Mon mari avait préalablement demandé d'être colonisé avec Wolff, médecin et son ancien camarade de service; j'y tenais beaucoup, désirant m'assurer les soins de cet excellent médecin pour enfants, et nous ne nous inquiétions même pas du lieu où le sort nous jeterait. Dieu prit pitié de nous et permit que nous puissions coloniser à Ourik, aux environs d'Irkoutsk, capitale de la Sibérie Orientale, village assez triste, mais dont le climat était supportable. Tout me parut bien, pourvu que j'eusse les soins de l'art en cas de nécessité pour mes enfants.

Nous avions encore dans le même village Michel Lounine, un vieux camarade de mon mari. Ne trouvant pas de maison de paysan habitable pour nous, car elles étaient

toutes occupées par ces Messieurs, nous allâmes à 8 verstes de là chez mon cousin Poggio, qui avait été amené de Schlusselbourg l'année précédente; il nous reçut à bras ouverts: il était d'autant plus heureux de notre arrivée qu'il avait subi huit ans et demi de réclusion solitaire dans l'affreuse prison que je viens de nommer. Pendant toutes ces longues années il n'avait vu que son geôlier et bien rarement le Commandant. On le laissait dans une complète ignorance de tout ce que se passait au dehors, il ne prenait jamais l'air et quand il demandait à la sentinelle: «Quel jour avons-nous?» On lui répondait: «Je n'en sais tien». C'est ainsi qu'il a ignoré la révolution de Pologne, celle de Juillet, les guerres en Perse et en Turquie et même le choléra; sa sentinelle était tombée raide morte, qu'il ne se doutait pas du fléau. Il voit un soir le reflet de la lune sur le mur extérieur de la prison, l'envie lui prend de la contempler, il grimpe sur sa fenêtre et passe sa tête à grand'peine dans un petit vasistas, enchanté de respirer l'air frais et de contempler le ciel constellé. Il entend des pas dans le corridor: effrayé de l'idée qu'on veut le surprendre, il rentre sa tête, ses oreilles l'en empêchent. Enfin après des efforts réitérés et de fortes écorchures, il y parvient, et depuis lors plus d'essais de ce genre. L'humidité de sa prison était tellement pénétrante que ses habits en étaient imprégnés; son tabac moisissait; sa santé s'en ressentait au point que toutes ses dents lui tombèrent l'une après l'autre, mais au moins il n'est resté que 8 ans, tandis que le pauvre Batenkoff fut détenu pendant plus de 20 ans à la forteresse, ne voyant pas âme qui vive, pas même le Commandant. Il en perdit l'usage de la parole et pour ne pas perdre l'esprit il lisait et relisait sa Bible, s'étant fait une règle de la traduire mentalement en plusieurs langues; tantôt c'était en russe, puis l'année suivante en français, puis en latin. Au sortir de prison il avait entièrement désappris de parler; on ne comprenait rien de ce qu'il voulait dire, et même ses lettres étaient inintelligibles. Cette faculté lui revint petit à petit. Avec tout cela il a conservé son calme, une sérénité d'humeur, une bonté parfaite; joignez-y la force de caractère

que vous lui connaissez, vous comprendrez ce que vaut cet homme supérieur.

Notre l i b e r t é aux colonies se bornait, pour ses Messieur á aller se promener et chasser dans les environs; les dames pouvaient aller en ville pour leur emplettes. Nos moyens d'existence étaient encore plus restreints qu'en prison. Je recevais à Pétrowsk dix mille roubles assignats, tandis qu'à Ourik l'on ne me donnait que deux mille. Nos parents, pour obvier à cette restriction, nous envoyaient sucre, thé, café et provisions de tout genre, ainsi que nos vêtements.

Nikita Mouravieff passait son temps à l'étude et à la lecture. Sa mère lui avait envoyé petit à petit tout se bibliothèque: l'éducation de sa fille était son plus doux passetemps.

Lounine menait une vie retirée; grand chasseur, il passait son temps dans les bois pendant la belle saison, mais en hiver il devenait plus sédentaire. Il écrivait beaucoup, s'amusant à lancer des plaisanteries contre le gouvernement dans les lettres à sa soeur. Il fit enfin des commentaires sur le compte-rendu du jugement prononcé contre ceux qui avaient trempé dans la révolution de Pologne. La chose transpira, et voila qu'au beau milieu de la nuit douze gendarmes cernent sa maison, et plusieurs t c h i n o v n i k s entrent pour le saisir. Le trouvant profondément endormi au retour d'une chasse, ils ne firent pas de cérémonies pour le réveiller, mais ils parurent inquiets de plusieurs fusils et pistolets suspendus au mur; l'un d'eux en témoigna sa peur, alors Lounine dit à un gendarme qui était près de lui: «Не безпокойтесь, такихъ людей бьютъ, а не убиваютъ». C'est encore de lui qu'est le trait suivant. Le gouverneur général Zakréwsky était venu d'office visiter sa prison lors de sa première détention en Finlande. «Manquez-vous de quelque chose ici»? lui demande-t-il. Or la prison était affreuse: il y pleuvait, tant le toit était mauvais. Lounine lui répondit en souriant: «Je suis parfaitement content de tout: il ne me manque qu'un parapluie».

Lounine fut donc emmené, avec tout cet attirail militaire

déployé contre un seul homme, et enfermé à Akatouy, la plus affreuse des prisons, où étaient détenus ceux des criminels, qui avaient commis des récidives de meurtres et de brigandages. Il ne résista pas longtemps à l'air infect èt humide de cette dernière prison, il y mourut au bout de quatre ans. C'était un homme d'une grande force de caractère, d'infiniment d'esprit, d'un enjouement, d'une bonté à toute épreuve, et profondémant religieux. Son enlèvement nous attrista beaucoup; je lui fis parvenir des livres, du chocolat pour sa poitrine, et de prétendues drogues, sui n'étaient que de l'encre en poudre avec quelques plumes d'acier dedans, car on lui avait tout ôté avec défense expresse de jamais écrire et de lire autre chose que la Bible.

J'oubliais de vous dire, que nous étions depuis longtemps installés à Ourik, la construction de notre maison n'ayant pris que quelques mois de temps. Il nous arrivait du monde de la ville pour consulter le docteur Wolff, on le faisait d'autant plus volontiers qu'il ne voulait accepter aucune rétribution.

Nous eûmes bientôt une frayeur affreuse de voir nos enfants enlevés par ordre de Sa Majesté. Le gouverneur général Roupert fit chercher un jour mon mari. Nikita Mouravieff, Troubetskoy, qui habitait un village à 30 verstes de nous, et tous ceux de ces Messieurs qui étaient mariés. Je compris à l'instant qu'il s'agissait de nos enfants; ces Messieurs partirent, et ce que j'éprouvai d'angoisses, de tourments, jusqu'à leur retour, est impossible à rendre. Enfin je les vois revenir, et mon mari en descendant d'équipage me dit: «Tu l'avais pressenti, il s'agit des enfants: on veut les emmener en Russie, leur faire quitter leur nom de famille, et les placer dans des établissements d'éducation publique de la Couronne».—«Mais y a-t-il ordre de les enlever»?—«Non, l'Empereur le fait proposer aux mères de famille». Quand j'entendis cela, je me rassurai; le calme, la joie rentrèrent dans mon coeur. Je vous saisis dans mes bras en vous étouffant de caresses et en vous disant: «Non , vous ne me quitterez pas, vous ne renierez pas le nom de votre père». Cependant il avait balancé dans

son refus, disant n'avoir pas le droit d'empêcher votre rentrée en Russie, mais ce n'était qu'un excès de délicatesse envers vous. Il se rendit à mes instances et à ma conviction que bien au contraire vous pourriez nous reprocher un jour de vous avoir fait quitter votre nom sans votre consentement. Enfin tout rentra dans le calme, car les camarades de Serge avaient aussi envoyé leur refus au gouverneur général. Ce méchant homme, ne songeant qu'à faire preuve de zèle dans son service, fit son rapport à Sa Majesté comme quoi les prisonniers d'Etat étaient tellement enracinés dans leurs crimes, que loin d'être reconnaissants à Sa Majesté pour son offre paternelle, ils l'avaient pris avec hauteur. Or nous avions tourné notre refus de la manière la plus délicate, car vraiment c'était un bon mouvement qui avait poussé Sa Majesté à nous proposer d'élever nos enfants à ses frais, bien qu'il y eût mis des restrictions, qui tenaient à sa manière de voir les choses.

Cinq ans après mon Micha atteint ses 12 ans; je l'avais entouré à la fin de tout ce qui pouvait servir à son instruction. J'avais entre autres M. Sabinski, exilé polonais, possédant parfaitement le français et lui consacrant tout son temps sans la moindre rétribution. Je demandai à passer à Irkoutsk, afin de lui faire suivre les cours d'études au gymnase. Le comte Orloff obtint la chose pour moi et je m'installai en ville. Mon mari eut la permission de venir nous voir deux fois par semaine, et quelques mois après de s'y installer tout-à-fait.

Les autres exilés aurent la même autorisation, du moins ceux d'entre eux qui étaient colonisés aux environs d'Irkoutsk. Ainsi se passèrent 19 ans encore dont les huit dernières an nées ne s'effaceront jamais de mon coeur reconnaissant, car ce n'était plus Roupert qui était gouverneur général, mais Nicolas Mouravieff, l'homme le plus loyal, et le mieux doué de la terre. C'est lui qui a ouvert l'océan Pacifique à la Russie, quand les Francais et les Anglais lui enlevaient la mer Noire. Il a été aussi parfait pour nous que sa digne et excellente femme. C'est lui qui a developpé tes facultés

morales pour le service de ton pays, Micha, et t'a poussé dans la voie de la patience et du travail intellectuel.

L'année du couronnement de l'Empereur Alexandre II nous fûmes tous rappelés , mais, hélas! de 121 membres de la société secrète, il n'en restait que douze ou quinze: le reste était mort ou tué au Caucase. Papa, comme vous le savez, fut reçu avec empressement, et par quelques uns avec admiration à sa rentrée dans sa patrie.

La pauvre Catache était morte un an avant, elle a été vivement regrettée par ses enfants, ses amis et tous ceux auxquels elle a fait du bien.

Votre père, le plus généreux des hommes, n'a jamais eu un sentiment de rancune contre l'Empereur Nicolas; bien au contraire il rendait justice à ce qu'il avait de bonnes qualités, à sa fermeté de caractère, à son sang-froid déployé dans plusieurs circonstances de sa vie, ajoutant que dans tout pays l'on aurait sévi contre lui. Sur quoi je lui répondais que cela n'aurait pas été au même degré, car on ne condamne pas un homme aux travaux forcés, à la réclusion solitaire, et on ne lui impose pas 30 ans d'exil, rien que pour des opinions politiques et pour avoir été membre d'une société secrète. Car votre père n'avait pris part à aucun soulèvement, et même si dans leurs conciliabules on avait parlé de changement de gouvernement, il ne fallait pas prendre les paroles pour le fait. On dit bien autre chose maintenent dans tous les coins de Pétersbourg et de Moscou, et pourtant on n'arrête personne. Et si j'osais me prononcer sur les événements du 14 Décembre et sur la révolte du régiment de Serge Mouravieff, je dirais, que c'était intempestif: on ne léve pas le drapeau de la liberté, quand on n'a point les sympathies du soldat ni celles du peuple qui n'y entend rien encore. Ces émeutes ne seront jamais considérées dans les temps futur que comme deux faits isolés.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Для примѣчаній использованы преимущественно неизданные документы и дѣла Государственнаго Архива, архива III отдѣленія, Военно-ученаго архива. Нѣкоторыя изъ дѣлъ III отдѣленія, изложенныя кн. М. С. Волконскимъ въ его примѣчаніяхъ къ изданію «Записокъ кн. М. Н. Волконской», въ моемъ распоряженіи не оказались, и потому пришлось приводить ихъ въ изложеніи кн. М. С. Волконскаго. Цитаты на его второе изданіе (Спб. 1906) дѣлаются кратко «Записки».

1.

Въ это время у Маріи Николаевны Волконской изъ четырехъ дѣтей осталось въ живыхъ только двое: Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій (род. 10-го марта 1832 года, умеръ въ Римѣ 7 декабря 1909 г.) и Елена Сергѣевна (род. 28 сентября 1835 года). Князь Михаилъ Сергѣевичъ, достигшій поста товарища министра народнаго просвѣщенія, издалъ въ свѣтъ записки своего отца («Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго» (декабриста). Спб. 1901) и матери («Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Спб. 1904) съ своими примѣчаніями. Елена Сергѣевна была замужемъ въ первомъ бракѣ (съ 15 сентября 1850 года) за Дм. Вас. Молчановымъ (ум. въ 1857 году), который служилъ чиновникомъ при Н. Н. Муравьевѣ, сибирскомъ генералъ-губернаторѣ; во второмъ бракѣ—за Ник. Арк. Кочубеемъ и въ третьемъ—за Александромъ Алекс. Рахмановымъ. Упоминаемый нѣсколько ниже Сережа—сынъ Елены Сергѣевны и Д. В. Молчанова, внукъ княгини Волконской.

2.

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій—сынъ князя Григорія Семеновича и княгини Александры Николаевны, урожденной Репниной. Ихъ дѣти — Николай Григорьевичъ, съ 1801 года, за прекращеніемъ рода матери, принялъ, по Высочайшему указу, фамилію князя Репнина; Никита Григорьевичъ, женатый на извѣстной княгинѣ Зинаидѣ Волконской. рожд. кн. Бѣлосельской-Бѣлозерской, и дочь Софья Григорьевна, бывшая замужемъ за

свѣтлѣйшимъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, министромъ двора.

Свѣдѣнія о воспитаніи, служебной дѣятельности и началѣ «вольномыслія» кн. Волконскаго можно почерпнуть изъ отвѣтовъ его на вопросы слѣдственной по дѣлу декабристовъ Коммисіи, данныхъ 23 апрѣля 1826 года и доселѣ неопубликованныхъ. Въ видахъ краткости текстъ вопросовъ, ясныхъ изъ самихъ отвѣтовъ, опускается.

...Зовутъ меня Сергѣемъ, сыномъ Григорьевымъ, отъ роду имѣю 37 лѣтъ и четыре мѣсяца съ половиной...

...Православнаго греческаго исповѣданія, у Святого Причастія почти ежегодно бывалъ, а ежели не исполнилъ когда сей христіанской обязанности, то объявлялъ объ семъ на духу. Въ семъ году на шестой недѣлѣ поста былъ допущенъ къ исповѣди и причастію святыхъ таинъ.

...Учинилъ и самъ лично присягу нынѣ царствующему государю императору въ городѣ Умани, приводя къ присягѣ Штабъ 19-й пѣхотной дивизіи и полки прежде командуемой мною бригады, Азовскаго весь полкъ, а Днѣпровскаго шесть ротъ съ ихъ штабомъ.

...До 14-ти лѣтняго возраста получилъ образованіе въ родительскомъ домѣ; наставниками моими были первоначально иностранецъ Физъ, а по смерти его, россійской службы подполковникъ баронъ Каленбергъ, который также уже не въ живыхъ; съ 14-ти лѣтняго возраста былъ отданъ въ польскій пансіонъ въ Петербургъ, въ завѣдываніи главномъ аббата Николя состоящій, гдѣ я пробылъ до 18 лѣтъ. Кто же въ семъ пансіонѣ были учителями, я поименно ихъ не называю, какъ извѣстныхъ по годовымъ отчетамъ министерству просвѣщенія. Въ 1798 году былъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ пансіонѣ у г-на Жакино, который, сколько могу припомнить, преподавалъ уроки французскаго языка въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

...Въ воспитаніи въ родительскомъ домѣ, такъ и въ пансіонѣ аббата Николя, занимался болѣе тѣми науками, которыя причастны къ военному искусству.

...Особенныхъ лекцій другихъ не слышалъ, какъ въ

1810 или 1811 году о военномъ искусствѣ у генерала-маiора Фуля.

...Полагаю, что до 1813 года не измѣнялъ тѣмъ правиламъ, которыя получилъ въ родительскихъ наставленiяхъ и въ домашнемъ и публичномъ воспитанiи, и по собственному о себѣ понятiю считаю, что съ 1813 года первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь съ войсками по разнымъ мѣстамъ Германiи и по сношенiи моемъ съ разными частными лицами тѣхъ мѣстъ, гдѣ находился. Болѣе же всего получилъ наклонность къ таковому образу мыслей во время моего пребыванiя въ концѣ 1814 и въ началѣ 1815 года въ Парижѣ и Лондонѣ, какъ господствующее тогда мнѣнiе.

...Какъ въ чужихъ краяхъ, такъ и по возвращенiи въ Россiю, вкоренился сей образъ мыслей книгами, къ тому клонящимися. Но полагаю, что до 1822 года не имѣлъ никакой наклонности къ противузаконнымъ сужденiямъ или дѣйствiямъ. Вкорененiе же сихъ мыслей въ моемъ умѣ, какъ до 1822 года, такъ впослѣдствiи приписываю убѣжденiю собственнаго моего разсудка, который отъ первоначально-благородной цѣли довелъ меня до истинно мною признаваемыхъ преступныхъ понятiй и цѣли. Принявъ вышеизъясненный образъ мыслей въ такихъ лѣтахъ, гдѣ человѣкъ начиналъ руководствоваться своимъ умомъ, и продолживъ мое къ онымъ причастiе съ различными измѣненiями тринадцать лѣтъ, я никому не могу приписывать вину, какъ собственно себѣ, и ничьими внушенiями не руководствовался...

...Съ малолѣтства считался ротмистромъ въ Екатеринославскомъ Кирасирскомъ полку, числясь въ отпуску до окончанiя наукъ; въ концѣ 1805 года вступилъ въ дѣйствительную службу съ переводомъ поручикомъ въ Кавалергардскiй полкъ и въ ономъ служилъ въ штабъ Ротмистрскомъ и ротмистромъ въ чинѣ, какъ на-лицо въ полку, такъ и въ командировкахъ до конца 1810 года, въ которое время осчастливенъ былъ назначенiемъ фли-

гель-адъютантомъ нынѣ въ Бозѣ почивающаго блаженной памяти государя императора. Въ 1812 году произведенъ въ полковники, а въ 1813 въ генералъ-маіоры. По возвращеніи войскъ изъ-за границы въ 1814 году въ Россію былъ назначенъ состоять при дивизіонномъ командирѣ во 2-й драгунской дивизіи, но не былъ на лицо, бывъ отпущенъ за границу въ отпускъ, а по возвращеніи войскъ изъ-за границы въ 1815 году, назначенъ былъ бригаднымъ командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи, гдѣ служилъ на лицо до перевода сей дивизіи въ Литовскій корпусъ; былъ тогда переведенъ сперва бригаднымъ командиромъ, а потомъ по случаю отпуска за границу причисленъ при дивизіонномъ начальникѣ 2-й гусарской дивизіи, гдѣ я на лицо не находился, въ отпускъ же за границу не ѣздилъ; окончательно же въ концѣ 1820 года назначенъ бригаднымъ командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, гдѣ служилъ на-лицо, исключая временнаго отпуска, до 1826 года. Во время службы моей былъ въ компаніяхъ противъ непріятеля; въ 1805 и 1806 годахъ въ званіи волонтера при генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Каменскомъ, при генералъ-лейтенантѣ графѣ Остерманѣ и при главнокомандующемъ арміи баронѣ Бенигсенѣ; въ 1810 и 1811 году также въ видѣ волонтера при генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Каменскомъ, при генералъ-лейтенантѣ графѣ Остерманѣ и при главнокомандующемъ арміи баронѣ Бенигсенѣ; въ 1810 и 1811 году также въ видѣ волонтера при графѣ Каменскомъ 2-мъ и Голенищевѣ-Кутузовѣ въ молдавской арміи противъ турокъ. Въ 1812, 13 и 14 годахъ въ званіи дежурнаго при разныхъ частяхъ войскъ, въ разныя времена ввѣряемыхъ генералъ-адъютанту Винценгероду; и временно-дѣйствовалъ въ 1812 году съ партизанскимъ отрядомъ, состоя подъ командою генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова.

...Во время моей службы былъ, но весьма рѣдко, полковыми взысканіями оштрафованъ въ кавалергардскомъ полку; въ 1811 году по Высочайшему повелѣнію былъ

арестованъ на трое сутокъ домашнимъ арестомъ, безъ взноса сего штрафа въ формуляръ; въ продолженіи же моей службы подъ слѣдствіемъ или судомъ не былъ, а нынѣ по Высочайшему повелѣнію арестованъ 7-го января и отправленъ изъ Умани въ С.-Петербургъ съ фельдъегеремъ Тихановскимъ, а прибылъ въ столицу 14-го января.

Дѣятельность князя Волконскаго по тайному обществу изложена въ слѣдующихъ чертахъ въ составленномъ вскорѣ по окончаніи слѣдствія и суда нарочито для собственнаго употребленія императора Николая «Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Коммиссіею» [1]).

...Принятъ въ Союзъ Благоденствія въ 1820 году, а по уничтоженіи онаго присоединился къ обществу на югѣ. Участвовалъ въ совѣщаніяхъ въ Кіевѣ въ 1822 и въ 1823 и —въ деревнѣ Каменкѣ, гдѣ согласился какъ на введеніе республиканскаго правленія, такъ и на истребленіе всѣхъ особъ Императорской фамиліи. Будучи приглашаемъ къ участію въ злоумышленіи при Бобруйскѣ (1823), онъ отказался. Въ 1823 и 1824 годахъ троекратно бывши въ С.-Петербургѣ, онъ имѣлъ порученіе открыть сношенія съ сѣвернымъ обществомъ, стараться соединить оное съ южнымъ и направить къ одной цѣли, причемъ нѣкоторымъ членамъ открылъ о преступныхъ намѣреніяхъ своего общества. Возвратясь въ 1824 году съ Кавказа, онъ представилъ директоріи о мнимомъ существованіи тайнаго общества въ кавказскомъ корпусѣ. Въ 1825 году онъ участвовалъ въ переговорахъ съ депутатами варшавской директоріи и на него возложено было сноситься о важныхъ происшествіяхъ, а по порученію Пестеля онъ ѣздилъ въ Бердичевъ видѣться съ какимъ-то польскимъ генераломъ, коего, однако, тамъ не нашелъ.

[1]) Алфавитъ находился постоянно на столѣ у Николая Павловича, а нынѣ хранится въ Государственномъ Архивѣ. Дальше онъ цитируется кратко—Алфавитъ.

Онъ совѣтовалъ отклонить предложеніе графа Витта о вступленіи въ общество. Слышалъ о предположеніи начать возмутительныя дѣйствія въ 1825 году покушеніемъ на жизнь покойнаго императора при смотрѣ 3-го корпуса и въ 1826 году,—овладѣвъ главною квартирою 2 арміи. Въ день проѣзда генералъ-адъютанта Чернышева чрезъ Умань писалъ къ Пестелю, что онъ началъ приготовлять 19 дивизію принятіемъ членовъ; но при допросѣ въ Коммиссіи увѣрялъ, что писалъ сіе во избѣжаніе упрековъ за недѣятельность. Пестель, при самомъ арестованіи его, успѣлъ сказать Волконскому, чтобы спасали Русскую правду, о чемъ онъ сообщилъ Юшневскому и увѣдомилъ многихъ членовъ объ открытіи общества. Сверхъ того, онъ имѣлъ поддѣльную печать председателя полевого аудиторіата, для раскрытія пакета по слѣдственому дѣлу о родственникѣ его, Михаилѣ Орловѣ. При всемъ томъ онъ отказался отъ сдѣланныхъ ему приглашеній, какъ отъ принятія участія въ злоумышленіи при Бобруйскѣ въ 1823 году, такъ и по открытіи общества въ 1825, начать возмущеніе съ 19-й дивизіею, въ которой, несмотря на то, что былъ начальникомъ Каменской управы, не дѣйствовалъ ни на привлеченіе къ обществу, ни на приготовленіе подчиненныхъ своихъ къ цѣли онаго... Въ отвѣтахъ былъ чистосердеченъ. По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюля 1826 года Высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Высочайшимъ же указомъ 22 августа повелѣно оставить его въ работѣ 15 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибири...

О жизни Волконскаго на каторгѣ и въ ссылкѣ разсказано въ запискахъ княгини Волконской. Въ 1835 году, по всеподданѣйшей просьбѣ матери Волконскаго, Волконскій былъ освобожденъ изъ каторжной работы и обращенъ на поселеніе. Сначала онъ жилъ въ Петровскомъ заводѣ Иркутской губерніи, затѣмъ той же губерніи въ селеніи Уриковскомъ и, наконецъ, въ Иркутскѣ. Только

въ царствованіе императора Александра II въ день коронаціи 26 августа 1856 года, всемилостивѣйшимъ манифестомъ были дарованы «государственному преступнику Сергѣю Волконскому и законнымъ дѣтямъ его, рожденнымъ послѣ приговора надъ нимъ, всѣ права потомственнаго дворянства, только безъ почетнаго титула, прежде имъ носимаго, и безъ правъ на прежнее имущество, съ дозволеніемъ возвратиться съ семействомъ изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаетъ въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ С.-Петербурга и Москвы, подъ надзоромъ».

Волконскій пережилъ свою жену и скончался 28-го ноября 1865 года. Похороненъ онъ вмѣстѣ съ женой въ селеніи Воронкахъ, Черниговской губерніи.

3.

Отецъ М. Н. Волконской, старикъ Раевскій, 5 января 1826 года писалъ П. Л. Давыдову изъ Болтышки: «дочь моя Марія, 2-го числа родила сына благополучно; ты знаешь, что первыя 9-ть дней опасны. Малѣйшая тревога можетъ убить ее, мужъ ея при своемъ мѣстѣ, отлучиться ему нельзя. Женщинъ же однихъ теперь оставить невозможно!».

4.

Фамилія, пропущенная въ подлинникѣ и обозначенная точками, — Бошнякъ. Въ донесеніи Слѣдственной Коммиссіи онъ называется агентомъ графа Витта. Чиновникъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе графа Витта и былъ употребленъ для развѣдокъ, подъ личиной заговорщика, среди членовъ тайнаго общества. За службу эту 31 декабря 1826 года Высочайше повелѣно было производить ему жалованья по 5000 рублей въ годъ.

5.

Вас. Льв. Давыдовъ, братъ Н. Н. Раевскаго по матери, которая вышла, овдовѣвъ послѣ смерти Ник Сем. Раевскаго, замужъ за Льва Денис. Давыдова. Род. въ 1793 году, учился дома у abbé Froment и въ пансіонѣ аббата Николя; началъ службу въ л.-гв. Гусарскомъ полку, участвовалъ въ войнахъ 1812—1814 г.г. въ 1822 году уволенъ отъ службы, за ранами, полковникомъ. Въ «Алфавитѣ» сообщены слѣдующія о немъ свѣдѣнія:

...Вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1820 году и, по уничтоженіи онаго, присоединился къ южному обществу, въ которое самъ принялъ четырехъ членовъ. Онъ не только былъ въ Кіевѣ на совѣщаніяхъ 1822 и 1823 года, но и совѣщаніи сіи происходили у него въ домѣ, также и въ деревнѣ его—Каменкѣ. Онъ соглашался на введеніе республики, съ истребленіемъ государя и всего царствующаго дома, о чемъ объявлялъ и принимаемымъ имъ членамъ. Бывши въ С.-Петербургѣ, имѣлъ порученіе согласить сѣверное общество дѣйствовать къ одной цѣли съ южнымъ; на сей конецъ сносился съ нѣкоторыми членами.—Онъ зналъ о сношеніяхъ съ польскимъ обществомъ и говорилъ, что оно принимаетъ на себя изведеніе цесаревича. Зналъ о заговорахъ противъ покойнаго императора въ 1823 году при Бобруйскѣ и въ 1824 г. при Бѣлой церкви, однако, въ 1825 году на контрактахъ въ Кіевѣ не одобрялъ предложенія о начатіи возмутительныхъ дѣйствій. О совѣщаніяхъ, бывшихъ потомъ въ лагерѣ, чтобы начать возмущеніе непремѣнно въ 1826 году, равно и о положеніи покуситься на жизнь императора въ Таганрогѣ, ничего не зналъ. Впослѣдствіи слышалъ, что Артамонъ Муравьевъ клялся на евангеліи совершить сіе злодѣяніе; по кончинѣ же государя, не только зналъ о порывахъ Сергѣя Муравьева къ возмущенію, но по порученію Пестеля, намѣревавшагося сдѣлать то же, сообщилъ сочлену своему Янтальцеву быть въ готовности.

По открытіи общества, подполковникъ Поджіо говорилъ ему о намѣреніи отправиться въ С.-Петербургъ, для покушенія на жизнь нынѣ царствующаго императора, но онъ сего не одобрилъ. Онъ былъ начальникомъ Каменской управы и ему поручено было дѣйствовать на военныя поселенія, но тамъ никого не приглашалъ и даже, по недовѣрчивости, отклонилъ предложеніе графа Витта [1]) вступить въ общество.

По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюня Высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно. Высочайшимъ же указомъ 22 августа повелѣно оставить его въ работѣ 20 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибири.

Поступилъ въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники 27-го августа 1826 года. По окончаніи срока содержанія въ оной, по Высочайшему повелѣнію 10 іюля 1839 года, обращенъ на поселеніе въ городѣ Красноярскѣ Енисейской губерніи. Здѣсь онъ и умеръ 25 октября 1855 г.

6.

Влад. Ник. Лихаревъ былъ въ свойствѣ съ Раевскими. Его сестра Варвара Ник была второй женой Петра Льв. Давыдова, приходившагося по матери братомъ Н. Н. Раевскому-старшему. Кромѣ того, жена Лихарева—Екатерина Андреевна, рожд. Бороздина—была дочерью Софьи Львовны, рожденной Давыдовой, сестрѣ Петр. Льв. Давыдовой. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о Лихаревѣ сообщены Б. Л. Модзалевскимъ въ «Архивѣ Раевскихъ» (т. II. Спб., 1909, стр. 494—498). Лихаревъ родился въ 1800 году, учился дома и затѣмъ въ Московскомъ учебномъ заведеніи для колонновожатыхъ; къ моменту своего

[1]) Графъ Виттъ, узнавъ о существованіи общества и, по соизволенію покойнаго Государя Императора, изъявилъ чрезъ Бошняка желаніе свое вступить въ члены, въ намѣреніи открыть чрезъ то подробности заговора

ареста, былъ подпоручикомъ квартирмейстерской части. Въ «Алфавитѣ» содержатся слѣдующія свѣдѣнія объ участіи Лихарева въ тайномъ обществѣ: ...Былъ членомъ южнаго общества, но сокровенной цѣли не зналъ. Разговоры о введеніи республиканскаго правленія иногда слышалъ, однако, не считалъ ихъ слѣдствіемъ намѣренія, принятаго обществомъ. Онъ зналъ, что сѣверное и польское общество сносились съ южнымъ, и что послѣ арестованія Пестеля, подполковникъ Поджіо писалъ къ князю Волконскому о возмущеніи 19-й дивизіи. Ему читали предположеніе Поджіо — какимъ образомъ начать возмутительныя дѣйствія и куда слѣдовать. Слышалъ, когда Поджіо сказалъ: работайте здѣсь, а я вамъ отвѣчаю, что въ такой-то день государя не существуетъ. Также: что если теперь ничего нельзя сдѣлать, то подождемъ коронацію, тогда вся императорская фамилія соберется и будетъ удобный случай для покушенія. Прежде же того о сихъ ужасныхъ замыслахъ никогда при немъ говорено не было. Онъ сочинилъ взглядъ на военныя поселенія въ духѣ общества. Коллежскій совѣтникъ Бошнякъ показалъ, что Лихаревъ, сообщивъ ему свѣдѣнія о своемъ обществѣ и вспомнивъ, что онъ другъ графа Витта, грозилъ ему, въ случаѣ измѣны, ядомъ и кинжаломъ; но Лихаревъ въ семъ не сознался.

По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюля 1826 года Высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу на два года. Высочайшимъ же указомъ 22 августа повелѣно оставить его въ работѣ одинъ годъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибири.

Поступилъ въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники 4-го апрѣля. По Высочайшему повелѣнію въ апрѣлѣ 1828 года, обращенъ на поселеніе въ г. Кондинскъ, Тобольской губ., въ іюнѣ 1837 года опредѣленъ въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ рядовымъ. Поступилъ въ Куринскій Егерскій полкъ, 23-го іюля 1837 года. 10 іюля 1840 г. убитъ въ сраженіи съ горцами.

Незадолго до катастрофы Лихаревъ женился на дочери сенатора Андрея Мих. Бороздина—Екатеринѣ Андреевнѣ (ея сестра Марія одновременно вышла замужъ за Іосифа Поджіо). Жена его не послѣдовала за нимъ въ ссылку и вышла замужъ. Тоска по женѣ и по ребенкѣ, который родился у нея, когда Лихаревъ былъ уже въ ссылкѣ, отравила сибирскіе годы Лихарева. Полковникъ корпуса жандармовъ Масловъ, отправленный по Высочайшему повелѣнію въ Сибирь для собранія свѣдѣній о ссыльныхъ государственныхъ преступникахъ, доносилъ въ 1829 году о Лихаревѣ:

«Лихаревъ болѣе всѣхъ оказываетъ раскаянія въ своемъ преступленіи; писемъ его невозможно читать безъ глубочайшаго умиленія и состраданія. Онъ старается успокаивать и даже развеселять родственниковъ, и въ особенности жену, которую онъ любитъ страстно, какъ и младенца сына своего. Онъ изъ послѣдняго разряда осужденныхъ въ каторгу, и поступилъ изъ оной съ прочими на поселеніе. У него на лицѣ изображается терзаніе совѣсти и укоризнъ вины его. Обстоятельства родственныя и дружескія связи съ злоумышленниками причинили ему погибель. Участь свою онъ переноситъ съ тою твердостію, какъ Фурманъ, и совершенно убитъ своимъ положеніемъ. Слабое тѣлосложеніе его не обѣщаетъ долговѣчности. Утѣшеніе находитъ онъ въ религіи, помогаетъ бѣднымъ поселянамъ, пользуетъ съ успѣхомъ больныхъ, и жители отзываются о немъ, какъ о добромъ человѣкѣ. Обыкновенныя занятія его: чтеніе и рисованіе».

7.

Два брата Поджіо — старшій Іосифъ, младшій Александръ—дѣти итальянскаго аристократа, эмигрировавшаго изъ Пьемонта въ Одессу. Объ Іосифѣ Викторовичѣ въ «Алфавитѣ» читаемъ:

«Принятъ въ южное общество въ 1826 году. Зналъ цѣль — введеніе республиканскаго правленія, съ истре-

бленіемъ всей императорской фамиліи. Слышалъ о намѣреніяхъ покуситься на жизнь покойнаго государя въ 1823 году при Бобруйскѣ и въ 1824 году при Бѣлой Церкви, гдѣ онъ при разговорѣ съ Бестужевымъ-Рюминымъ, избѣгая ложнаго стыда,—казаться робкимъ, вызывался весть заговорщиковъ на цареубійство и дѣйствительно думалъ сіе исполнить, но вскорѣ раскаялся. Когда Бустужевъ-Рюминъ говорилъ, что хотя общество намѣревается истребить всю царствующую фамилію, но должно лишить жизни одного только государя, а прочихъ изгнать, то Поджіо поставилъ въ примѣръ Людовика XVIII, который возвратился во Францію и вновь овладѣлъ престоломъ. Кромѣ разговоровъ его съ членами общества, онъ никакого содѣйствія въ пользу онаго не оказалъ и въ совѣщаніяхъ не былъ. Водимый раскаяніемъ, онъ въ отвѣтахъ былъ весьма чистосердеченъ и даже не скрылъ обстоятельствъ, служившихъ къ вящему обвиненію брата его: какъ-то о письмѣ, которое посылалъ сей послѣдній къ князю Волконскому, возбуждая его къ возмущенію 19 дивизіи, для освобожденія Пестеля; также о намѣреніи его отправиться въ С.-Петербургъ, для покушенія на жизнь нынѣ царствующаго императора, и наконецъ, о признанной имъ возможности истребить всю императорскую фамилію въ Москвѣ во время коронаціи.

По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюля 1826 года высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу на 12 лѣтъ. Высочайшимъ же указомъ 22 августа повелѣно оставить въ каторжной работѣ 8 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибирь.

По Высочайшему повелѣнію, въ октябрѣ 1827 года, посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

9-го іюля 1834 года, по окончаніи опредѣленнаго ему заточенія, по Высочайшему повелѣнію, отправленъ изъ крѣпости на поселеніе, Иркутской губерніи въ селю Усть-Кудинское.

Умеръ 8-го января 1848 года».

Іосифъ Викторовичъ былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Бороздиной, приходившейся двоюродной племянницей княгинѣ М. Н. Волконской. Неожиданная и жестокая замѣна каторги одиночнымъ заключеніемъ въ крѣпости была результатомъ хлопотъ его тестя сенатора Бороздина, который не желалъ, чтобы его дочь послѣдовала за мужемъ въ ссылку. Въ архивѣ III отдѣленія есть указанія на то, что жена и мать Поджіо неоднократно запрашивали высшее начальство о мѣстопребываніи мужа и сына, и III отдѣленіе извѣщало ихъ, что оное неизвѣстно.

Объ Александрѣ Викторовичѣ «Алфавитъ» сообщаетъ:

«Принятъ въ южное общество въ 1823 году и самъ принялъ двухъ членовъ. Въ томъ же году при возстановленіи общества въ С.-Петербургѣ участвовалъ въ совѣщаніяхъ и составлялъ для онаго новыя правила, въ коихъ помѣстилъ, между прочимъ, что при возстаніи всѣ должны соединиться подъ знамена свободы.

При переговорахъ южнаго общества съ сѣвернымъ о принятіи республиканской цѣли съ истребленіемъ царствующаго дома, не только самъ одобрялъ сію мѣру, но передавалъ другимъ и говорилъ, что симъ должно начать самый приступъ къ дѣйствію. Онъ считалъ съ Пестелемъ особъ императорской фамиліи, обрекаемыхъ на жертву. По арестованіи Пестеля онъ намѣревался начать возмущеніе, письмомъ склонялъ къ тому князя Волконскаго и говорилъ съ другими членами, предполагая напасть на Тульчинъ и арестовать первыхъ лицъ главной квартиры 2-й арміи; а потомъ думалъ отправиться къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу, ожидая, что онъ начнетъ дѣйствія. Замышлялъ ѣхать въ Ригу, чтобы возбудить къ возмущенію полковника Вольскаго и—въ С.-Петербургъ для умерщвленія нынѣ царствующаго государя императора. Получивъ отрицательный отвѣтъ Волконскаго, сказалъ, что при коронаціи будетъ случай приступить къ покушенію на жизнь царской фамиліи. Онъ вообще является пламеннымъ членомъ, неукротимымъ въ словахъ и сужденіяхъ. Онъ слышалъ о покушеніяхъ на

жизнь покойнаго императора въ 1817 году въ Москвѣ, въ 1823 при Бобруйскѣ и въ 1824 при Бѣлой Церкви. Въ 1824 году видѣлъ донесеніе Бестужева-Рюмина о сношеніяхъ съ польскимъ обществомъ, отъ коего требовано умертвить цесаревича. Онъ одобрялъ мѣры, — избрать надежнѣйшихъ 12 человѣкъ для изведенія царствующей фамиліи.

По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюля 1826 года высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно. Высочайшимъ же указомъ 22 августа повелѣно оставить его въ работѣ 20 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибирь.

Поступилъ въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники, 4-го января 1827 года.

По окончаніи срока содержанія въ оной, по Высочайшему повелѣнію 10-го іюля 1839 года, обращенъ на поселеніе въ сел. Усть-Куда, Иркутской губерніи.

Любопытно, что А. В. Поджіо, разочаровавшись въ возможности общественной дѣятельности въ Россіи, вышелъ въ 1823 году въ отставку и передъ катастрофой собирался уѣхать навсегда въ Америку. Находясь въ Сибири, Поджіо занялся педагогической дѣятельностью и стяжалъ симпатіи всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе высокимъ благородствомъ характера, страстностью увлекающейся натуры и идеализмомъ настроенія. Въ 1913 году въ журналѣ «Голосъ Минувшаго» были напечатаны его любопытнѣйшія размышленія о прошломъ.

Умеръ Поджіо 6 іюля 1873 года въ Воронкахъ, Черниговской губерніи.

8.

Въ вступительной статьѣ (стр. 24) сказано, чѣмъ окончилось привлеченіе братьевъ Раевскихъ къ слѣдствію по дѣлу Раевскихъ. Дѣла объ нихъ, хранящіяся среди слѣдственнаго производства въ Государственномъ Архивѣ.

еще не изданы. Знакомство съ ихъ отвѣтами на допросахъ приводитъ къ заключенію, что они держались съ рѣдкимъ достоинствомъ. Для характеристики Александра Раевскаго, пушкинскаго демона, любопытно привести его отвѣты. Текстъ вопросовъ, ясныхъ изъ отвѣтовъ, не приводится.

1. Никогда не принадлежалъ никакому тайному обществу.

2. Полковника Пестеля я видалъ на кіевскихъ контрактахъ и, кромѣ обыкновеннаго знакомства, съ нимъ сношеній не имѣлъ.

3. Ничего не зналъ.—Съ княземъ Волконскимъ, кромѣ родственныхъ, сношеній не имѣлъ и весьма рѣдко съ нимъ видѣлся, потому что по большей части я жилъ въ Бѣлой Церкви, а онъ—въ Умани. Прошлаго года въ концѣ іюля я пробылъ въ его домѣ въ Одессѣ около трехъ недѣль съ матерью и сестрами, никогда почти не находился наединѣ съ княземъ Волконскимъ и политическихъ разговоровъ съ нимъ не имѣлъ. Съ Васильемъ Львовичемъ Давыдовымъ я очень рѣдко видѣлся; раза два въ годъ и пріѣзжалъ въ М. Каменку съ почтеніемъ къ покойной бабкѣ и то на два, на три дня; кромѣ обыкновенныхъ, разговоровъ съ В. Л. Давыдовымъ никакихъ не имѣлъ, сколько могу помнить, тѣмъ болѣе, что нравы наши не согласились межъ собою.

4. Не знавъ ничего о тайномъ обществѣ, ничего не могу отвѣчать на сей вопросъ.

5. Духъ новизны я замѣтилъ уже давно и приписывалъ его вліянію чтенія французскихъ политическихъ книгъ.—Я уже шесть лѣтъ живу почти безвыѣздно въ Кіевской губерніи; видѣлъ тѣхъ особъ, которыя принимались въ домѣ моего отца; связей съ поляками никогда не имѣлъ, а предполагаю, что они старались внушить духъ неудовольствія, потому что они одни могли найти выгоды во внутреннихъ безпорядкахъ Россіи, чтобъ воспользоваться оными и отъ насъ отложиться. Польскіе помѣщики, люди праздные, неслужащіе, болѣе русскихъ

ѣздятъ въ чужіе края и тамъ напитываются мыслями, никакъ неприличественными для Россіи; къ тому же возстановленіе польскаго царства и данныя оному представительныя конституціи возвысили надежды, утвердили видомъ законности ихъ желанья; потому то я всегда считалъ, что сіи мѣры нанесли большой вредъ Россіи: онѣ никого съ нами не мирили, родили чувства зависти, и мысли неприличныя нашему отечеству.—Я поступилъ бы противъ совѣсти и чести, если-бъ назвалъ кого изъ знакомыхъ помѣщиковъ, потому что съ поляками, кромѣ весьма обыкновенныхъ отношеній знакомства, связей никогда не имѣлъ; а разсужденія мои основаны на догадкахъ о вышепоясненномъ положеніи вещей.

6. Я замѣтилъ большую перемѣну мыслей со времени возвращенія моего изъ Франціи въ 1819 году; приписывалъ оное, какъ я выше сказалъ, вліянію французскихъ книгъ и возстановленію царства польскаго.—Я замѣтилъ, что вообще читали болѣе прежняго газеты и разсуждали болѣе о предметахъ политическихъ, но всѣ мои на то познанья такъ глухи и общественны, что никого назвать не могу.

7. Мысли въ человѣкѣ образуются не разомъ, особенно въ головахъ молодыхъ и неопытныхъ; я себя никакъ не могу исключить общему сему закону; но могу удостовѣрительно сказать, что вотъ уже четыре года, что я непоколебимо увѣрился, что для Россіи нѣтъ приличнѣе правленія самодержавнаго: столь многочисленныя племена различныхъ вѣръ и нарѣчій, столь обширное пространство и малое просвѣщеніе не терпятъ другого образа правленія, какъ самовластнаго рода правленія, которому Россія обязана и своей славой и могуществомъ. Опасаюсь только, чтобы нѣсколько милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ, нетерпѣливо ожидавшіе освобожденія, не были-бъ причиною большихъ безпорядковъ; далѣе я не могу вступать въ разсужденья о способахъ, какъ освободить оныхъ крестьянъ безъ ущерба выгодъ помѣщиковъ и нарушенія общаго спокойствія.—Не имѣвъ ни съ кѣмъ связи, я мало

говорилъ о политическихъ предметахъ, мыслей своихъ почти не сообщалъ, жилъ уединенно съ своимъ семействомъ и симъ обстоятельствамъ приписываю счастье не получать никакихъ предложенiй къ вступленiю какого-то ни было тайнаго общества.—Къ тому же будучи всегда больнымъ, отъ того угрюмаго нрава и человѣкомъ безъ всякаго влiянiя, я не могу и придумать, чѣмъ я бы могъ быть полезенъ тайному обществу. 15 января 1826 года С.-Петербургъ.

9.

Наблюдавшiй за исполненiемъ казни ген.-ад. Голенищевъ-Кутузовъ 13 iюля 1826 года доносилъ Николаю Павловичу: «Экзекуцiя кончилась съ должной тишиной и порядкомъ какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было немного. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнiю устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое, а именно: Рылѣевъ, Каховскiй и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ В. И. В. всеподданнѣйше доношу».

10.

17 iюля 1826 года Начальникъ Главнаго Штаба сообщалъ Военному Министру Высочайшее повелѣнiе:

«Изъ числа приговоренныхъ въ каторжную работу, 8 человѣкъ, а именно: Сергѣя Трубецкого, Евгенiя Оболенскаго, Артамона Муравьева, Василiя Давыдова, Якубовича, Сергѣя Волконскаго, Борисова 1-го и Борисова 2-го отправить немедленно закованными въ двухъ партiяхъ, имѣя при каждомъ преступникѣ одного жандарма и при каждыхъ четырехъ одного фельдъегеря, въ Иркутскъ къ гражданскому губернатору Цейдлеру, коему сообщить Высочайшую волю, дабы сiи преступники были

употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу, и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжниковъ положенію; чтобы онъ назначилъ, для неослабнаго и строгаго за ними смотрѣнія, надежнаго чиновника, за выборъ коего онъ отвѣтствуетъ, и чтобы онъ о состояніи ихъ ежемѣсячно доносилъ въ собственныя руки Его Величества черезъ Главный Штабъ».

По Высочайшей волѣ преступники отправлялись не черезъ Москву, а по Ярославскому тракту, подъ отвѣтственностью губернаторовъ, съ тѣмъ, чтобы о поведеніи и содержаніи оныхъ преступниковъ они доносили въ собственныя руки Его Величества черезъ Главный Штабъ.

11.

Жена князя Никиты Григорьевича (1782—1840), княгиня Зинаида Александровна Волконская (1792—1862), дочь кн. А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и А. Г. урожд. Козицкой, пользовалась въ свое время громкой извѣстностью, какъ одна изъ самыхъ блестящихъ женщинъ эпохи. Послѣ придворныхъ тріумфовъ, въ особенности на Веронскомъ конгрессѣ, княгиня поселилась въ Москвѣ. Ея домъ здѣсь сталъ блестящимъ салономъ, литературнымъ и аристократическимъ. Перечислить лицъ, посѣщавшихъ ея литературные вечера, концерты, значило бы назвать почти всѣхъ представителей литературнаго и аристократическаго міра: Пушкинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, А. Мицкевичъ, Д. Н. Веневитиновъ и т. д. Ее восхвалили Пушкинъ, Баратынскій, Веневитиновъ, Мицкевичъ. Сама она была женщина разностороннихъ талантовъ: она писала стихи и прозу, великолѣпно играла и пѣла, сочиняла оперы. Пушкинъ, посылая ей поэму «Цыгане», писалъ ей:

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.

Царица музъ и красоты,
Рукой нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній...

12.

Кн. М. С. Волконскій сообщаетъ, что этотъ священникъ о. Петръ Громовъ, бывшій впослѣдствіи настоятелемъ Петровскаго Завода, оставилъ въ заключенныхъ благодарную память (Записки, 36).

13.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ (1792—1864) братъ Николая Николаевича (Карскаго), графа Михаила Николаевича (Виленскаго) и Андрея Николаевича (писателя по церковнымъ вопросамъ) принималъ участіе только въ «Союзѣ благоденствія» и вышелъ изъ него еще до распаденія его въ 1821 году; поэтому онъ отдѣлался сравнительно легко - ссылкой въ Верхнеудинскъ Восточной Сибири безъ лишенія правъ. Въ 1828 году онъ уже городничимъ въ Иркутскѣ, въ 1831—предсѣдателемъ Иркутскаго Губернскаго Правленія, въ 1833—Тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ, въ 1834—предсѣдателемъ Вятской Уголовной Палаты, въ 1835—предсѣдателемъ Симферопольской Уголовной Палаты, въ 1837 — Архангельскимъ губернаторомъ и т. д. Нѣкоторое время былъ нижегородскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ сенатора въ Москвѣ.

14.

Кн. М. С. Волконскій на основаніи архивныхъ матеріаловъ приводитъ слѣдующія любопытныя данныя о нерчинской жизни декабристовъ и ихъ женъ (Записки, 142 и сс.).

Отправленные изъ Иркутска восемь человѣкъ прибыли въ Нерчинскіе заводы и 25-го октября 1826 года были помѣщены въ Благодатскомъ рудникѣ, въ 12 верстахъ отъ главнаго Нерчинскаго завода. Управляющій горною конторою и всѣми рудниками, маркшейдеръ Черниговцевъ, доноситъ объ этомъ начальнику Нерчинскихъ заводовъ 26-го октября, прибавляя, что «всѣ означенные восемь «человѣкъ размѣщены по принадлежности на Благодат-«скомъ рудникѣ, что всѣ они ремесла никакого за собой «не имѣютъ, кромѣ россійскаго языка и прочихъ наукъ, «входящихъ въ курсъ благороднаго воспитанія; нѣкото-«рые знаютъ иностранные языки, на каковыхъ написаны «ими самими за подпискою прописи, которыя съ засви-«дѣтельствомъ моимъ при семъ также представляются». При этомъ Черниговцевъ представляетъ перепись вещамъ каждаго изъ нихъ, въ которыхъ находятся, между прочимъ, у каждаго: образъ, Евангеліе, «грудные» кресты, бѣлье, платье, въ ограниченномъ количествѣ, нагольные тулупы, у нѣкоторыхъ чугунныя распятія; изъ книгъ: календари и пр. Часть вещей при нихъ оставлена, другая, въ томъ числѣ деньги, въ ничтожномъ количествѣ, отобраны на храненіе. Относительно ихъ содержанія и употребленія въ работы сдѣлано губернаторомъ Цейдлеромъ, 27 августа 1826 года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, распоряженіе начальнику заводовъ Бурнашеву, «чтобы сіи преступники были употребляемы, какъ слѣ-«дуетъ, въ работу, и поступлено было съ ними во всѣхъ «отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ поло-«женію, чтобы былъ назначенъ для неослабнаго за ними «смотрѣнія надежный чиновникъ, и чтобы о состояніи «ихъ ежемѣсячно доносилось въ собственныя руки Его «Величества черезъ Главный Штабъ». При этомъ губер-«наторъ Цейдлеръ указываетъ, между прочимъ, чтобы «рудникъ былъ для нихъ избранъ въ сторонѣ отъ боль-«шихъ дорогъ и не близко къ границѣ «Китайской», чтобы «содержаніе ихъ было обезпечено, дабы не допускать ихъ «до свободы, которую каторжные по окончаніи работъ

«имѣютъ для сниcканія себѣ вольными работами средствъ «къ содержанію подкрѣпленія» [1]).

Закованные въ кандалы, арестанты работали въ подземныхъ шахтахъ, спускаясь въ нихъ въ пять часовъ утра и оставаясь до одиннадцати дня. Норма выработки руды полагалась въ три пуда на каждаго. Эта работа, сравнительно облегченная, была установлена въ ноябрѣ 1826 года, по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири, сообщенному Т. С. Бурнашеву губернаторомъ Цейдлеромъ, который писалъ: «Нынѣшній порядокъ объ «употребленіи ихъ въ работу признаю нужнымъ перемѣнить, «и потому распорядиться, чтобы они были употре-«блены въ работу одну смѣну въ сутки, посылать ихъ безъ «изнуренія, и съ обыкновенными льготными днями, но «надзоръ за ими усугубить».

Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, взятыя изъ отмѣтокъ, представляемыхъ ближайшими тюремными надзирателями начальнику Нерчинскихъ заводовъ Бурнашеву, при особыхъ рапортахъ. Послѣдніе посылались, по его распоряженію, еженедѣльно, съ приложеніемъ составлявшихся ежедневно «Списковъ о поведеніи, занятіяхъ и здоровьѣ государственныхъ преступниковъ», которые ярко рисуютъ жизнь и занятія ихъ за этотъ періодъ времени. «Вели себя», говорится въ одномъ изъ списковъ, «добропорядочно, при производствѣ работъ были при-«лежны и ничего противнаго не говорили, къ поставлен-«нымъ надъ ними смотрителямъ были послушны, харак-«теръ показывали скромный, въ квартирахъ своихъ ни-«какихъ въ чемъ-либо ропотныхъ словъ не говорили, «кромѣ словъ чувствительныхъ, раскаяніе въ своихъ пре-«ступленіяхъ изъявляющихъ». Въ декабрѣ 1826 года: «Сергѣй Трубецкой одержимъ грудною и внутреннею бо-«лѣзнью, какъ кажется, чахоткою, одержимъ кровохар-«каніемъ, чувствуетъ великую слабость въ груди». 16-го «февраля 1827 года: «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Вол-

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

«конскій»,—съ пріѣздомъ женъ,—«сдѣлались примѣрно «веселы». 1-го апрѣля 1827 года: «Съ 22-го марта Сергѣй «Волконскій былъ нездоровъ простудной горячкой». Мартъ «1827 года: «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Волконскій на-«выкаютъ къ роду нынѣшней жизни, больше бываютъ «спокойны, но Волконскій, по слабому здоровью, чаще «задумчивъ». 1-го апрѣля 1827 года, противъ имени Артамона Муравьева: «Съ полученіемъ имъ письма (27 «марта) отъ его жены «душевно страдаетъ». 28-го февра-«ля: Сергѣй Волконскій для свиданія съ женою въ работу «посылаемъ не былъ». «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Вол-«конскій, 14-го числа сего марта, для свиданія съ женами, «въ работу не посылались». «17-го и 20-числа марта Тру-«бецкой и Волконскій съ женами ихъ имѣли свиданія». «23-го, 26-го и 29-го числа марта Трубецкой и Волконскій «съ ихъ женами имѣли свиданія». Противъ имени Александра Якубовича: «Часто жалуется на боль въ головѣ «(отъ раны въ черепѣ, полученной на Кавказѣ) и груди, «но въ работу ходитъ безъ ропота, унылъ, иногда и бы-«ваетъ веселъ, но съ большимъ принужденіемъ». Въ мартѣ мѣсяцѣ: «Сергѣй Волконскій и другіе работали въ горѣ, «въ Крещенскомъ провалѣ прилежно и старались быть «веселыми, работали съ великимъ терпѣніемъ». О братьяхъ Борисовыхъ повторяются слѣдующіе отзывы: «Всегда «печальны, тихи, молчаливы и съ большимъ терпѣніемъ «переносятъ свое состояніе». О Василіи Давыдовѣ частая отмѣтка: «Хотя и бываетъ веселъ, но очень рѣдко». Часто попадается слѣдующая отмѣтка, относящаяся ко всѣмъ: «Занимаются болѣе чтеніемъ священныхъ книгъ». То же въ мартѣ мѣсяцѣ сказано обо всѣхъ вообще: «Между со-«бой очень дружны, харчевые припасы и табакъ кури-«тельный употребляютъ общій, которые доставляются имъ «отъ княгинь Трубецкой и Волконской, и нерѣдко одеж-«ныя вещи безъ всякаго въ деньгахъ учета»[1]). Всѣ

---

[1]) Рапорты и списки, представляемые начальнику Нерчинскихъ горныхъ заводовъ шахтмейстеромъ Рикомъ, бергъ-гешворенемъ Котлевскимъ

остальныя помѣтки въ этомъ родѣ; нигдѣ нѣтъ дурного отзыва.

Относительно здоровья осужденныхъ имѣется, между прочимъ, рапортъ, отъ 27-го февраля 1827 года, управляющаго медицинскою частью, лѣкаря Владзимірскаго, гдѣ говорится, что «Трубецкой страдаетъ болью горла и «кровохарканіемъ. Волконскій слабъ грудью; Давыдовъ «слабъ грудью, и у него открываются раны; у Оболенскаго «цынготная болѣзнь съ болью зубовъ; Якубовичъ отъ «увѣчьевъ страдаетъ головой и слабъ грудью; Борисовъ «Петръ здоровъ, Андрей страдаетъ «помѣшательствомъ «въ умѣ» [1]). Прибавимъ отъ себя, что это тихое помѣшательство осталось у А. И. Борисова на всю жизнь. Онъ покончилъ самоубійствомъ въ деревнѣ Разводной подъ Иркутскомъ, 30-г осентября 1854 г., при видѣ брата, скончавшагося внезапно отъ разрыва сердца.

Относительно носимыхъ заключенными оковъ, имѣется въ дѣлахъ Архива Нерчинскихъ горныхъ заводовъ слѣдующій рапортъ [2]).

Въ Нерчинскую Горную Контору
бергъ-гешворена Котлевскаго

Рапортъ.

Его Высокородіе господинъ начальникъ Нерчинскихъ заводовъ и кавалеръ, при повелѣніи отъ 24-го сего марта, за № 82, препроводилъ ко мнѣ восемь паръ ножныхъ оковъ, сдѣланныхъ при Нерчинскомъ заводѣ по новому образцу съ замками, съ однимъ у всѣхъ ключемъ для го-

---

и прапорщикомъ Резановымъ. (Архивъ III Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи).

[1]) Архивы: III Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи и Нерчинскихъ горныхъ заводовъ.

[2]) Документы, взятые изъ Архива Нерчинскихъ горныхъ заводовъ и сообщенные въ Ист. Вѣстн. П. Труневымъ (Августъ 1897 г. т. LXIX).

сударственныхъ преступниковъ, въ коемъ предписать изволилъ — тѣ оковы записать при дистанціи на приходъ цѣною каждыя по 2 рубля $15^{3}/_{8}$ копѣекъ, а вѣсомъ оказались каждыя по 5 фунтовъ, о чемъ Нерчинской главной конторѣ къ свѣдѣнію симъ донесть честь имѣю. Марта 30 дня 1827 года.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.

Пребываніе въ Благодатскомъ рудникѣ и работы въ немъ продолжались до 13-го сентября 1827 года, всего около одиннадцати мѣсяцевъ. Генералъ Лепарскій, усмотрѣнію котораго было предоставлено избрать мѣсто для содержанія декабристовъ, остановилъ свой выборъ на с. Читѣ и распорядился постройкою тамъ большого острога. 9-го сентября, находясь въ Нерчинскомъ заводѣ, онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Княгинямъ Вол«конской и Трубецкой объявить, чтобы онѣ отправились «11-го сентября и слѣдовали бы въ Читу въ сопрово«жденіи унтеръ-офицера Макавеева, которому дать откры«тое предписаніе, чтобы отъ станціи до станціи давали «для безопаснаго проѣзда княгинь по два или по три че«ловѣка конныхъ вооруженныхъ крестьянъ. Затѣмъ, 13-го «сентября отправить всѣ восемь человѣкъ государствен«ныхъ преступниковъ и везти ихъ по указанному мар«шруту при командѣ изъ унтеръ-офицера и 12-ти каза«ковъ, находившихся при нихъ въ рудникѣ». Отъ станціи до станціи назначалось по 5-ти конныхъ вооруженныхъ крестьянъ, а на ночлегахъ по 6-ти пѣшихъ въ помощь казакамъ. При встрѣчѣ на пути партій ссыльныхъ предписывалось удалять ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ большой дороги. «Порядокъ похода на подводахъ» предписано было наблюдать слѣдующій: «Впереди на одной «повозкѣ ѣхать унтеръ-офицеру, а за нимъ двумъ повоз«камъ казаковъ, двумъ повозкамъ съ арестантами, двумъ «съ казаками, и въ замкѣ ѣхать послѣдней повозкѣ г-на «офицера; крестьянамъ верховымъ ѣхать одному впереди, «а по два по сторонамъ противъ повозокъ арестантскихъ.

«На пути арестантамъ ни съ кѣмъ не позволять говорить «и никого къ нимъ не впускать, хотя бы то были земскіе «или военные чиновники». Одновременно съ этимъ генералъ Лепарскій пишетъ Бурнашеву: «При осмотрѣ вче«рашняго числа на Благодатскомъ рудникѣ государствен«ныхъ преступниковъ, я нашелъ, что изъ нихъ Волкон«скій, болѣе всѣхъ похудѣвшій, и довольно (какъ мнѣ «показался) слабъ, а какъ при переѣздѣ ихъ не встрѣ«тится на пути, на случай надобности въ лѣкарствахъ, «никакой помощи медицинской, потому прошу Вашего «Высокородія дозволить получить отъ княгини Волкон«ской тому г. офицеру, кто отправится съ преступниками, «двѣ бутылки вина мадеры и одну водки, чтобы произво«дить, по усмотрѣнію его, Волконскому порцію по двѣ «рюмки въ сутки одного изъ сихъ напитковъ» [1]).

Относительно досмотра и сбереженія вещей, отобранныхъ у заключенныхъ, можно привести слѣдующее характерное предписаніе начальника горныхъ заводовъ:

Нерчинской горной конторѣ.

По просьбѣ жены государственнаго преступника Сергѣя Волконскаго, княгини Волконской, предписываю горной конторѣ, изъ вещей, принадлежащихъ Волконскому, хранящихся при оной конторѣ, отослать на Благодатскій рудникъ къ прапорщику Резанову шинель тонкаго сукна, подбитую ватой, съ бобровымъ воротникомъ и пѣнковую трубку, снявъ съ оной серебряную оправу и оставивъ сію послѣднюю на храненіе съ прочими вещами при сей конторѣ; шинель отослать княгинѣ Волконской на перешивку оной собственно для нея, а трубку для употребленія преступникомъ Волконскимъ, которыя и исключить изъ описи вещей преступника Волконскаго. 10-го іюня 1827 г., № 160 [2]).

Т. Бурнашевъ.

---

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи.

[2]) Документы, взятые изъ Архива Нерчинскихъ горныхъ заводовъ и сообщенные въ Историческомъ Вѣстникѣ П. Труневымъ. (Авг. 1897 г., т. LXIX).

Относительно выдававшагося содержанія и жалованія приводимъ слѣдующій рапортъ [1]):

Въ Нерчинскую горную контору
Благодатской дистанціи

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія оной конторы отъ сего числа, за № 4064, о выдачѣ денежной платы и провіанта восьми человѣкамъ государственнымъ преступникамъ, при семъ Нерчинской горной конторѣ дистанція представить честь имѣетъ расчетъ по 20-е число сего мѣсяца сентября 19-го дня 1827 года, № 948.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.
Горный писарь Мыльниковъ.

За августъ мѣсяцъ слѣдуетъ государственнымъ преступникамъ жалованья:

Сергѣю Трубецкому	— р.	63½	к.
Сергѣю Волконскому	— »	65½	»
Артамону Муравьеву	— »	76	»
Александру Якубовичу	1 »	09	»
Евгенію Оболенскому	1 »	89½	»
Андрею Борисову 1-му	— »	95½	»
Петру Борисову 2-му	1 »	93	»
Василію Давыдову	— »	69½	»
Итого . .	8 р.	61½	к.
За сентябрь	4 »	6	»
Всего . .	12 р.	67½	к.

Подписали: Котлевскій и Мыльниковъ.

---

[1]) Тамъ же.

15.

Въ Высочайшей инструкціи коменданту, ген.-маіору Лепарскому, о перепискѣ государственныхъ преступниковъ и ихъ женъ, сказано: «Преступникамъ, осужденнымъ въ «каторжную работу, воспрещается вовсе писать и посы-«лать отъ себя письма кому бы то ни было. Женамъ же «ихъ позволено посылать отъ себя письма къ родственни-«камъ ихъ и къ другимъ лицамъ, но таковыя письма «должны онѣ доставлять открытыя г. Коменданту, который «обязанъ препровождать ихъ къ Гражданскому Губерна-«тору для дальнѣйшаго отправленія. Письма простыя, а «также съ деньгами и посылками, ежели слѣдовать бу-«дутъ изъ Россіи на имя осужденныхъ въ каторжную ра-«боту и ихъ женъ, то по доставленіи ихъ къ Гражданскому «Губернатору, который имѣетъ право раскрывать ихъ, и «тѣ, въ коихъ не найдетъ ничего противнаго, доставлять «къ нимъ по адресамъ, открытыя черезъ Коменданта, от-«сылая къ нему также деньги и посылки».

16.

Ентальцевъ былъ осужденъ по 7-му разряду къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года; по указу 22 августа 1826 года работы были сокращены до года, и Ентальцевъ былъ водворенъ въ 1828 году въ Березовъ, а въ 1830 году переведенъ въ Ялуторовскъ. Въ ссылку послѣдовала за нимъ его жена Александра Васильевна. Тяжело сложилась ея жизнь въ Сибири. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и слѣдующее донесеніе полковника корпуса жандармовъ Келчевскаго отъ 1832 года о ссыльныхъ въ Тобольской губерніи:

«Ентальцевъ въ Ялуторовскѣ, ни съ кѣмъ дружескихъ связей не имѣетъ и почти никуда не выходитъ. Жена, раздѣляющая его участь, привезла съ собой въ Сибирь, для прислуги себѣ, человѣка и дѣвку. Ентальцевъ влю-

бился въ эту дѣвку и ревнуя къ ней онаго человѣка, жестоко поступалъ съ обоими, даже на жену свою, старавшуюся ласками унять его, поднималъ руки и успокоился нѣсколько тогда только, когда человѣкъ тотъ женился. Слѣдовало бы удалить дѣвку изъ Ялуторовска, какъ крѣпостную Ентальцевой, ибо есть повелѣніе, чтобы слуги у преступниковъ не были изъ принадлежащихъ семейству его крѣпостныхъ людей».

Ентальцевыхъ преслѣдовалъ рядъ доносовъ, вызвавшихъ тягостныя административныя разслѣдованія. Съ конца 30-хъ годовъ началась душевная болѣзнь Ентальцева, которая въ 1814 году разрѣшилась въ тихое умопомѣшательство и закончилась смертью въ 1845 году. Послѣ смерти мужа, Ентальцева была оставлена въ Ялуторовскѣ подъ надзоромъ полиціи; въ просьбѣ о разрѣшеніи возвращенія въ Россію ей было отказано, и только по изданіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года она получила дозволеніе вернуться въ Россію. Она выѣхала изъ Сибири въ 1857 году и черезъ годъ скончалась въ Москвѣ.

17.

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая была дочерью французскаго эмигранта, дѣйствительнаго камергера и церемоніймейстера графа Ив. Степ. Лаваля. Онъ былъ женатъ на извѣстной милліонершѣ Алдр. Григ. Козицкой и славился своимъ богатствомъ, пріемами и широкимъ образомъ жизни. Княгинѣ Трубецкой не суждено было вернуться изъ Сибири: она умерла 14 октября 1854 г.

18.

Жена Никиты Михайловича Муравьева, Александра Григорьевна урожденная графиня Чернышева, сестра также осужденнаго въ каторгу графа Захара Григорьевича Чернышева. Она умерла 22 ноября 1832 года. Дочь «Нонушка» вышла впослѣдствіи за М. И. Бибикова.

19.

Елизавета Петровна Нарышкина, рожд. графиня Коновницына (род. 1 апрѣля 1801, ум. 11 декабря 1867 г.), послѣдовала за своимъ мужемъ Мих. Мих., которому, по указу 22 августа 1826 г., каторжныя работы были сокращены до 8 лѣтъ. Въ 1832 году М. М. Нарышкинъ былъ освобожденъ отъ работъ и, по ходатайству тещи своей, поселенъ въ Курганѣ Тобольской губ. Въ 1835 году Нарышкина, больная женщина, попробовала было попросить о перемѣщеніи ея и мужа на югъ Россіи, но Николай Павловичъ положилъ резолюцію: «если Нарышкина полагаетъ, что городъ Курганъ, который, впрочемъ, находится въ самой южной части Тобольской губерніи, по климату своему вреденъ для ея здоровья, то она можетъ избрать для жительства ея съ мужемъ другое мѣсто, въ южной Сибири». Но Нарышкина изъ Кургана не пожелала перейти. Въ 1837 году М. М. Нарышкинъ былъ переведенъ рядовымъ въ Кавказскій корпусъ. Елиз. Петр. поселилась на Кавказѣ въ Прочномъ Окопѣ и сгруппировала въ своемъ домѣ служившихъ въ войскахъ декабристовъ. И здѣсь ей жилось нелегко, такъ какъ мужу часто приходилось принимать участіе въ экспедиціяхъ. Только въ 1843 году Нарышкинъ получилъ чинъ прапорщика, а въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы проживать въ имѣніяхъ своей жены. Такимъ образомъ Нарышкина возвратилась въ Россію скорѣе всѣхъ другихъ женъ декабристовъ—черезъ 18 лѣтъ.

20.

Наталья Дмитріевна Апухтина родилась 7 апрѣля 1805 года. Дѣвушка мечтательнаго и пылкаго воображенія и мистическихъ настроеній, уже въ 1821 году она вышла замужъ за своего двоюроднаго дядю, Михаила Александровича Фонвизина, которому въ то время было уже

около 40 лѣтъ. Приговоромъ Верховнаго суда М. А. Фонвизинъ былъ отнесенъ къ 4-му разряду и, послѣ смягченій по указу 22 августа 1826 года, опредѣленъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Его жена исполнила свой подвигъ и послѣдовала за нимъ, оставивъ съ великой сердечной болью въ Россіи двухъ сыновей. «Какъ сладостна для меня мысль, что я буду вполнѣ раздѣлять участь твою! Повѣришь-ли, что она украшаетъ мое существованіе!» — писала она мужу въ его заточеніе. Въ 1834 году М. А. Фонвизинъ былъ водворенъ на поселеніе, сначала въ Енисейскѣ, потомъ въ Красноярскѣ и, наконецъ, въ Тобольскѣ. Въ 1841 году Н. Д. Фонвизина умоляла графа Бенкендорфа о разрѣшеніи пріѣхать въ Россію проститься съ матерью своей, терявшей зрѣніе, обѣщая подчиниться всѣмъ условіямъ и даже не пытаться видѣть своихъ дѣтей. Графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ, что «находитъ невозможнымъ ходатайствовать о подобномъ разрѣшеніи». Въ 1853 году М. А. Фонвизину было разрѣшено вернуться въ Россію для пребыванія въ с. Марьинѣ Бронницкаго уѣзда Московской губерніи. Только 11 мѣсяцевъ прожилъ М. А. Фонвизинъ въ Россіи: 30 августа 1854 года онъ умеръ. Вскорѣ послѣ его смерти Н. Д., по страстной любви, вышла замужъ за декабриста Ив. Ив. Пущина, пережила его и умерла 10 октября 1869 года.

21.

Урожденная Жанетта Поль, Прасковья Григорьевна Анненкова, жизнерадостная и добрая женщина, раздѣлила годы каторги и ссылки своего мужа Ивана Александровича и вмѣстѣ съ нимъ вернулась въ Россію только по манифесту 1856 года. Умерла 14 сентября 1876 года. Ея разсказъ о ссылкѣ былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» за 1888 годъ.

22.

Объ Александрѣ Ивановнѣ Давыдовой совсѣмъ нѣтъ

свѣдѣній. Она была простого состоянія, дочь губ. секретаря Ивана Моисеевича Потапова; къ моменту катастрофы у Давыдовыхъ было пятеро дѣтей. Передъ отправленіемъ въ Сибирь ей пришлось размѣстить дѣтей по родственникамъ. Въ Сибири у Давыдовыхъ родилось еще пять человѣкъ дѣтей. Вас. Льв. Давыдовъ, одинъ изъ всѣхъ семейныхъ декабристовъ, выразилъ согласіе на перемѣну фамиліи своихъ дѣтей. Умеръ онъ, не дождавшись помилованія, въ Красноярскѣ въ 1855 году. А. И. Давыдову, по словамъ А. Е. Розена, отличали постоянная необыкновенная кротость нрава, всегда ровное расположеніе духа и смиреніе.

23.

«Марія Матвѣевна Мальнева, прекрасная женщина, пріѣхавъ въ Сибирь, не разставалась болѣе съ княгиней Волконской и умерла въ старости, вскорѣ за нею, въ с. Воронкахъ Черниговской губерніи». (Записки, 74).

24.

Въ сентябрѣ 1829 г. полковникъ корпуса жандармовъ Масловъ, ревизовавшій каторгу и ссылку государственныхъ преступниковъ, доносилъ о преступникахъ, содержащихся въ Читинскомъ острогѣ, что «они всѣ ведутъ себя съ примѣрною кротостію. Слыша, что нѣкоторые изъ ихъ соучастниковъ отправлены въ армію, они оживляются надеждою удостоиться того же. Высочайшую милость объ освобожденіи ихъ отъ оковъ они приняли съ глубочайшимъ умиленіемъ и плакали, когда снимали съ нихъ оковы. Они совершенно обратились къ религіи, читаютъ Священныя книги, приглашаютъ къ себѣ священника для богослуженія и допускаются въ церковь для Святаго Причастія, но тогда не позволяется жителямъ никому приходить въ церковь. На земляную работу употребляются ежедневно по три часа утромъ и по два послѣ обѣда;

въ свободное отъ работы время занимаются разными рукодѣліями, чтеніемъ и изученіемъ другъ у друга языковъ: нѣкоторые учатся даже монгольскому и еврейскому. Плацъ-адъютанты, при осмотрѣ казармъ, обязаны наблюдать также, чтобы никто изъ преступниковъ не имѣлъ книги, не подписанной комендантомъ. Имъ не даютъ сочиненій, касающихся государственнаго управленія. Когда занимающіеся какимъ-нибудь ремесломъ перестаютъ работать, то всѣ инструменты у нихъ отбираютъ и хранятъ подъ замкомъ. Присылаемыя имъ письма комендантъ тщательно разсматриваетъ, а деньги хранятся въ Горномъ казначействѣ и выдаются имъ по мѣрѣ надобности, съ величайшею осмотрительностію.

Когда дошелъ въ Читу слухъ, что ссыльный каторжный въ Нерчинскихъ заводахъ Суханинъ *) составилъ тамъ заговоръ бѣжать, ограбить всѣ казенныя мѣста и проч. и что онъ замышлялъ также освободить государственныхъ преступниковъ, то они приняли это извѣстіе съ негодованіемъ и говорили, что готовы пожертвовать жизнію въ доказательство, что никогда не примутъ участія въ такомъ дѣлѣ.

Содержащіеся въ Читѣ преступники размѣщены въ трехъ, обнесенныхъ крѣпкимъ тыномъ, отдѣленіяхъ, въ одномъ 50 человѣкъ, а въ двухъ по десяти. Кромѣ внутренняго караула, стоятъ часовые и внѣ острога: у воротъ и по угламъ. По прибытіи вечерней зори, дежурный офицеръ и плацъ-адъютантъ осматриваютъ казармы и запираютъ до утренней зори. Въ оградѣ перваго отдѣленія преступники развели садъ и сами построили теплицу. Хозяйствомъ ихъ завѣдуетъ выборный между ними на срокъ артельщикъ, который покупаетъ припасы и заботится о кухнѣ; стряпаетъ у нихъ нанятый изъ поселенцевъ поваръ, при пособіи одного изъ государственныхъ преступниковъ, подъ надзоромъ унтеръ-офицера. За обѣ-

---

[1]) Сухановъ, см. дальше.

домъ и ужиномъ у нихъ по два блюда: щи и жаркое, а иногда и каша».

Въ январѣ 1830 года тотъ же полковникъ Масловъ доноситъ:

«Жены осужденныхъ въ каторжную работу государственныхъ преступниковъ, прибывъ въ Читу, принуждены были, по тѣснотѣ острога, жить въ своихъ домахъ, имѣя свиданіе съ мужьями только дважды въ недѣлю. А какъ эти несчастныя женщины, покинувшія дѣтей своихъ и родителей и отказавшіяся отъ всѣхъ правъ и выгодъ своего состоянія, чтобъ услаждать злополучную участь мужей, лишены этой единственной отрады, то, во исполненіе Высочайшей резолюціи, послѣдовавшей на докладъ о семъ, комендантъ Лепарскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы до выстройки Петровскаго острога, гдѣ есть особыя палаты для женатыхъ преступниковъ, они проводили свободные отъ работъ часы, отъ зори до зори, въ домахъ своихъ женъ, которыя такъ этимъ были довольны, что когда ихъ слѣдовало перевести въ Петровскій острогъ, онѣ, (М. Волконская, А. Муравьева, Е. Нарышкина, Давыдова, Н. Фонъ-Визина, К. Трубецкая) обратились съ письмами къ графу Бенкендорфу, объясняя, что правила, которымъ подвергаются жены, запертыя съ мужьями въ острогѣ, весьма жестоки, между прочимъ лишаются всякой прислуги, а какъ онѣ всѣ имѣютъ дѣтей, или беременны, то имъ нельзя обойтись безъ прислуги; сверхъ того имъ сказали, что въ Петровскомъ острогѣ комнаты, для нихъ построенныя, темны и сыры, что ихъ крайне безпокоитъ на счетъ здоровья дѣтей и проч.—просили оказать имъ ту же милость, какою пользуются въ Читѣ».

Донесеніе Маслова было доложено Николаю Павловичу, который положилъ слѣдующую резолюцію 14 августа 1830 года:

«Новый острогъ сдѣланъ по чертежу, который мнѣ показанъ былъ; строенъ на сто человѣкъ, а ихъ осталось не болѣе 30; стало будетъ тамъ все удобство для помѣщенія съ женами и дѣтьми».

25.

Кн. Волконская въ этомъ мѣстѣ оставила пробѣлъ для заполненія его именами содержащихся въ Читинской каторгѣ декабристовъ. Число ихъ не было постояннымъ. Баронъ А. Е. Розенъ даетъ слѣдующія объ этомъ свѣдѣнія: «Сначала было насъ въ Читѣ 84 человѣка, а по отъѣздѣ 6-го разряда на поселеніе—Толстого въ Грузію и Корниловича въ Петропавловскую крѣпость, — осталось насъ 70 человѣкъ. Вновь прибывшихъ, осужденныхъ не вмѣстѣ съ нами, по особымъ судомъ, привезли къ намъ: Игельстрома, Вегелина, Рукевича и трехъ бывшихъ офицеровъ Черниговскаго полка: барона Соловьева, Мозгалевскаго и Быстрицкаго».

26.

Штабсъ-капитанъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ (ум. въ 1834), осужденный въ четвертомъ разрядѣ къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ, едва только началъ отбывать свою каторгу, какъ былъ увезенъ съ соблюденіемъ таинственныхъ предосторожностей въ С.-Петербургъ. Только въ самое послѣднее время съ опубликованіемъ архивныхъ документовъ (въ статьѣ П. Е. Щеголева «Благоразумные совѣты изъ крѣпости» — Современникъ, 1913, февр., мартъ), стали извѣстны причины увоза Корниловича. Правительство, разслѣдуя заговоръ, стремилось узнать, вліяли-ли на заговорщиковъ иностранныя державы, и, въ частности, Австрія черезъ своего представителя при русскомъ дворѣ, графа Лебцельтерна, женатаго на дочери графа Лаваль. (Другая его дочь была замужемъ за княземъ С. П. Трубецкимъ). Извѣстный Ѳаддей Булгаринъ изложилъ свои мнѣнія по этому поводу и указалъ, что такимъ проводникомъ австрійскаго вліянія могъ быть Корниловичъ. Для того, чтобы допросить его и вывѣдать отъ него всѣ нити австрійской ин-

триги, его и привезли секретно изъ Читы въ Петропавловскую крѣпость; допросили и, конечно, убѣдились, что Корниловичъ не былъ австрійскимъ агентомъ, ни сознательнымъ, ни безсознательнымъ, но въ Сибирь его не вернули, а оставили въ крѣпости. Корниловичъ былъ человѣкъ образованный, бывалый и смѣтливый. Бенкендорфъ примѣнилъ его познанія къ дѣлу, предложивъ ему писать записки и излагать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ русской государственной жизни. Николай Павловичъ прочитывалъ эти записки и разсылалъ ихъ въ соотвѣтствующія министерства къ свѣдѣнію. Только въ 1832 году Корниловичъ былъ освобожденъ изъ крѣпости и отосланъ рядовымъ на Кавказъ.

27.

Въ «Русской Старинѣ» (1878, май) были опубликованы письма кн. М. Н. Волконской къ свекрови, княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ Волконской. Приводимъ два письма, относящихся къ 1829 году: одно изъ нихъ (второе) даетъ намъ возможность представить, какъ подѣйствовало на М. Н. извѣстіе о смерти ея отца Н. Н. Раевскаго.

I.

5-го іюля 1829 г—Острогъ, Чита.

Сегодня Сергіевъ день, милая маменька, и, съ тѣхъ поръ какъ мы женаты, я имѣю въ первый разъ счастіе провести его съ мужемъ. Въ первый годъ я была въ Одессѣ, а онъ въ лагерѣ; 1826-й годъ былъ преисполненъ страданіемъ для насъ, а съ тѣхъ поръ этотъ день не совпадалъ никогда съ нашими свиданіями. Но теперь мой добрый Сергѣй со мной, онъ окружаетъ меня, какъ и прежде, вниманіемъ и любовью. Вы подумаете о насъ, добрая маменька, и сквозь ваши слезы благословите насъ отъ глубины сердца.

Вы желаете намъ счастія въ будущемъ, но судьба наша не измѣнится и не можетъ измѣниться; я не обманываю

себя на этотъ счетъ. Мой мужъ испиваетъ чашу страданія съ покорностію и твердостію, а я съумѣю все перенести возлѣ него. Будьте же спокойны на нашъ счетъ, обожаемая маменька; да не будутъ ваши драгоцѣнные дни омрачены нашей судьбой, какъ скоро она неизмѣнима. Здоровье вашего сына очень хорошо; онъ много занимается своимъ садикомъ, нашимъ домашнимъ хозяйствомъ, словомъ—всѣмъ. Я ни во что не вмѣшиваюсь, и все для меня готово, словно чародѣйствомъ, какъ и въ былое время. Прощаюсь съ вами, цѣлуя ваши ручки милліонъ разъ. Передайте отъ меня много нѣжностей Репнинымъ. Прося вашего благословенія для Сергѣя и для меня, остаюсь ваша покорная дочь Марія Волконская.

II.

8-го декабря 1829 года.—Чита, острогъ.

Вы видѣли изъ предыдущаго моего письма, обожаемая маменька, что мнѣ извѣстна вся глубина моего несчастія. Тотъ, къ кому вы обратились съ письменною просьбой приготовить меня къ удару, предупредилъ ваше желаніе и оказался достойнымъ довѣрія лучшей изъ матерей. Онъ ангелъ-хранитель, дозволяющій мнѣ все возможное, чтобъ облегчить мое страшное положеніе. Мы сохранимъ ему вѣчную признательность [1]).

Сергѣй и я—мы у вашихъ ногъ. Онъ за мной ухаживаетъ, не отходитъ отъ меня и принялъ мое несчастіе почти такъ же горячо, какъ я сама. Милая маменька, поберегите ваше здоровье ради нашего счастія и спокойствія. Нельзя перенести двухъ разъ того, что̀ я испытываю въ эту минуту.

Я получила письмо моей доброй сестры Репниной, но, къ душевному сожалѣнію, не могу отвѣчать ей сегодня. Ей я обязана первымъ облегченіемъ въ моемъ страданіи. Я столько упрекала себя за письма, которыми огорчала отсюда обожаемаго отца, а наканунѣ своей смерти онъ

[1]) Рѣчь идетъ о комендантѣ Лепорскомъ.

говорилъ обо мнѣ съ похвалой и любовью, показывая мой портретъ доктору Фишеру. Не могу вамъ сказать, какую отраду доставили мнѣ эти подробности. Благословляю добрую сестру, которая мнѣ ихъ сообщила, и обнимаю ее отъ глубины сердца. Цѣлую руки ея мужа и прошу его благословенія.

Сергѣй и я, мы здоровы, милая маменька; въ доказательство скажу вамъ, что онъ уже диктуетъ мнѣ письма къ постороннимъ лицамъ. Пока у меня останется хоть искра жизни, я не могу отказать въ услугахъ и помощи столькимъ несчастнымъ родителямъ. Я катаюсь каждый день въ саняхъ: господинъ комендантъ этого требуетъ и присылаетъ мнѣ всегда свои сани.

Прежде нежели прощусь съ вами, обожаемая маменька, прибѣгну опять къ вамъ: во все это время мои люди такъ за мной ухаживали, они показали мнѣ столько усердія и такую привязанность, что я повторяю вамъ мою просьбу на счетъ Ефима. Прошу васъ также и объ Машѣ, моей горничной. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ одинъ изъ нихъ получилъ отпускную прежде другого. Исполните мою просьбу, добрая маменька, и я это приму какъ личную для меня милость. Цѣлую ваши ручки за Сергѣя и за вашу покорную дочь, Марію Волконскую.

28.

Иванъ Ивановичъ Сухиновъ (а не Сухининъ, какъ пишетъ М. Н. Волконская), изъ свободнаго состоянія Херсонской губерніи, началъ службу рядовымъ и въ 1825 году состоялъ въ чинѣ прапорщика въ Черниговскомъ полку подъ начальствомъ С. И. Муравьева-Апостола. Хотя въ этомъ году онъ и былъ переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, онъ все-таки принялъ участіе въ возстаніи Черниговскаго полка, бѣжалъ, добрался до Кишинева и здѣсь былъ арестованъ. Смертная казнь, назначенная судомъ, была замѣнена вѣчной каторгой. Въ 1828 году, будучи на каторгѣ въ Зарентуйскомъ рудникѣ,

былъ инициаторомъ побѣга каторжанъ, былъ вновь присужденъ къ смертной казни, но до исполненія ея удавился въ тюрьмѣ 1-го декабря 1828 года.

29.

Баронесса Анна Васильевна Розенъ, урожденная Малиновская, вышла замужъ 19 апрѣля 1825 года. При отправленіи въ Сибирь ей запретили взять сына. Мужъ ея былъ осужденъ на 6 лѣтъ каторжныхъ работъ и, по отбытіи ихъ, въ 1832 году поселенъ въ Курганѣ Тобольской губерніи. Въ 1837 году А. Е. Розенъ, назначенный рядовымъ въ Кавказскій корпусъ, выѣхалъ на Кавказъ вмѣстѣ со своей женой. Получивъ отставку, онъ жилъ въ Харьковской губерніи. Здѣсь и умерла Анна Васильевна Розенъ въ 1884 году.

30.

Марья Казимировна Юшневская отъ перваго брака имѣла дочь. Отправляясь въ ссылку за мужемъ, она хотѣла взять съ собой дочь, но въ этомъ ей было отказано на томъ основаніи, что «она не соединена съ Юшневскимъ тѣсными узами». По словамъ Бенкендорфа, Государь Николай Павловичъ далъ ей совѣтъ, «не заключать себя *тамъ*, откуда она, можетъ быть, *тщетно* пожелаетъ возвратиться». Мужъ М. К., Юшневскій поступилъ въ каторжную работу 20 декабря 1827 года и, по окончаніи оной, въ 1839 году былъ поселенъ въ с. Кузьминскомъ, а затѣмъ въ Малой Разводной, Иркутской губерніи. Умеръ 10 января 1844 года. Марья Казимировна осталась въ Сибири и неоднократно, но тщетно просила разрѣшенія вернуться въ Россію. Въ семьѣ Юшневскихъ жилъ и учился Н. А. Бѣлоголовый, оставившій свои воспоминанія о декабристахъ.

31.

Камилла Петровна Ивашева, рожд. Ле-Дантю, родилась 17 іюня 1808 года. Послѣ отбытія каторги Ивашевъ былъ поселенъ въ 1836 году въ Туринскѣ Тобольской губерніи. Здѣсь 28 декабря 1839 года скончалась отъ нервической горячки Камилла Петровна. Ровно черезъ годъ въ тотъ же день умеръ здѣсь же и Ивашевъ. Малолѣтнимъ ихъ дѣтямъ, сыну и двумъ дочерямъ, разрѣшено было вернуться въ Россію.

32.

Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, штабъ-лѣкарь, коллежскій ассесоръ, по указанію Алфавита, «принятъ въ Союзъ Благоденствія въ 1818 году. Въ 1821 году, по объявленіи уничтоженія онаго, присутствовалъ въ Тульчинскомъ засѣданіи о продолженіи общества и согласился участвовать въ ономъ. Раздѣлялъ цѣль—введеніе республиканскаго правленія, съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя представятъ въ себѣ непреодолимыя препоны, и одобрялъ рѣшительный, революціонный образъ дѣйствія. Слышалъ о успѣхахъ Сергѣя Муравьева-Апостола въ привлеченіи на свою сторону солдатъ. Вообще, онъ оказывается болѣе раздѣлявшимъ тайные замыслы, нежели дѣйствующимъ по обществу лицомъ и желавшимъ или отстать отъ общества, или чтобы оное уничтожалось. При первыхъ допросахъ былъ неоткровененъ. «По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюля 1826 года конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Высочайшимъ же указомъ 22 августа повелѣно оставить его въ работѣ 15 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибири. Поступилъ въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники 7 марта 1827 года. Высочайшимъ указомъ 14-го декабря 1835 года освобожденъ изъ оной и обращенъ на

поселеніе въ сел. Уриковское, Иркутской губерніи и округа. Въ февралѣ 1845 года по Высочайшему повелѣнію переведенъ въ г. Тобольскъ, «съ предоставленіемъ ему права заниматься, по прежнему, частнымъ врачеваніемъ больныхъ, при строгомъ наблюденіи полиціи». Вольфъ пользовалъ всѣхъ, обращавшихся къ нему, и слава о немъ, какъ объ опытномъ и искусномъ докторѣ, разнеслась по всей Сибири. Декабристъ Анненковъ, обращаясь въ февралѣ 1837 года по начальству съ просьбой разрѣшить Вольфу пріѣхать къ нему подать помощь его сыну, писалъ: «я не прошу васъ прислать другого доктора. Вамъ извѣстно самимъ, что въ самомъ Иркутскѣ предпочитаютъ г-на Вольфа прочимъ и довѣряютъ болѣе его искусству». Для семейныхъ декабристовъ Вольфъ былъ сущимъ благодѣтелемъ. Кн. Волконская рѣшилась безпокоить гр. Бенкендорфа просьбой о поселеніи мужа около Вольфа. Сохранилось ея письмо къ генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 1 августа 1836 года. «Милостивый Государь, Семенъ Богдановичъ! При размѣщеніи второго разряда, мужу моему дано было на выборъ: ѣхать въ Идинскую волость или остаться въ Петровскомъ Заводѣ. Находя, что первое изъ этихъ мѣстъ слишкомъ удалено отъ всякаго медицинскаго пособія, въ которомъ семейство мое часто имѣетъ нужду, и лишившись здѣсь съ отъѣздомъ Фердинанда Багдановича Вольфа столь существенной для насъ пользы, я рѣшилась въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ писать къ графу Бенкендорфу о помѣщеніи Сергѣя Григорьевича въ одномъ мѣстѣ жительства или, по крайней мѣрѣ, по близости отъ Фердинада Богдановича. По письму моему, вѣроятно, Его Сіятельство предоставитъ рѣшеніе сей просьбы Вашему усмотрѣнію, въ такомъ случаѣ прошу Ваше высокопревосходительство оказать съ Вашей стороны содѣйствіе и назначить намъ на жительство то же селеніе, гдѣ находится Фердинандъ Богдановичъ, или въ верстахъ четырехъ или восьми отъ него.— Вы—сами отецъ семейства и можете взвѣсить причины, по которымъ я даю себѣ право безпокоить Васъ; Вамъ

понятно мое чувство, и Вы въ полной мѣрѣ оцѣните признательность матери, которая утруждаетъ Васъ по любви и обязанности къ дѣтямъ». Умеръ Вольфъ 24 декабря 1854 года.

33.

Подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія Гавріилъ Степановичъ Батенковъ (1793—1863)—одинъ изъ выдающихся людей, примкнувшихъ къ тайному обществу. «Былъ членомъ общества со дня смерти покойнаго Императора, но еще прежде вступленія питалъ образъ мыслей, согласный съ духомъ онаго. Въ совѣщаніяхъ предъ 14 декабря участвовалъ и подавалъ мнѣнія, хотя и клонившіяся къ достиженію цѣли общества, однако, болѣе умѣренныя и ограничивающіяся однимъ стремленіемъ къ введенію конституціоннаго правленія, стараясь впрочемъ оградить во время переворота общее спокойствіе и удалить всякую возможность отъ грабежа и убійства. Когда при немъ сказано было, что можно забраться и во дворецъ, то онъ возразилъ: «дворецъ долженъ быть священное мѣсто; если солдатъ до него коснется, то уже ни отъ чего удержать его будетъ невозможно». Готовясь къ участію въ предпріятіи общества, которое, какъ онъ показалъ, для достиженія своей цѣли считало необходимымъ принести на жертву нынѣ царствующаго императора, онъ питалъ честолюбивые виды быть членомъ временнаго правленія и надѣялся, въ видѣ регентства, управлять государствомъ подъ именемъ его высочества Александра Николаевича. Наконецъ, раскаявшись въ преступленіи своемъ, онъ далъ присягу нынѣ царствующему императору и въ возмущеніи 14 декабря никакого участія не принималъ».

Итакъ, сами слѣдователи не обнаружили никакой дѣятельности Батенкова по тайному обществу. Тѣмъ не менѣе, по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда, онъ былъ осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ

въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. По Указу отъ 22 августа 1826 года повелѣно оставить его въ работахъ 15 лѣтъ, а затѣмъ обратить на поселеніе въ Сибири. Но и этого показалось мало. Въ Сибирь на каторгу Батенковъ не былъ посланъ, а былъ оставленъ въ одиночномъ заключеніи, сначала въ Свартгольмской крѣпости, а съ іюня 1827 года въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Продержали его въ одиночкѣ не много, не мало—около 20 лѣтъ—до февраля 1846 года. Немудрено, конечно, что во время заключенія онъ переживалъ періоды временнаго умопомѣшательства. Графъ А. Ѳ. Орловъ возбудилъ вопросъ объ измѣненіи участи Батенкова въ 1846 году. Комендантъ крѣпости Скобелевъ на запросъ Орлова отвѣчалъ: «Арестантъ этотъ въ особенности заслуживаетъ попеченія «о немъ тихимъ, кроткимъ поведеніемъ и примѣрною покорностью». 25 января 1846 года графъ Орловъ спрашивалъ Скобелева: «Какъ поступить съ нимъ безъ вреда общественнаго, если освободить его изъ крѣпости»? — «Дозволить жить во внутреннихъ городахъ Россіи», отвѣчалъ Скобелевъ, «неловко, по вліянію, какое могутъ имѣть его разсказы о 20-лѣтнемъ заключеніи, но, пользуясь свободой въ Тобольскѣ или Томскѣ, подъ присмотромъ полиціи, онъ будетъ на своемъ мѣстѣ». По всеподданнѣйшему докладу, въ февралѣ 1846 г., разрѣшено отправить его на жительство въ г. Томскъ, съ учрежденіемъ за нимъ тамъ строгаго наблюденія. Доживъ до помилованія, онъ, въ 1856 году, получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Калугу, и только въ 1859 году былъ снятъ съ него полицейскій надзоръ, и на этомъ оканчиваются офиціальныя о немъ свѣдѣнія.

34.

Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ декабристовъ. Исторія его жизни крайне любопытна. Человѣкъ высшаго свѣта, онъ служилъ въ кавалергардахъ, въ 1816 году вышелъ въ отставку и

уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ былъ въ сношеніяхъ съ выдающимися людьми того времени и обратился въ католичество. Вернувшись, вновь служилъ въ войскахъ литовскаго корпуса, передъ арестомъ онъ былъ подполковникомъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Лунинъ былъ славенъ своимъ молодечествомъ, независимостью въ дѣйствіяхъ и словахъ, остроуміемъ, большой начитанностью и образованіемъ. Въ «Алфавитѣ» о немъ написано:

«Принятъ въ Союзъ Благоденствія въ 1817 году. Участвовалъ на совѣщаніи въ Москвѣ, при вызовѣ Якушкина на цареубійство и съ того времени неоднократно случалось ему слышать въ разсказахъ сочленовъ своихъ о покушеніяхъ на жизнь покойнаго государя; а въ 1818 или 1819 году, разсуждая объ открытіи дѣйствій, о насильственныхъ мѣрахъ, онъ самъ упоминалъ, въ случаѣ неудачи, о средствѣ умертвить Императора на царскосельской или другой какой-либо дорогѣ. Читалъ и одобрялъ нѣкоторые отрывки Русской правды Пестеля. Присутствовалъ въ собраніи Коренной думы въ 1820 году, но голоса на республику не подавалъ, ибо всегдашнее его мнѣніе было—введеніе конституціи съ ограниченною исполнительною властію. Ему извѣстно было о мнимомъ уничтоженіи общества въ 1821 году; онъ одобрялъ сію мѣру; но при всемъ томъ безуспѣшный и непостоянный ходъ занятій Общества побудилъ его оставить оное. Въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ онъ прекратилъ всѣ сношенія съ членами, однако чистосердечно сознается, что при другихъ обстоятельствахъ, вѣроятно, дѣйствовалъ бы въ духѣ общества.

«По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюля 1826 года Высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу на 20 лѣтъ.—Высочайшимъ же указомъ 22 августа повелѣно оставить его въ работѣ пятнадцать лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибири.

Поступилъ въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники, 11 апрѣля 1828 года.

Высочайшимъ указомъ 14 декабря 1835 года освобожденъ изъ оной и обращенъ на поселеніе въ сел. Уриковское, Иркутской губ. и округа. Съ февраля 1841 года находился въ Нерчинскѣ (въ Акатуѣ), подъ строгимъ заключеніемъ, за составленіе рукописи, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на русское тайное общество съ 1816 по 1826 года». 3-го декабря 1845 г. умеръ скоропостижно.

По сообщенію кн. М. С. Волконскаго (Записки кн. М. Н. Волконской, Спб., 1904, стр. 174), изъ дѣла III отдѣленія о Лунинѣ видно, что «Взглядъ на русское тайное общество» онъ написалъ еще въ Петровскомъ заводѣ для коменданта Лепарскаго; впослѣдствіи же, въ Урикѣ, сообщилъ ее декабристамъ Иванову и Громницкому, поселенному въ с. Бѣльскѣ. Этимъ сообщеніемъ ограничилось съ его стороны «распространеніе» записки, въ которомъ онъ былъ обвиненъ. Послѣднюю получилъ уже отъ Громницкаго учитель гимназіи Журавлевъ, снялъ съ нея копію и читалъ приставу Черепанову, священнику Добросердову и полиціймейстеру Василевскому. Дѣло было раскрыто и поднято чиновникомъ Успенскимъ, руководившимъ и обыскомъ, произведеннымъ у Лунина, при которомъ найдены: 1) указанная рукопись: «Взглядъ на русское тайное общество 1816—1826 г.г.», на французскомъ языкѣ; 2) записка на англійскомъ языкѣ: «Разборъ донесенія Слѣдственной Комиссіи надъ государственными преступниками 1826 г.», его же 3) краткая рукопись: «Мысли религіозныя и политическія—замѣчанія о законахъ и разныхъ мѣрахъ правительственныхъ»; 4) письмо декабриста Завалишина, просящаго о пособіи; 5) историческая записка объ «Анадырскомъ острогѣ за полвѣка назадъ»; 6) историческое сочиненіе о древней Греціи, и 7) нѣсколько стихотвореній политическаго содержанія, переписанныхъ Лунинымъ.

35.

Кн. М. С. Волконскій на основаніи документовъ, взятыхъ преимущественно изъ Архива III Отдѣленія, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о томъ, какъ возникло требованіе объ обязательной перемѣнѣ фамиліи дѣтей декабристовъ и какъ отнеслись къ нему декабристы.

«Въ началѣ 1841 года, по почину графа Бенкендорфа, по случаю предстоявшаго бракосочетанія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, послѣдовала Высочайшая воля о разсмотрѣніи, въ видахъ Монаршаго милосердія, вопроса «о дѣтяхъ, рожденныхъ въ Сибири отъ сосланныхъ туда государственныхъ преступниковъ, вступившихъ въ бракъ въ дворянскомъ состояніи до постановленія о нихъ приговора». Для этого потребовались предварительныя справки, и были доставлены слѣдующія свѣдѣнія: у Сергѣя Волконскаго—сынъ Михаилъ и дочь Елена, у Никиты Муравьева—дочь Софія, у Сергѣя Трубецкого—дочери: Александра, Елизавета и Зинаида, у Александра Муравьева—сынъ Никита, у Василія Давыдова—сыновья: Василій, Иванъ и Левъ, дочери: Александра и Софія, у Ивана Анненкова—дочь Ольга и сыновья: Владиміръ, Иванъ и Николай, у Василія Ивашева (умершаго)—сынъ Петръ и дочери: Марія и Ольга.

«Изъ перечисленныхъ здѣсь только дѣти С. Г. Волконскаго, Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого и В. Л. Давыдова подходили подъ вышеозначенную категорію лицъ, указанныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи [1]). Такъ опредѣлилъ это и управляющій Министерствомъ Юстиціи, графъ Панинъ, въ отвѣтѣ своемъ отъ 14 янв. 1842 года графу Бенкендорфу, спрашивавшему его о томъ, какія бы онъ полагалъ принять мѣры по исполненію Высочайшей воли. Что же касается сихъ послѣднихъ, то графъ Панинъ высказалъ, что онъ полагалъ бы возможнымъ принять

---

[1]) Впослѣдствіи мѣра эта была распространена и на дѣтей А. Е. Розена.

слѣдующія: 1) «дѣтей мужеского пола, достигшихъ возраста, въ который они могутъ поступить въ военноучебныя заведенія, отдать, буде того пожелаютъ родители, въ кадетскій корпусъ, съ тѣмъ, что они утверждены будутъ въ правахъ дворянства токмо по выпускѣ изъ корпуса, если заслужатъ сей милости нравственнымъ поведеніемъ, хорошими правилами и успѣхами въ наукахъ; 2) дѣтей женскаго пола, равнымъ образомъ, по желанію родителей и по достиженіи установленнаго возраста, отдать въ учебныя заведенія, состоящія подъ надзоромъ правительства, и 3) дѣтямъ обоего пола не дозволять носить фамиліи, коей невозвратно лишились ихъ отцы, но именоваться по отчеству, т.-е. Сергѣевыми, Никитиными и Васильевыми». Спрошенный по этому предмету управляющій 2-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, д. т. с. Блудовъ, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ графа Панина. Въ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ за симъ по общему всеподданнѣйшему докладу Блудова, графа Панина и графа Бенкендорфа 21-го февраля 1842 года и сообщенномъ графомъ Бенкендорфомъ генералъ-губернатору Руперту къ исполненію, эти условія повторены буквально [1]).

Сосланные въ Сибирь отнеслись къ Монаршей волѣ, какъ къ великой милости, но одно изъ условій произвело не только на нихъ, но и на всѣхъ лицъ, узнавшихъ о томъ въ Сибири, удручающее впечатлѣніе, а именно: требованіе отъ дѣтей ихъ перемѣны фамиліи. Въ немъ они видѣли желаніе уничтожить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ даже и эту связь съ отцами и предками. Приписывалось это жестокосердію, которое одни относили къ самому Государю, а другіе обвиняли докладчика, графа Бенкендорфа. Изъ приведенныхъ документовъ видно, что починъ этой мѣры принадлежалъ графу Панину.

---

[1]) О томъ, чтобы это Высочайшее повѣленіе о наименованіи дѣтей государственныхъ преступниковъ, при опредѣленіи ихъ въ учебное заведеніи, всегда принималось общимъ закономъ, сообщено также военному и другимъ министрамъ.

Генералъ-губернаторъ Рупертъ вызвалъ къ себѣ Волконскаго, Муравьева и Трубецкого и, объявляя имъ Высочайшую волю, настаивалъ на безусловномъ ея принятіи, при чемъ потребовалъ отъ каждаго изъ нихъ письменнаго отзыва. Но рѣшился принять сдѣланное предложеніе только поселенный въ г. Красноярскѣ В. Л Давыдовъ, имѣвшій, кромѣ четверыхъ дѣтей, оставленныхъ въ Петербургѣ, еще пятерыхъ, воспитаніе которыхъ въ Сибири встрѣчало большія затрудненія[1]); остальные трое отказались. Н. М. Муравьевъ, въ отзывѣ на имя генерала Руперта (отъ 19 апр. 1842 г. изъ села Урикъ) высказалъ: «Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, при торжествованіи своего брака, обратилъ умиленные взоры на участь дѣтей нашихъ и пожелалъ, чтобы пламенныя молитвы матерей, отцовъ и сиротъ вознеслись за него къ престолу Божьему. Государь Императоръ поручилъ комитету изыскивать средства къ осуществленію великодушной мысли Цесаревича, но члены онаго не были одушевлены христіанскимъ высокимъ чувствомъ юной души. Отнятіе у дочери моей фамильнаго ея имени поражаетъ существо невинное и бросаетъ тѣнь на священную память матери и супруги». С. П. Трубецкой писалъ того же числа, изъ села Оёкъ генералу Руперту, между прочимъ, слѣдующее: «До глубины души исполненный чувствомъ живѣйшей признательности къ вниманію, Всемилостивѣйше обращенному на женъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать, что Государь Императоръ, по милосердію своему, не допуститъ наложить на чело матерей незаслуженное ими пятно и, лишеніемъ дѣтей фамильнаго имени отцовъ, не причислитъ ихъ къ незаконнорожденнымъ». При этомъ оба отъ милости Царской отказывались. Того же числа изъ села Урикъ С. Г. Волконскій писалъ генералу Руперту: «Частыя и сильныя болѣзни сына моего совершенно разстроили его здоровье. Въ положеніи семъ, не

[1]) Сыновья его воспитывались впослѣдствіи въ корпусахъ, подъ именемъ Васильевыхъ, и только въ 1856 году получили обратно принадлежащее имъ имя.

только предназначеніе къ военной службѣ, но и самое путешествіе его изъ Сибири въ Россію будетъ для него несомнѣнно пагубнымъ. Дочь моя еще ребенокъ, и что можетъ ей замѣнить заботливое попеченіе матери? Существованіе жены моей такъ совершенно слито съ благополучіемъ и жизнью ея дѣтей, что одна мысль о возможности разлуки сдѣлалась для нея мученіемъ. Должны-ли дѣти мои вступить въ свѣтъ съ горькою увѣренностью, что отецъ ихъ купилъ имъ житейскія выгоды новыми страданіями и самою жизнію ихъ матери? На сердце, уже полное любви и добродѣтели, Государя Цесаревича и Наслѣдника, возлагаю я нераздѣльную судьбу жены и дѣтей моихъ и, черезъ сердобольное ходатайство Его, испрашиваю милости не лишать дѣтей моихъ имени, переданаго имъ святостью брака, родителей, имени, которое изгладить въ ихъ памяти можно только уничтоженіемъ сыновней въ нихъ любви. Симъ отзывомъ имѣю честь отвѣтствовать на предложеніе, сдѣланное мнѣ чрезъ Ваше Высокопревосходительство».

Генералъ Рупертъ слѣдующимъ образомъ отнесся къ искренности чувствъ, выраженныхъ въ приводимыхъ письмахъ: «Я приглашалъ къ себѣ», пишетъ онъ графу Бенкендорфу, «поселенныхъ вблизи Иркутска государственныхъ преступниковъ: Волконскаго, Муравьева и Трубецкого и лично объявилъ имъ то безконечное снисхожденіе и высокую, неизреченную милость, которую угодно было явить Государю Императору относительно возвращенія изъ Сибири и воспитанія дѣтей ихъ, изложивъ при этомъ подробно всѣ выгоды, имѣющія сопровождать сіе безпредѣльное благодѣяніе къ нимъ Отца-Монарха; но, къ крайнему огорченію и прискорбію, не могъ не замѣтить, что настоящая милость и состраданіе Его Величества не нашли ни малѣйшаго отголоска въ сердцахъ этихъ холодныхъ, закоренѣлыхъ эгоистовъ. Вмѣсто умиленія, безусловной покорности, благодарности и благоговѣнія, съ коими бы слѣдовало принять и исполнить милосердую волю Царя, они обнаружили лишь одну суетность, про-

тиворѣчіе и неопредѣленность своихъ желаній, такъ что я вынужденъ былъ, наконецъ, приказать имъ, посовѣтовавшись съ женами, изложить отвѣты свои въ продолженіе 48-ми часовъ, на письмѣ. Эти письменные отзывы имѣю честь почтительнѣйше представить у сего на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства вмѣстѣ съ вытребованнымъ мною чрезъ г. Енисейскаго гражданскаго губернатора таковымъ же отъ поселеннаго въ Красноярскѣ преступника Давыдова.

«Изъ нихъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что одинъ только Давыдовъ умѣлъ понять и вполнѣ почувствовалъ всю благодать снисхожденія и милосердія добраго Государя, и потому одинъ достоинъ воспользоваться настоящею высокою Монаршею милостію. Что же касается до Волконскаго, Муравьева и Трубецкого, то обнаруженная ими неготовность къ принятію ея, вслѣдствіе какого-то неизъяснимаго упрямства и себялюбія, по мнѣнію моему, должна навсегда лишить ихъ всякаго права на какое бы то ни было снисхожденіе Правительства».

О томъ, какъ взволнована была жестокимъ требованіемъ правительства кн. М. Н. Волконская, можно судить по письму ея къ брату, А. Н. Раевскому, въ которомъ она дѣлаетъ видъ, что не вѣритъ возможности насильственнаго разлученія съ дѣтьми. Оно писано по полученіи изъ Петербурга извѣстія о тяжкой болѣзни зятя, М. Ѳ. Орлова.

«Дорогой мой Александръ. Когда душа моя болитъ, я останавливаюсь на самой себѣ и на тѣхъ, кто мнѣ дорогъ, и одного прошу я у благости Божіей, сохраненія ихъ дней, да пошлетъ Онъ здоровье и чистую совѣсть дѣтямъ нашимъ, да не допуститъ Онъ никогда моей разлуки съ ними; это единственное мое желаніе, и я полагаюсь на милость Его относительно ихъ будущаго. Въ минуты нашихъ тревогъ за жизнь нашего дорогого Михаила [1]), Сергѣй получилъ 16-го числа этого мѣсяца, бу-

[1]) Вскорѣ затѣмъ, послѣ смерти Н. М. Муравьева, скончавшагося въ Урикѣ 28 апрѣля 1843 года, его дочь, ставшая круглою сиротою, была

магу, изъ которой мы видимъ новое доказательство сердечной доброты Великаго Князя Наслѣдника, который хочетъ пріобщить насколько возможно, ко всѣмъ радостнымъ событіямъ своей жизни, тѣхъ, кто страждетъ. Благодаря его посредничеству, предлагается матерямъ, послѣдовавшимъ въ Сибирь за ихъ мужьями, отдать ихъ дѣтей для помѣщенія мальчиковъ въ кадетскіе корпуса и дѣвочекъ въ институты, но съ условіемъ заставить ихъ навсегда отказаться отъ фамиліи ихъ отцовъ и называться просто Сергѣевыми, Никитиными и т. д., смотря по имени отца. Прежде чѣмъ сказать вамъ мое мнѣніе объ этомъ послѣднемъ условіи, я должна выразить чувство благодарности, наполняющей мое сердце, за то, что Его Императорское Величество поручаетъ обратиться къ нашему, материнскому чувству въ такомъ серіозномъ вопросѣ. Такое сердечное отношеніе глубоко меня трогаетъ; если я это говорю, то значитъ, чувствую: фразъ я не люблю, вы это знаете. Это не согласно ни съ моимъ характеромъ, ни съ высотой несчастія.

«Теперь обратимся къ самому факту. Отказаться отъ имени отца, это такое униженіе, подвергнуть которому своихъ дѣтей я не могу взять на себя; не будутъ ли они въ правѣ когда-нибудь потомъ поставить мнѣ это въ упрекъ? По совѣсти, передъ Богомъ и передъ людьми, я не должна этого дѣлать; это значило бы заклеймить ихъ въ глазахъ каждаго, дать имъ видъ незаконнорожденности, чего ни одна мать не могла бы вынести. Дорогой мой Алексанръ, вы, который меня знаете, не приписывайте этого, умоляю васъ, ни горечи, ни оскорбленному самолюбію, это лишь крикъ моего сердца. Развѣ я не знаю, какъ трудно соединить добро, которое хотятъ намъ дѣлать, съ положеніемъ, въ которомъ мы находимся; ввѣримся же Богу, свидѣтелю страданій, чрезъ которыя прошло мое сердце за послѣдніе три дня. Онъ сжалится надо

принята въ Московскій Екатерининскій институтъ съ фамиліей «Никитина», а двѣ дочери С. П. Трубецкого—въ иркутскій дѣвичій институтъ, гдѣ онѣ сохранили, однако, свое имя.

мною. Мой сынъ не можетъ принять участія въ рѣшеніи этого вопроса, такъ какъ мнѣ не дано права мечтать о его карьерѣ, но я даже не увѣрена въ сохраненіи его жизни; отъ самаго рожденія онъ былъ существомъ слабымъ и хилымъ до того, что когда пришло повелѣніе выпустить насъ на поселеніе, то первымъ моимъ порывомъ было написать графу Бенкендорфу и просить его поселить насъ вмѣстѣ съ бывшимъ докторомъ Вольфомъ, куда бы судьба ни забросила этого послѣдняго; вотъ мѣра моихъ опасеній и моей вѣры въ науку того, который столько разъ спасалъ жизнь моего сына. И теперь еще я далеко не успокоилась за него; прошедшимъ лѣтомъ его чуть не унесла тяжелая болѣзнь; его слабость такъ велика, что глаза до сихъ поръ страдаютъ, и здоровье колеблется. Неллинька еще слишкомъ мала, чтобы можно было думать о ея воспитаніи; да и что же ей нужно, кромѣ ухода матери? Если Богъ сохранилъ ей мать, то за что же люди лишатъ ее матери? Словомъ, жить съ моими дѣтьми и для нихъ — это условіе моей собственной жизни, разлучить насъ значило бы произнести приговоръ надо мною. Дорогой мой Александръ, я слишкомъ взволнована въ эту минуту, чтобы продолжать писать; состояніе здоровья Михаила Орлова меня также крайне мучаетъ; съ нетерпѣніемъ жду успокоительнаго о немъ слова; я не смѣю писать Катенькѣ, но я ее понимаю, вижу, раздѣляю всѣ ея муки. Богъ да благословитъ ее и всѣхъ васъ. Цѣлую и благословляю вашего дорогого ребенка».

«Опасенія княгини Волконской были, къ счастью, напрасны—пишетъ ея сынъ кн. М. С. Волконскій—но душевныя волненія, черезъ которыя она прошла при этихъ обстоятельствахъ, и боязнь, что, несмотря на отказъ родителей, дѣти все-таки будутъ отъ нея отняты, такъ потрясли ее, что она впала въ продолжительную и опасную болѣзнь, оставившую на здоровьѣ ея тяжелый слѣдъ на всю жизнь. Съ тѣхъ поръ она постоянно хворала и не могла болѣе вернуть своего крѣпкаго здоровья». (Записки, 178—188).

36.

Кн. М. С. Волконскій сообщаетъ слѣдующія данныя о своемъ учителѣ: «Юліанъ Сабинскій участвовалъ въ дѣлѣ Конарскаго и въ 1839 г. приговоренъ къ 20-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, сокращеннымъ впослѣдствіи на 10 лѣтъ, и сосланъ былъ въ Восточную Сибирь одновременно съ Олизаромъ, Ярженой, Руцинскимъ, Рошковскимъ и Немировскимъ. Въ 1843 году освобожденъ и поселенъ въ с. Грановскомъ Иркутскаго округа. Помилованный, онъ выѣхалъ въ 1857 году въ Каменецъ-Подольскую губернію, гдѣ принялъ участіе въ противоправительственныхъ манифестаціяхъ 1861 года; за это долженъ былъ быть высланъ на жительство въ Тамбовскую губернію, но, по болѣзни, оставленъ въ г. Черниговѣ и скончался въ этомъ городѣ 76 лѣтъ отъ роду, весною 1868 года. Былъ человѣкъ весьма образованный, отлично знавшій древніе и нѣсколько новыхъ языковъ». (Записки, 190).

Здѣсь же приведена слѣдующая выдержка изъ письма княгини М. Н. Волконской къ графу А. Ѳ. Орлову отъ 25 февраля 1846 года:

«Графъ! У меня нѣтъ болѣе родителей, вы это знаете, нѣтъ никого, кто бы могъ за меня ходатайствовать; я обращаюсь къ вамъ и прошу поддержать меня въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Страдая уже нѣсколько лѣтъ постоянной болѣзнью сердца и боясь не перенести ея, я озабочена мыслью, что не даю достаточно хорошаго образованія сыну, а, съ другой стороны, разлука съ нимъ нанесла бы смертельный мнѣ ударъ при такомъ состояніи моего здоровья. Вотъ почему я желала бы, чтобы онъ прошелъ курсъ гимназіи въ Иркутскѣ, гдѣ, воспитаніемъ въ общественномъ учебномъ заведеніи, онъ обезпечилъ бы себѣ спокойную будущность. Итакъ, я умоляю васъ, графъ, исходатайствовать

милостивое соизволеніе Государя Императора на разрѣшеніе сыну моему поступить приходящимъ ученикомъ въ Иркутскую гимназію, и я буду обязана Его Величеству спокойствіемъ остальныхъ дней моей жизни. Графъ! не съ формальнымъ прошеніемъ обращаюсь я къ вамъ, а съ просьбою матери, которая говоритъ вамъ со всею искренностью и упованіемъ своего сердца».

По мнѣнію генерала Руперта, это ходатайство «заслуживало уваженія, тѣмъ болѣе, что публичное воспитаніе есть лучшее средство дать юному уму направленіе, согласное съ видами правительства». Графъ Орловъ испросилъ на это Высочайшее соизволеніе, причемъ о перемѣнѣ имени вопроса и не подымалось.

ДОПОЛНЕНІЕ

Къ разъясненію мотивовъ, побудившихъ М. Н. Волконскую послѣдовать въ Сибирь за мужемъ, могутъ послужить слѣдующія, до сихъ поръ не бывшія въ печати ея письма, писанныя изъ Читинскаго острога въ мартѣ 1828 года къ нѣкоей госпожѣ Крамковской, сестрѣ одного изъ находившихся на каторгѣ декабристовъ, и m-lle Штейбенъ, невѣстѣ тоже пребывавшаго на каторгѣ декабриста Ерюкова. Письма, писанныя по французски, мы даемъ въ переводѣ.

1.

Письмо къ m-me Крамковской.

Я думаю, сударыня, что Вы уже получили мое первое письмо и что мнѣ удалось уменьшить ваше безпокойство о вашемъ братѣ и двухъ товарищахъ по несчастію. Они продолжаютъ быть здоровыми. Разлука съ вами и вашими сестрами—ихъ самое большое страданіе. Покорившись своей участи, господинъ Вегелинъ и Игельстромъ не теряютъ надежды соединиться когда нибудь съ тѣми, кто имъ дороже жизни. Ваши сестры не могли ли бы достигнуть позволенія у Его Величества пріѣхать сюда къ своимъ женихамъ? Среди насъ были недавно уже примѣры этому: его величество императоръ въ своихъ заботахъ о несчастныхъ уже разрѣшилъ, одной за другой, двумъ женщинамъ, связаннымъ обѣщаніями женитьбы, пріѣхать сюда. Я, такимъ образомъ, не теряю надежды когда нибудь ближе познакомиться съ этими барышнями, а пока мы просимъ ихъ писать намъ какъ можно чаще. Я со своей стороны счи-

таю своимъ долгомъ, извѣщать васъ о всемъ, что я знаю о дорогихъ вамъ людяхъ. Я знаю, что одинъ изъ нихъ, извѣстный музыкантъ, очень страдаетъ безъ флейты; постарайтесь прислать ему хорошій инструментъ и ноты. Возможно, что въ свободные часы ему будетъ позволено пользоваться ими. Вы знаете, конечно, что всѣ письма и посылки должны быть адресованы на имя его превосходительства Милостиваго Государя Ивана Богдановича Цейдлера, господина Гражданскаго Губернатора въ Иркутскѣ. Такъ должны быть адресованы письма вашему брату.

Я пользуюсь этимъ случаемъ и т. д.

2.

Письмо къ m-lle Штейбенъ.

Ставлю себѣ въ истинное удовольствіе дать Вамъ, mademoiselle, новости о господинѣ Крюковѣ. Я знаю отъ моего мужа, что его здоровье очень хорошо и что онъ переноситъ свою судьбу съ величайшимъ спокойствіемъ; но онъ не можетъ утѣшиться, видя, какъ разсѣивается счастливое будущее, предстоявшее Вамъ обоимъ. Ваше сердце, mademoiselle, безъ сомнѣнія скажетъ Вамъ, что времени не удастся ослабить силу чувства, которое онъ питаетъ къ Вамъ на вѣки. Если бы, съ согласія Вашего батюшки, Вы могли бы получить по милости Его Величества разрѣшеніе пріѣхать соединиться съ Вашимъ женихомъ, то онъ могъ бы только благословлять свою участь. Я имѣю надежныя основанія думать, что эта милость будетъ Вамъ дарована.

Ваше письмо, полученное на-дняхъ, наполнило Крюкова надеждой и составляетъ все его утѣшеніе: говорятъ, онъ проводитъ дни надъ перечитываніемъ этого письма.

Я кончаю свое письмо, умоляя Васъ простить меня за краткость; непріятныя письма, которыя я получила изъ дому, не даютъ мнѣ возможности связать мои мысли. Вѣрьте, mademoiselle, что сердечнымъ моимъ утѣшеніемъ является возможность облегчить Ваше горе...

Письма эти не попали въ руки тѣхъ, кому были адресованы. III-ье отдѣленіе, черезъ которое въ началѣ шла переписка заключенныхъ въ Читинскомъ острогѣ и ихъ женъ, возвратило эти письма Волконской при слѣдующемъ отношеніи.

«III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, по приказанію г. генералъ-адъютанта Бенкендорфа, имѣетъ честь возвратить при семъ Марьѣ Николаевнѣ два письма ея, адресованныя г-жами Штейбенъ и Крамковской, и увѣдомить ее, что ей не слѣдовало бы завлекать новыхъ жертвъ въ несчастіе и бѣдствіе. 24 іюля 1828 года.

Указатель собственныхъ именъ *)

*) Имена, встрѣчающіяся въ текстѣ записокъ, приводятся въ указателѣ съ ссылкой только на русскій текстъ записокъ. Имена кн. С. Г. Волконскаго и кн. М. Н. Волконской совсѣмъ не приведены въ указателѣ, какъ встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ.

ЗАПИСКИ

княгини Маріи Николаевны
ВОЛКОНСКОЙ.

Перев. съ французс. оригинала А. Н. Кудрявцевой.
Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева.
Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

• • •

ЗАПИСКИ

жены декабриста, П. Е. АННЕНКОВОЙ.

(Pauline Gueuble).

Вступительная статья и примѣчанія П. Е. Щеголева.
Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

• •

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ.

ПУШКИНЪ. Очерки. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: „Зеленая лампа“.—Утаенная любовь.—Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина.—Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 г.—Пушкинъ въ процессѣ 1826—1828 г.г.—Дуэль Пушкина съ Дантесомъ.

Императорской Академіей наукъ удостоено преміи имени Пушкина.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: А. Н. Радищевъ въ 1789 году.—Дѣтство Гоголя. — Семенъ Олейничукъ. — Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.—Грибоѣдовъ и декабристы.—Катехизисъ С. И. Муравьева-Апостола. — Декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской. — Жены декабристовъ.

ПЕСТЕЛЬ, П. И. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Е. Щеголева. Ц. 1 р.

24483

